

ДЖЕНН ЛАЙОНС

ПОГИБЕЛЬ КОРОЛЕЙ

«Экстраординарно!»

Лев ГРОССМАН

fan_zon

Fanzon. Наш выбор

Дженн Лайонс

Погибель королей

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лайонс Д.

Погибель королей / Д. Лайонс — «Эксмо», 2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-110243-2

В Кууре отгремела война богов с демонами, которых сковали узами магических камней, но пророчества гласят об избранном, что освободит их, получив меч Урганриэль – Погибель богов. Кирин – вор из банды Ночных Танцоров. Забравшись в дом, он становится свидетелем ритуала вызова демона. Он еще не знает, во что ввязался, но богиня удачи ведет его. Потерять часть души, быть преданным и проданным, ненавидеть отца, петь для дракона и учиться магии – везение это или насмешка? Что скрывают от него близкие люди? И почему за ним охотится принц демонов?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110243-2

© Лайонс Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I. Диалог между тюремщицей и заключенным	6
1: Аукцион по продаже рабов	8
2: Дом казivarца	13
3: Черное Братство	19
4: Мягкобрюх	25
5: Отъезд из Кишна-Фарриги	32
6: Отец Грача	36
7: «Страдание»	41
8: Сделка с ангелом	43
9: Души и камни	48
10: Демон на улицах города	54
11: Надвигающийся шторм	61
12: По ту сторону завесы	64
13: Решительный волшебник	73
14: Сказки перед сном	79
15: Пасть Жериаса	86
16: Генеральская награда	89
17: Пробуждение Старика	91
18: Что узнал Джарит	98
19: Сон о богине	101
20: Валатгя	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Дженн Лайонс

Погибель королей

Jenn Lyons
THE RUIN OF KINGS

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Дэвиду, который дал мне первое семечко,
И Майку, который помог вырастить из него целый мир.
А также трем отцам Кирина: Стиву, Кэтту и Патрику.
Без вас он бы стал совсем другим.*

Ваше величество!

К данному письму я прилагаю полное описание происшествий, которые привели к пожару, уничтожившему столицу. Первая часть в значительной мере основана на расшифровке разговора между двумя лицами, сыгравшими одни из ключевых ролей в данных событиях; другие части представляют собой мою попытку восстановить хронику событий. Там, где это возможно, я использовал показания свидетелей, а когда я был вынужден прибегать к догадкам, то старался придерживаться общего духа этой истории. Текст я снабдил примечаниями и аналитическими замечками, которые, я надеюсь, окажутся для вас полезными.

В тех случаях, когда я буду поучать вас по тем предметам, о которых вы знаете больше, чем я, молю вас – наберитесь терпения. После долгих раздумий я решил, что лучше исходить из вашего неведения, чем из вашего всезнания.

Я надеюсь, что если у вас будет как можно более полная картина данных событий, вы проявите снисхождение к лорду-наследнику; члены Совета, которые рекомендуют обвинить его в измене и казнить, определенно не знают всей истории в целом.

*Ваш верный слуга,
Турвишар де Лор*

Часть I. Диалог между тюремщицей и заключенным

– Расскажи мне историю.

Чудовище присело у железной решетки тюремной камеры Кирина, положило на пол невзрачный камешек и подтолкнуло его вперед.

Коготь была похожа на монстра. Она выглядела как девушка лет двадцати с небольшим – пшенично-золотистая кожа, мягкие каштановые волосы. Большинство мужчин пожертвовали бы своими клыками за один вечер с такой красавицей. *Большинство* мужчин не знали о ее способности превращать свое тело в формы, сотканные из чистого ужаса. Прежде чем сожрать свои жертвы, она издевалась над ними, принимая обличье их убитых родственников и возлюбленных. Поручить ей охранять Кирина – все равно что приказать акуле сторожить аквариум с рыбами.

– Да ты шутишь. – Кирин поднял голову и посмотрел на нее.

Длинным черным ногтем Коготь поковыряла каменную стену у себя за спиной.

– Мне скучно.

– Свяжи что-нибудь. – Юноша встал и подошел к решетке. – Ну или помоги мне сбежать.

Коготь наклонилась вперед.

– О, любимый, я не могу, ты же знаешь. Но мы же так давно с тобой не разговаривали. Нам о многом нужно друг другу поведать, а ведь они еще тысячу лет будут готовиться. Расскажи мне обо всем, что с тобой произошло. Так мы скоротаем время, пока твой брат не придет тебя убивать.

– Нет.

Он поискал, за что бы зацепиться взглядом, но вокруг были только голые стены без окон. Единственным источником света служила волшебная лампа, висевшая за пределами камеры. Кирин не мог воспользоваться ею, чтобы развести огонь. Он бы с удовольствием поджег соломенную подстилку – если бы ему ее выдали.

– А тебе разве не скучно? – спросила Коготь.

Кирин прервал свои поиски скрытого тоннеля, по которому он мог бы сбежать.

– Когда они вернуться, то принесут меня в жертву демону. Так что нет, мне не скучно.

Он снова обвел взглядом камеру.

Кирин мог бы воспользоваться магией, изменить *тенью* прутьев решетки и стены, и тогда железо станет мягким, а камни хрупкими, словно сухая трава. Но за каждым его движением следит Коготь. Хуже того, она способна вырвать мысли о побеге из его сознания, как только они появятся.

И она никогда не спит.

– Но зато я *ем*, – сказала она, отвечая на его мысли. Ее глаза сверкнули. – Особенно когда мне скучно.

Кирин закатил глаза.

– Ты меня не убьешь. Эта честь принадлежит кому-то другому.

– Я не считаю это убийством. Напротив, тем самым я тебя спасу. Твоя личность останется со мной навсегда, вместе с...

– Прекрати.

Коготь надулась и принялась с преувеличенной тщательностью разглядывать свои когти.

– Если ты можешь читать мои мысли, то мои рассказы тебе не нужны. Забери у меня мои воспоминания – так же, как отняла все остальное.

Она снова встала.

– Мне скучно. Кроме того, я не отняла у тебя все. Я не отняла у тебя всех твоих друзей. Не отняла у тебя родителей. – Коготь помолчала. – По крайней мере, твоих настоящих родителей.

Кирин молча уставился на нее.

Она рассмеялась и откинулась назад.

– Значит, я должна уйти? Если не расскажешь мне историю, тогда, пожалуй, я загляну к твоему отцу и матери. Уж *они-то* меня порадуют. Хотя им самим будет не так уж весело.

– Ты не посмеешь.

– А кто меня остановит? На твоих родителей им плевать. Они думают только о своем жалком плане, а твоему отцу и матери в нем места нет.

– Ты не...

– О да, еще как, – зарычала Коготь. Голос у нее был пронзительный, совсем не похожий на человеческий. – Играй по моим правилам, ясноглазый, иначе я вернусь, надев на себя кожу твоей матери и подпоясавшись кишками твоего отца. Я буду показывать тебе, как они умирали, снова и снова, пока не придет твой брат.

Содрогнувшись, Кирин отвернулся и зашагал по камере. Он взглянул на пустое ведро и на тонкое одеяло в углу комнаты. Он внимательно изучил железные прутья решетки и замок. Он даже проверил – вдруг его похитители хоть что-нибудь пропустили, когда отняли у него оружие, отмычки, перстень с печаткой и талисманы. Они оставили только ожерелье, на которое им было плевать, – ожерелье, которое стоило целое состояние.

– Ну, если так, разве я могу отказаться? – сказал Кирин.

Коготь сложила ладони перед лицом и тихо хлопнула от восхищения.

– Чудесно. – Она бросила ему камешек – тот самый, который ранее положила на пол между ними.

Кирин поймал его.

– Что это?

– Камень.

– Коготь...

– Это *волшебный* камень, – сказала она. – Только не говори, что человек, оказавшийся в твоём положении, не верит в волшебные камни.

Нахмуясь, он снова осмотрел камень.

– Кто-то изменил его *тенью*.

– Волшебный. Камень.

– А для чего вообще он нужен?

– Он *слушает*. Поскольку историю рассказываешь ты, он должен быть у тебя в руках. Такие правила. – Она ухмыльнулась. – Начинай с самого с начала.

1: Аукцион по продаже рабов (Рассказ Кирина)

Когда меня вывели на помост, чтобы продать с аукциона, я оглядел толпу и подумал: «Мне бы нож, тогда я бы вас всех зарезал».

«Если бы не был голым», – поправил я сам себя.

И если бы на мне не было оков. Я никогда еще не чувствовал себя таким беззащитным, и...

*Что? Коготь, тебе кажется, что это не начало?*¹

А что ты вообще понимаешь под словом «начало»? Чье начало? Мое? Я не очень хорошо его помню. Коготь, тебе несколько тысяч лет, и ты накопила воспоминания такого же числа людей. Ты хотела послушать эту историю. И ты ее услышишь – но на моих условиях.

Давай начнем заново.

Над амфитеатром гремел голос аукциониста:

– Шестой лот за сегодняшнее утро – великолепный экземпляр. Сколько вы готовы заплатить за этого человека, долтарца-мужчину?² Он – обученный музыкант и прекрасно поет. Ему всего шестнадцать лет. Взгляните на эти золотистые волосы, на эти голубые глаза, на это красивое лицо. Возможно, в его жилах течет кровь ванэ! Он принесет пользу в любом хозяйстве, но, дамы и господа, он не оскотлен, так что не поручайте ему охранять ваш гарем! – Лукаво улыбаясь, аукционист помахал пальцем. В ответ в толпе кто-то вяло усмехнулся. – Начальная цена – десять тысяч ордов.

Несколько зрителей фыркнули.

Цена была слишком высока.

В тот день я совсем не был похож на сокровище. Работорговцы из Кишна-Фарриги помыли меня, но из-за этого яркие красные полосы на моей спине – следы бича – стали лишь заметнее.

Под медными браслетами на запястьях виднелись язвы – напоминание о нескольких месяцах, которые я провел в цепях. Из раздувшихся волдырей на левой лодыжке тек гной. Мое тело было покрыто синяками и рубцами – признаками непокорного раба. Меня трясло от голода и усиливающейся лихорадки. Десяти тысячи ордов я не стоил. Я не стоил и сотни ордов.

Если честно, то даже я сам не захотел бы себя купить.

– Не надо так, добрые люди! Да, я знаю, как он выглядит, но, уверяю вас, он – неограниченный алмаз: отполируйте его, и он засверкает. Никакого беспокойства он не причинит: видите, у меня его гаэш! Неужели никто здесь не заплатит десять тысяч ордов за гаэш красивого молодого раба? – Аукционист вытянул руку, демонстрируя почерневшую серебряную цепочку; на ней в лучах солнца блеснул какой-то предмет.

Толпа не могла толком его разглядеть, но я знал, что это серебряный сокол, почерневший от соленого воздуха. Часть моей души, заключенная в металл: мой гаэш.

¹ Похоже, что Коготь не солгала насчет «волшебного камня», ведь он действительно записывает слова того, в чьих руках находится. Я мог бы придумать реплики второго участника диалога, но его смысл вполне ясен из контекста, и поэтому я оставил все как есть.

² Я видел рабов-долтарцев и поэтому могу лишь предположить, что аукционист был слеп. С другой стороны, возможно, что добропорядочные жители Кишна-Фарриги научились беспрекословно принимать на веру описания, которые работорговцы дают рабам.

Аукционист был прав: бунтовать я больше не буду. Никогда. Власть, которую гаэш давал над рабом, была столь же эффективной, сколь и ужасной. Какая-то ведьма призвала демона, и этот демон оторвал частицу моей души и перенес в дешевый сувенир для туристов, который аукционист сейчас держал в руке. Любой, кто заполучил бы этот проклятый гаэш, мог повелевать мной, как ему заблагорассудится. Я выполнил бы любой приказ, отданный владельцем моего гаэша, даже самый сомнительный и чудовищный.

Покорись или умри. Выбора у меня не было.

Возможно, мое тело и не обладало особой ценностью, но в Кишна-Фарриге десять тысяч ордов – обычная цена за душу человека.

Толпа зашевелилась; я предстал перед ней в новом свете. Юноша-смутьян – это одно. Юноша-смутьян, вылеченный, натертый благовониями и готовый выполнить любой каприз владельца – это совсем другое. Я содрогнулся – и совсем не из-за теплого ветерка, от которого по коже бежали мурашки.

Этот день идеально подходил для продажи рабов с аукциона – если, конечно, вам нравятся подобные развлечения.

Погода была жаркой и солнечной, и в воздухе пахло выловленной в гавани рыбой. Покупатели, удобно расположившиеся на мягких сиденьях, прятались под бумажными зонтиками и холщовыми навесами.

Кишна-Фаррига входило в число Свободных Государств – пограничных городов, которые не были связаны вассальными обязательствами со своими соседями и лавировали в соответствии с меняющейся политической обстановкой³, чтобы сохранить независимость.

Для тех стран, которые не хотели вести дела друг с другом, Кишна-Фаррига представляла собой перевалочный пункт на полпути и склад товаров – например, таких рабов, как я.

Лично я привык к невольничьим рынкам Куурского Восьмиугольника с его бесконечными лабиринтами личных покоев и аукционных домов, но в Кишна-Фарриге все было гораздо проще: рассчитанный на три тысячи человек каменный амфитеатр под открытым небом, построенный рядом со знаменитой гаванью. За один и тот же день раб мог прибыть в город на корабле, посидеть в одной из камер, расположенных под амфитеатром, и уехать вместе с новым хозяином – так и не избавившись от всепроникающего запаха тухлой рыбы.

Все это было весьма очаровательно.

Аукционист продолжил свою речь:

– Кто даст десять тысяч?

Получив заверения в том, что я не опасен, одетая в бархат женщина, принадлежавшая к совершенно очевидной профессии, подняла руку. Я сморщился. Мне совсем не хотелось снова оказаться в борделе, но я боялся, что именно это и произойдет. Меня нельзя было назвать уродливым, а среди людей, которым по карману раб с гаэшем, мало тех, у кого нет способов возместить свои расходы.

– Десять тысяч. Отлично. Кто даст пятнадцать тысяч?

Толстый богатый торговец во втором ряду бросил на меня плотоядный взгляд и поднял красный флажок, заявляя о своем интересе. Если честно, то, заметив его, я бы сам поднял красный флаг – сигнал опасности. Какой бы ни была моя ценность, жизнь на службе у него будет не лучше, чем в борделе, а то и хуже.

– Пятнадцать тысяч? Кто даст двадцать тысяч?

Руку поднял мужчина в первом ряду.

³ Существует великое множество теорий о том, что Свободные Государства являются чьими-то вассалами. Так, долтарцы верят, что Свободные Государства заодно с манолами, манолы убеждены, что Свободные Государства – союзники Жериаса, а Куур, разумеется, полагает, что они – долтарцы и потому находятся под защитой манолов. Если когда-либо начнется крупномасштабная война, то, боюсь, судьба жителей Свободных Государств, которые окажутся между двух огней, будет незавидной.

– Двадцать тысяч. Отлично, лорд Вар⁴.

Я остановил на нем свой взгляд. Мужчина казался в высшей степени обыкновенным – среднего роста и веса, с приятной глазу, но ничем не примечательной внешностью, в стильной, но не экстравагантной одежде. Его, черноволосого и смуглого, можно было бы принять за типичного куурца, живущего к западу от Драконьих Башен, если бы не высокие сапоги из жесткой кожи, которые предпочитают жители востока. Он из Джората, а может, из Йора. Кроме того, на нем была рубашка в маракорском стиле, а не замитонская миша и не усиги.

Меча и любого другого оружия я у него не увидел.

Лорд Вар выделялся лишь своей уверенностью и горделивой осанкой – а также тем, что аукционист его знал. Я, похоже, Вара не интересовал: едва взглянув на меня, он сосредоточил все свое внимание на аукционисте. С тем же успехом он мог торговаться и за набор оловянных тарелок.

Я посмотрел на него пристальнее. Никакой защиты, ни скрытой, ни явной – нет даже кинжала в одном из кожаных сапог. Однако он сидел в самом первом ряду, и никто к нему не приближался – несмотря на то, что в толпе работало изрядное число карманников.

Даже я, никогда не бывавший в Кишна-Фарриге, понимал, что только глупец придет на такой аукцион без телохранителей.

Я мотнул головой. Мне было сложно сосредоточиться – мешал шум, сверкающие огни и накатывавшие на меня волны холода, связанные, как я предполагал, с лихорадкой. Один из порезов на моем теле воспалился. С этим что-то нужно делать, иначе я стану самым дорогим пресс-папье для какого-то несчастного простака.

Соберись. Я забыл о толпе, о торгах, о положении, в котором я оказался. Я снял со своих глаз Первую завесу и снова посмотрел на этого человека.

У меня всегда хорошо получалось видеть то, что находится за Первой завесой. Давным-давно – когда я был наивен и думал, что в жизни нет ничего хуже бедности – я надеялся, что этот талант поможет мне выбраться из трущоб Столицы.

Разумеется, есть три пересекающихся друг с другом мира – мир живых, мир магии и мир мертвых, и каждым правит одна из Сестер⁵. Мы, смертные, обитаем во владениях Таджи. Но еще в юном возрасте я выяснил, что способность заглядывать за Первую завесу, в волшебный мир Тиа, дает мне огромное преимущество.

За Вторую завесу могут заглянуть только боги, и, наверное, все мы, когда отправимся во владения Таэны – в царство мертвых.

Это я к тому, что волшебники всегда носят талисманы – безделушки, на которые они наносят отпечаток своей ауры, чтобы защититься от вредоносных чар других магов. Талисманы могут быть любой формы. Умные волшебники маскируют их, придавая им вид ювелирных украшений, зашивая их в подкладку или прячут под одеждой.

Мага сложно отличить от обычного человека, но если приподнять Первую завесу, то его выдаст аура, усиленная талисманом.

Вот так я узнал, что Релос Вар – волшебник. Талисманов на нем я не заметил, но его аура привела меня в ужас. Я никогда еще не видел такого мощного и четкого отпечатка ауры⁶.

⁴ Нет никаких доказательств того, что Релос Вар имеет право на благородный титул или рыцарское звание. С другой стороны, в документах его имя практически не встречается. Самое раннее упоминание о нем я обнаружил в книге Килмара Шаллрина «История завоевания Раэваны»: в ней оно появляется только один раз. Поскольку книга опубликована пятьсот лет назад, мысль о том, что это – тот же самый человек, пугает.

⁵ Это... не так. Совсем не так. Доказательством ошибки служит хотя бы нечетное число. Вот к чему приводит недостаток образования. Миров два. Всего два. Магия – это не «мир», а метафизическая река, разделяющая два параллельных берега.

⁶ Я несколько раз видел Релоса Вара, в том числе в общественных банях. Должен сказать, что я тоже не понял, где он хранит свои талисманы и есть ли они у него вообще. У Релоса Вара мощь и аура человека, который обладает огромным количеством талисманов, однако выглядит он так, словно у него их нет.

Даже у Мертвеца, даже у Тьенцо...

И даже у тебя, милая Коготь.

Я не понимал, откуда мне знакомо имя лорда Вара, но мог бы описать его одним словом: опасный. Но если мне повезет...

Кого я обманываю? В моей жизни больше нет места везению. Я прогневал свою богиню, повелевающую удачами и неудачами, и она лишила меня своей милости. Я даже не смел надеяться на то, что лорд Вар будет обращаться со мной лучше, чем остальные. Кто бы ни купил меня сегодня, я останусь рабом – до самой смерти. Обычный невольник лелеет слабую надежду на то, что ему удастся сбежать или выкупиться из рабства, однако раб с гаэшем бежать не может, и хозяин никогда не отпустит его на свободу. Такие рабы слишком дорого стоят.

– Предложено двадцать тысяч. Кто даст двадцать пять? – Аукционист уже расслабился, решив, что товар уже практически продан. Двадцать тысяч – хорошая цена, значительно превышавшая его ожидания.

– Двадцать тысяч раз, двадцать тысяч два. Последнее предупреждение...

– Пятьдесят тысяч, – раздался чей-то звонкий голос с верхних рядов.

В толпе зашептались. Я напряг зрение, пытаюсь разглядеть того, кто сделал ставку. Амфитеатр был большой, и поначалу покупателя я не увидел, но потом заметил, что остальные зрители повернулись, чтобы посмотреть на трех людей в черных одеяниях с капюшонами.

Аукционист от удивления ненадолго умолк.

– Черное Братство предлагает пятьдесят тысяч. Кто даст пятьдесят пять тысяч?

Человек по имени лорд Вар – похоже, раздосадованный – кивнул аукционисту.

– Пятьдесят пять тысяч. Кто даст шестьдесят тысяч? – Теперь, когда торги разгорелись, аукционист окончательно проснулся.

Одна из фигур, закутанных в черное, подняла красный флажок.

– Шестьдесят тысяч. – Аукционист кивнул им.

Одна половина толпы наблюдала за лордом Варом, другая уставилась на людей в черном. Аукцион только что превратился в спортивное состязание.

– Кто даст семьдесят пять тысяч?

Вар снова кивнул.

– Семьдесят пять. Кто даст сто? – Аукционист увидел, что люди в черном снова подняли флажок. – Братство дает сто. Кто предложит сто пятьдесят?

Вар кивнул.

– Сто пятьдесят. Кто даст двести? – Красный флажок снова поднялся. – Двести. Кто даст двести пятьдесят. – Вар нахмурился, но затем быстро махнул пальцами. – Двести пятьдесят от лорда Вара. Предложит ли Черное Братство пятьсот?

Братство предложило пятьсот.

У меня начался сильный приступ тошноты – и он был связан не только с болезнью. Найдется ли в мире другой раб, который стоит так дорого? Столь высокая цена ничем не оправдана – даже за музыканта, даже за мужеложца. Разве что...

Я прищурился.

А если они каким-то невероятным образом выяснили, кто я и что у меня есть? Я едва удержался от того, чтобы коснуться драгоценного камня, висевшего у меня на шее. Кандальный камень стоил таких денег – любых денег, – но я уже использовал единственное известное мне заклинание, чтобы скрыть его.

Да, я подчиняюсь гаэшу, но никто не заставит меня отдать то, про что никому не известно.

– Черное Братство предлагает полмиллиона. Кто даст семьсот пятьдесят тысяч? – дрогнувшим голосом спросил аукционист. Даже он был потрясен ценой, слетевшей с его языка.

Лорд Вар помедлил.

– Лорд Вар? – обратился к нему аукционист.

Вар скорчил гримасу и обернулся, чтобы бросить яростный взгляд на троих в черном.

– Да, – ответил он.

– Лорд Вар предлагает семьсот пятьдесят тысяч ордов. Кто даст один миллион?

Фигуры в черном медлить не стали.

Лорд Вар громко выругался.

– Один миллион ордов. Последнее предупреждение. – Аукционист помолчал, выдерживая положенную паузу. – Продано Черному Братству за один миллион ордов. Дамы и господа, у нас новый рекорд! – Посох громко ударил об пол.

Я подавил в себе желание сделать то же самое.

2: Дом казиварца (Рассказ Коготь)

...его обратно.

Разумеется, я забрала камень обратно. Теперь моя очередь рассказывать твою историю.

Ну да, я тоже в этом участвую, еще как. А почему бы и нет? Меня это забавляет, а ты не в том положении, чтобы возражать. Раз ты не желаешь начать с начала, за тебя это сделаю я. Не пытайся утаить от меня куски твоей истории – в этом нет смысла. Ты не сможешь защитить чьи-то воспоминания, даже свои собственные. Итак, я поведаю тебе твою историю, потому что хочу, чтобы ты запомнил, как ее видели со стороны – о да, ее видели много глаз, со многих точек зрения, ведь именно такой я стала. Никто этого не изменит – даже ты, любимый.

Позволь рассказать тебе историю о мальчишке по имени Грач.

А, я так и думала, что это привлечет твое внимание.

Ты уже знаешь, что по-настоящему его звали Кирин⁷, но ему нравилось имя Грач, поскольку оно заключало в себе и его профессию (на воровском жаргоне так называли жуликов), и его мечту. Грач был взломщиком, и притом особенным – «ключом». Он любил сидеть на самых высоких карнизах, наедине с птицами, со своими мыслями и своими преступлениями. Он мечтал о полетах, о свободе, о мире, где никто и никогда не закует его в цепи.

В этом, если учесть все, что произошло, заключена определенная ирония.

Увы, мы ведь редко получаем то, что хотим, верно?

Ему было пятнадцать лет: в Кууре человек этого возраста еще не взрослый, но и ребенком его уже назвать нельзя. Как и все люди, застрявшие между двумя мирами, он ненавидел оба и мечтал о них. Сам он перестал считать себя ребенком в двенадцать лет, после смерти своего учителя, когда Кирин стал одним из «ключей» Ночных Танцоров⁸.

Возможно, Грач даже был прав, ведь в Нижнем круге дети быстро становятся взрослыми. А те несчастные беспризорники, которые прибиваются к одной из банд – такой, как Ночные Танцоры, – взрослеют еще быстрее.

У Грача был один порок, один недостаток, который его и погубил.

Любопытство.

Грач потратил почти целую неделю, планируя ограбление одного дома в Медном квартале. Хозяин дома, богатый торговец, собирался на две недели уехать из города – на свадьбу младшей дочери, – и Грач понимал, что у него будет достаточно времени на осмотр опустевшего жилища⁹.

⁷ Мне кажется крайне маловероятным то, что его действительно звали Кирин, однако без подтверждения со стороны его родной матери я не могу заявлять об этом с уверенностью. Возможно, в написание имени вкралась какая-то ошибка.

⁸ «Сегодня я встретил в Городе ведьму; она грабила особняк с помощью своего ведьминого дара. На допросе она сказала, что является каким-то «ключом». Нужно провести дознание и выяснить, нет ли здесь тайного общества, которое незаконно занимается магией прямо под носом у королевских особ». – Дневник Колбана Сайма, Сторожа, найденный у него под подушкой после того, как был обнаружен его труп. Смерть Сайма была признана самоубийством.

⁹ Айдин Новирин, мелкий торговец, имеющий связи с Привратниками. Вернувшись из поездки по личным делам, он сообщил Сторожам об ограблении, однако не смог определить, что именно пропало – и пропало ли вообще.

Но когда Грач прибыл на место, то обнаружил, что в доме уже кто-то есть – и цели чужака сильно отличаются от его собственных.

Если бы ты спросил меня сегодня, было ли какое-то действие, какое-то событие, которое изменило бы весь ход этой истории, я однозначно указала бы на тот день, когда ты вломился в дом казиварца. Любопытство заставило тебя в нем задержаться, при том, что более умный человек бросился бы оттуда наутек.

Но ты не сбежал, так что именно это я считаю началом.

подавив желание выругаться, юноша встал на краю подоконника и заглянул в тускло освещенную спальню. Вокруг было тихо – если не считать доносившихся из дома воплей. После небольшой паузы Грач вспомнил, что нужно дышать. Он почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев. Не обращая внимания на этот признак страха, он проскользнул в чуть приоткрытое верхнее окно виллы.

Оказавшись внутри, он засунул обратно за пояс кольцо, на котором висели полоски. Большая часть этих полосок была сделана из дерева – бамбука, красного дерева, кипариса, и даже из экзотических, заморских пород деревьев, таких, как сосна и дуб, однако среди них также виднелись прямоугольники из стекла и керамики. Эти полоски позволяли определить, не наложены ли на дом чары и не потратил ли кто-нибудь металл на то, чтобы нанять Сторожей, которые заколдовывают окна и двери от незаконного вторжения. Ключи вроде него сами магией не занимались, но могли заглянуть за Первую завесу и выяснить, является ли дверь, замок или сундук тем, чем кажется. Именно подобные знания позволяли вору добиться успеха и избежать преждевременного и страшного завершения преступной карьеры.

Оконная рама сделана из резного тика, и в нее вставлено мутное стекло.

Абсолютно нормальное окно. Никаких ловушек, никаких чар.

Но эти стоны... Стоны, доносящиеся изнутри, – это не нормально.

В доме кто-то страдал от такой боли, о которой Грач и понятия не имел, даже после пятнадцати лет жизни на улицах города.

Юный вор-«ключ» закрыл за собой окно и подождал, пока глаза привыкнут к тусклому свету. Кого здесь мучают? Может, кто-то избивает обитателя дома (торговца, как бишь его там)? Или он сам устроил кому-то жуткое наказание, а поездка на север, в Казивар – всего лишь алиби, позволяющее насладиться пытками или чем похуже?

Спальня, в которую вошел Грач, пугала своими размерами и роскошью, поражала своими ажурными украшениями и плиткой, которой славились мастера империи. На кровати лежало атласное одеяло, стены и диваны были покрыты гобеленами, на полках стояли элегантные, но массивные статуэтки из бронзы и нефрита.

Северная часть спальни переходила в огромный балкон. Он нависал над крытым внутренним двориком в центре виллы, и именно оттуда, из сада, доносились вопли.

Грач расслабился, сообразив, что снизу его никто не разглядит. Это было важно, поскольку сегодня ночью могли видеть все, кроме его слепого отца: на небо вышли все три луны и добавили свой свет к мерцающему фиолетово-красно-зеленому свечению зари – Вуали Тиа. Это была ночь колдунов, ночь творить магию или обходить ее, потому что благодаря Вуали Тиа было легче заглянуть за Первую завесу и увидеть ее владения¹⁰.

В воздухе стоял аромат духов, простыни на кровати были смяты, по полу разбросана одежда. Все указывало на то, что любовное свидание пошло совсем не так, как ожидалось.

Это не его дело.

¹⁰ О, как я скорблю о том, что народу не хватает образования. Это же просто суеверие, ничего больше.

Опытным взглядом Грач заметил деньги и драгоценности, брошенные на туалетный столик. Он положил их в свою сумку на поясе и прислушался.

До него донеслись голоса.

– Все очень просто. Скажи нам, где Кандальный камень, и тогда избавишься от боли, – сказал бархатный мужской голос.

Паузы между словами заполняли рыдания.

– Я... О богиня!.. Я же говорю... Я НЕ ЗНАЮ, где он!

Принадлежит ли этот голос женщине? Грач прищурился. Если избивают женщину... Ну и что с того? Грач приказал себе не валять дурака.

– Этот камень принадлежал королеве Хаэриэль. После ее смерти его так и не нашли.

Заговорил другой голос, более холодный:

– Камень украла ее служанка, но его у нее уже нет. Она сумела доставить его новому королю?

Король? Королева? Принцев и принцесс в Кууре было в достатке, но ни одного короля или королевы. Куур – самая великая, большая и сильная империя в мире, и так будет всегда. Кууром правит император – бессмертный и могущественный, словно бог. Никаких «королей» он бы не потерпел.

– Я не знаю! Миятреалл уже много лет никто не видел. Если она еще жива, то откуда мне знать, где она?

Грач изменил свое решение: жертва – мужчина, но с высоким голосом. Вор почти набрался храбрости, чтобы выглянуть во дворик, но заставил себя остановиться. Вмешиваться в это дело крайне опасно. Кто знает, что это за люди? Они, похоже, шутить не любят.

– Одурачить нас решил? Мы знаем, кому ты служишь, – разгневанно зарычал первый голос. – Мы великодушно предлагали тебе такие деньги и власть, о которых ты даже и не мечтал. Ты отказался, но сейчас расскажешь нам все. У нас целая ночь впереди...

Грач услышал странное бульканье, за которым последовали новые вопли. Он вздрогнул и, покачав головой, продолжил работу. Он сюда не помогать кому-то пришел.

Грач продолжал заглядывать за Первую завесу. При этом у него перед глазами появлялись радуги и яркие мерцающие огни, словно он снял с неба северное сияние. Грач, в отличие от волшебников, не обладал способностью что-то менять в другом мире, однако возможности увидеть его часто оказывалось достаточно.

Этот дар позволял ему с огромной точностью отличать один материал от другого – даже в темноте. У золота была особая аура, у серебра – другая, а у алмазов – своя. Драгоценные камни даже во тьме сияли, словно отражая невидимый свет. Ключ мог войти в темную комнату и безошибочно найти единственную золотую монету, спрятанную под подушкой, – это была вторая причина, по которой обычные воры так завидовали их талантам. Да, он, как и любой другой, мог споткнуться о ковер и свернуть себе шею, но чтобы этого избежать, нужно было просто смотреть себе под ноги.

Грач заметил в темном углу радужное мерцание разнообразных минералов. Кто-то забыл там свои сокровища: кинжал из друссиана, мешочек с травами и перстень-печатку с рубином.

Также Грач нашел большой неотшлифованный зеленый камень на серебряной цепочке. Вокруг зеленого самоцвета была оплетка из чего-то, похожего на серебряную проволоку, но зрение подсказало Грачу, что этот металл – не серебро, а камень – не изумруд. Вор с удивлением уставился на зеленый камень, а затем посмотрел через плечо – туда, где, как ему казалось, трое мужчин вели свой «разговор». Травы он не тронул, но забрал ожерелье и перстень, а затем заткнул за пояс кинжал.

И тут снова проявилось любопытство Грача. Он столько лет занимался воровским ремеслом, украл столько драгоценностей, но никогда еще не видел такого ожерелья... если не считать одного раза.

Из-под рубашки он вытащил ожерелье-«близнец». Камень, который он носил на шее, был сине-фиолетовый; похожий на сапфир, но не сапфир. Оплеткой для камня служила сетка из желтого металла, который выглядел, словно золото, но им не был. «Сапфир» и «изумруд» были грубыми, неотшлифованными, с острыми краями кристаллов и гладкими гранями. Два ожерелья отличались по цвету, но совпадали по теме и композиции.

Не в силах больше сдерживать свое любопытство, Грач осторожно подполз к перилам балкона и выглянул во внутренний дворик. Он позволил Первой завесе вернуться на место и подождал, пока его глаза привыкнут к перемене.

Двое мужчин стояли. Третий сидел, привязанный к стулу. Поначалу Грачу показалось, что он ошибся, приняв жертву за мужчину, и ошибся еще сильнее, приняв ее за человека. У сидевшего существа были плотные кудрявые волосы, похожие на пышную многослойную сахарную вату совершенно неестественного цвета – пастельно-фиолетового, словно у краев облака на закате. Лицо жертвы обладало тонкими чертами, сейчас оно было искажено от боли и покрыто кровью. И все-таки он был пронзительно красив.

Грач чуть не вскрикнул, когда понял, что жертва – ванэ. Он никогда еще их не видел.

Однако мучители ванэ точно были людьми. По сравнению с ним они казались уродливыми и грязными. Один двигался изящно, словно танцор, и под давно не стиранный одежды из синего шелка выступали крепкие мускулы. Другой был одет в странное, тяжелое одеяние черного цвета, которое резко контрастировало со странным цветом его кожи – не смуглой, как у нормального, здорового куурца, но отвратительно бледной, словно выскобленный пергамент. Вместе они представляли собой странную пару. В первом из них все – от вышивки на рубашке и штанах до украшенной драгоценными камнями рапиры на поясе – свидетельствовало о стремлении к комфорту; второй человек придерживался принципов аскетизма¹¹.

Грач почувствовал, что по его шее побежали мурашки: в светлокочем ему почудилось что-то нездоровое и омерзительное. Дело было не в его волосах и глазах цвета воронова крыла – они были вполне обыкновенные, – но в чем-то неосознанном. Грачу показалось, будто он смотрит на мертвое, но еще ходящее на своих ногах существо, на труп, в котором уже нет искры жизни, но сохранилось ее подобие.

Одному из мужчин Грач дал кличку Красавчик, другому – Мертвец¹² и решил, что будет счастлив, если не встретит их до конца своих дней.

Он содрогнулся при мысли о том, какими их покажет ему его дар, но после короткого промедления он снова приподнял Первую завесу и скорчил гримасу. Все оказалось даже хуже, чем он опасался.

Оба мужчины были волшебниками. У обоих – усиленные ауры: Мышь учила его, что это – главный признак магов, людей, от которых нужно любой ценой держаться подальше. Красавчик носил большое количество украшений, и любое из них могло служить талисманом.

Аура Мертвеца соответствовала его внешнему виду: дыра в окружающем его свете.

По коже Грача пробежал холодок, и у него вдруг возникло сильное желание сбежать.

Красавчик взял стилет и воткнул его в живот ванэ. Пленник выгнулся, пытаясь разорвать свои узы, и так завопил от боли, что Грач сочувственно ахнул.

– Подожди, – сказал Мертвец. Жестом он приказал Красавчику отойти и вытащил стилет из ванэ, который отчаянно зарыдал.

Мертвец наклонил голову, прислушиваясь.

¹¹ Лестное наблюдение, но мы с вами прекрасно знаем, что его пренебрежительное отношение к роскоши никак не связано с монашеской дисциплиной. Слава богам, что на свете есть слуги, иначе я, скорее всего, умер бы от голода раньше, чем он вспомнил, что детей нужно регулярно кормить и купать.

¹² По-моему, эти имена гораздо лучше тех, под которыми они числятся в официальных документах.

Грач принялся читать про себя мантру, которая уже не раз его выручала: «Меня здесь нет. Ни тела, ни звука, ничего. Меня здесь нет. Ни тела, ни звука, ничего. Меня здесь нет...»

– Я ничего не слышу, – сказал Красавчик.

– А я слышал. В доме точно никого нет? – спросил Мертвец.

Юный вор попытался снова раствориться в темноте, сделать свое дыхание бесшумным, превратиться в то, что невозможно увидеть. Как Мертвецу удалось расслышать что-то за воплями? «Меня здесь нет. Ни тела, ни звука, ничего...»

– Точно. Хозяин дома в Казиваре, выдает свою дочь замуж за какого-то глупца-рыцаря. Вернется не раньше, чем через две недели.

Мертвеца это, похоже, удовлетворило, и он снова обратил свое внимание на ванэ.

– Кажется, он уже поведал нам все, что ему известно. Переходим к следующему пункту нашего плана.

Красавчик вздохнул.

– Неужели это необходимо?

– Да.

– Я надеялся приберечь его на черный день, чтобы мне не пришлось снова проводить ритуал крови. Коготь не может быть повсюду одновременно и не может имитировать сразу всех. Если слишком много моих родственников исчезнет по неизвестной причине, у людей возникнут вопросы.

– Считаю, что тебе повезло: у тебя большая семья и кем-нибудь можно пожертвовать. У тебя достаточно сведений, чтобы найти камень? – этот вопрос Мертвец задал тени в углу дворика.

В голове Грача зазвучал жуткий, кошмарный смех.

О ДА. Я ВИЖУ КАМЕНЬ В ЕГО СОЗНАНИИ¹³.

Грач прикусил губу, чтобы не издать ни звука. Голос не произнес эти слова вслух, но без приглашения вторгся в его мысли.

Этот голос...

Не меняясь в лице, Мертвец протянул руку к ванэ. Почему-то его жест казался более опасным, чем пытка, которую устроил пленнику Красавчик. Тонкая струйка энергии потекла из глаз ванэ, из его лба, из груди – она летела по воздуху и собиралась в светло-фиолетовый огненный шар на ладони Мертвеца.

Когда последние частицы души покинули тело ванэ, его глаза расширились и потускнели.

Мертвец спрятал под одеждой что-то твердое, сверкающее и аметистовое.

– А тело? – спросил Красавчик.

Мертвец вздохнул и сделал еще один, последний жест. Раздался треск и грохот; из кончиков пальцев Мертвеца к его жертве полетел поток энергии.

Борясь с тошнотой, Грач следил за тем, как плоть стекает с тела ванэ, словно вода. Когда все закончилось, от жертвы осталась только окровавленная одежда и на удивление чистый скелет.

В течение нескольких бесконечно долгих секунд кровавое облако кружило вокруг костей, а затем полетело в направлении тени, и его проглотил огромный рот демона, вышедшего из темноты.

– Черт! – выругался Грач, стуча зубами, и понял, что совершил ошибку – скорее всего, фатальную.

Мертвец посмотрел на балкон.

– Там кто-то есть.

¹³ Интересно, в чьем сознании? По-моему, демон с самого начала прекрасно знал, что Грач все это время находился в доме. Поэтому вполне возможно, что он извлек сведения не из пленника, а из самого Кирина.

– Он все сделает, – ответил Красавчик. – Эй, ты. Разберись.
Окончательно забыв про скрытность, Грач бросился к окну.

3: Черное Братство (Рассказ Кирина)

*Я бы спросил тебя, откуда тебе известно, о чем я думал в тот вечер, но... не важно¹⁴.
Моя очередь? Как это благородно с твоей стороны, Коготь.
На чем я остановился? Ах да.*

Я настолько ослабел от ран и болезни, что после окончания торгов мои новые владельцы добрались до аукционного зала первыми. Они ждали меня, словно трое судей, которые выносят приговор мертвым в Стране Покоя. Они были безмолвными теньями, и капюшоны они надвинули на глаза так, что не должны были вообще ничего видеть.

Фигура справа – женщина: высокая для уроженки западного Куура, но среднего роста по сравнению с долтарцами и восточными куурцами. Фигура слева возвышалась над остальными и была по меньшей мере на полфута выше самого высокого из остальных (то есть меня). Фигура в центре – похоже, сгорбленный старик – ковыляя, подошла к моему сопровождающему – евнуху-работоторговцу из Кишна-Фарриги по имени Детик – и протянула ему руку в черной шелковой перчатке.

Какое-то время все молчали.

– Гаэш, – потребовала самая маленькая фигура.

Я удивился, услышав этот голос – настолько искаженный, что, казалось, не мог принадлежать живому человеку. Это был резкий скрежет, с которым ледник раскалывает горы, звук, с которым волны разбиваются об острые камни.

Учитывая все обстоятельства, этот голос не сулил мне ничего хорошего.

Детик нервно слотнул.

– Да, конечно. Но вы же понимаете... у аукционного дома есть правила. Прежде чем передать товар, я должен получить плату в полном размере.

– Да, я хотел бы это увидеть, – сказал Релос Вар, подходя к собравшимся. – Маловероятно, что они смогут выплатить всю сумму.

Фигура слева (высокая) засунула руку под свое одеяние, достала из черного бархатного мешочка ожерелье и выставила перед собой, держа его двумя пальцами. Золотая цепочка, вероятно, стоила немало, но она не шла ни в какое сравнение с прикрепленной к ней дюжиной драгоценных камней. Каждый бриллиант был размером с кончик пальца, грушевидной формы, темно-синий со сверкающей белой звездой в центре.

Голова у меня закружилась еще сильнее. Ожерелье со слезами звезд... Сколько таких камней вообще существует? Двенадцать бриллиантов – «слез звезд»? Одинакового размера и цвета?

– Слезы звезд! – потрясенно воскликнул Детик. – О боги! Они же бесценны¹⁵.

– Как и мальчик, – проскрежетал голос.

– Вы установили новый рекорд аукциона! – Окрыленный успехом Детик сейчас наверняка занимался вычислением своей доли.

¹⁴ Большинство людей, которых Коготь изображает в этих диалогах, можно поделить на две категории: тех, которых она съела, и тех, рядом с которыми провела много времени – таких, как Кирина. Очевидно, что она узнала великое множество тайн с помощью своих способностей к телепатии.

¹⁵ Если не считать драгоценностей Даны, нам известен только один случай продажи «слез звезд». В роли продавца выступил отставной офицер куурской армии по имени Дувос, который каким-то образом завладел «слезой». Он отдал ее дому де Кард; взамен дом построил для него в Хорвеше то, что сейчас называется «дворец Силемха». Если исходить из подобных стандартов, то данная сделка была довольно экстравагантным поступком: для погашения долга в миллион ордов хватило бы и одной такой «слезы».

– Проверь, не фальшивые ли они, – вмешался в разговор лорд Вар.

Услышав эти слова, фигура резко посмотрела на лорда Вара, а затем подняла руку и сбросила с головы капюшон.

Я обо всем должен был догадаться по его росту: это был ванэ.

До того дня я видел ванэ считаное число раз, и у всех них была цветочная окраска, характерная для жителей Кирписа. Но этот – совсем другой; он как будто слишком часто играл в пламени костра. Его кожа была полем, покрытым темным пеплом; его длинные волосы – матово-черными, его глаза – темными изумрудами. Он обладал всей красотой расы ванэ, однако оставался существом угловатым и резким. Это была красота бритвы, а не цветка.

Я не мог даже предположить, сколько ему лет. Возможно, он был свидетелем основания Куурской империи. Он выглядел так, будто всего на несколько лет старше меня, но это ничего не значило. Ванэ не стареют.

Вероятно, моим предкам не требовалось других причин, чтобы ненавидеть их и чтобы вытеснить ванэ из Кирписа, на который мы предъявили свои права. Столкнувшись с армиями императора Кандора, ванэ бежали из родных лесов и с ужасом следили за тем, как Кирпис становится еще одним владением Куура.

Правда, передо мной стоял ванэ не из Кирписа.

К югу от Куура находилось *другое* королевство ванэ – Манол. Ванэ Манола – темные самоцветы по сравнению с яркими цветами Кирписа – так легко не покорились. Безудержную экспансию Куура остановила внезапная и неожиданная смерть императора Кандора – его убили манолы. Знаменитый куурский меч Уртанриэль, более известный как «Убийца богов», пропал где-то в джунглях – так же, как и целое поколение мужчин-куурцев. Преемники Кандора присоединили к империи еще две страны, но наступательный порыв был утрачен.

После этого ванэ Манола перестали обращать на нас внимание: мы уже не представляли для них никакой опасности.

– «Слезы звезд» настоящие, Релос Вар. Но ты же не думаешь, что я отдам их тебе? – Манол поднял бровь.

На лице волшебника мелькнула еле заметная улыбка.

– Надежда умирает последней.

– Эй, ты. Проверь ожерелье. – Ванэ из Манола всучил ожерелье и мешочек мне.

– Но, господин... – озадаченно протянул Детик.

– Все нормально, – вполголоса произнес я, не сводя глаз с чернокожего ванэ. – У меня есть опыт в оценке камней.

Я собирался солгать насчет ожерелья. Ведь я – куурец, он – ванэ из Манола, и какими бы ни были его планы насчет меня, они не сулили мне ничего хорошего. И желание обменять меня на ожерелье со «слезами звезд» не удивляло своей экстравагантностью, а вызывало ужас. Истории про это ожерелье я слышал всю свою жизнь и знал про него не меньше, чем про меч Уртанриэль или корону и скипетр Куура.

Внезапно я понял, какую сторону я должен поддержать: Релос Вар показался мне меньшим из двух зол. Дрожащими пальцами я поднял ожерелье повыше и подвигал камни, чтобы он засверкали.

– Ты разбираешься в драгоценных камнях? Отлично. – Детик задумчиво нахмурился. – А теперь не лги. Говори только правду. Это «слезы звезд»?

Я подавил вздох. Все могло закончиться прямо здесь. Я бы солгал, сказал бы, что камни фальшивые, и понадеялся бы на то, что мне повезет с Релосом Варом. Но Детик держал в руке мой гаэш, частицу моей души, заключенную в металлический амулет. Как и большинство рабов с гаэшами, я выполнял ряд приказов, которые действовали постоянно: мне было запрещено сбегать, убивать моего хозяина, а также не выполнять его распоряжения (хотя последний запрет казался мне избыточным). Однако я не был обязан предугадывать потребности сво-

его владельца или заботиться о его интересах. В запретах имелись лазейки, и их можно было использовать.

Вся эта жуткая история закончилась бы гораздо раньше, если бы я не получил приказ говорить правду.

Я снова посмотрел на бриллианты. Они были безупречны, идеальны; много лет назад какой-то опытный мастер огранил их, придав им отражающую свет форму. При взгляде на такой бриллиант возникало чувство, что ты смотришь на заточенную в нем звезду.

Я открыл бархатный мешочек. Все услышали, как ожерелье упало в него, звякнув цепью. Никто не заметил, что на моих руках уже нет медных браслетов.

Я *очень* хорошо прячу вещи.

– Они настоящие. – Я протянул мешочек Детику и почесал затылок – так высоко, как позволяли цепи. Тем же движением прицепил украденные камни к своему собственному ожерелью, спрятав их под волосами.

Вот так. Пока Детик не обнаружит мой обман, Братство обменяло меня всего на несколько медных браслетов.

Нет, я не считаю, что моя душа стоит дороже, но будь я проклят, если не заработаю на ее продаже.

– Члены Братства, – обратился лорд Вар к моим новым хозяевам, – нас всегда связывали хорошие отношения. Не ставьте под удар нашу дружбу всего из-за одного раба.

– У тебя нет ничего, что нам нужно, – бесстрастно ответил ванэ, а затем обратился к Детику: – Ты получил плату. Давай сюда гаэш.

– Не отдавай ему гаэш, – приказал Релос Вар.

Детик помедлил.

– Это дело тебя уже не касается, – сказал ванэ из Манола.

– Мне нужен этот юноша, – сказал Релос Вар.

Ванэ презрительно оскалился.

– Если хочешь за ним поухаживать, сначала пришли подарки.

Казалось, что воздух между ними вскипает. А что, если Черное Братство купило меня лишь для того, чтобы я не достался Релосу Вару? Это казалось вполне вероятным – если только они не знают, кто я на самом деле, не знают, что у меня на шее Кандальный камень.

Если только... Это «если только» казалось очень правдоподобным. Внутри у меня все сжалось. Я совсем не хотел оказаться втянутым в интригу. О боги, снова политика. Она мне до смерти надоела. О, если бы я только мог уйти... Про слово «сбежать» я не мог даже подумать. За такие мысли гаэш порвет меня на части.

– Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? – спросил Вар.

– Я же назвал тебя по имени, верно? – улыбнулся ванэ.

– Тогда ты должен знать, что дерзить мне не стоит.

Ванэ пожал плечами.

– Он – не твой и никогда твоим не будет. Отправляйся в Йор, ищи там девственниц. Наверняка где-то в горах есть шустрая восьмилетка, которую твои подручные еще не нашли.

Из-под капюшона самого маленького члена Братства донесся звук, который могли бы издавать трущиеся друг о друга гранитные плиты. Это был смех.

Детик неуверенно выставил вперед кулак, в котором был зажат медальон в виде сокола, медальон с частицей моей души. Двое мужчин уставились на гаэш так, словно готовы в любой момент отнять его у работарговца – хоть по праву, хоть нет.

– Ты совершаешь большую ошибку, юный ванэ, – сказал Релос Вар. – Я запомню тебя.

Ванэ ухмыльнулся – резко и дико.

– Прошу тебя, только не «юный ванэ». Заклятые враги должны называть друг друга по именам.

– По-твоему, ты – мой заклятый враг? Ты пососал сиську Таэны и поэтому теперь мечтаешь о быстрой и жуткой смерти? – Релоса Вара эта мысль, похоже, позабавила. – Ну, и как тебя зовут?

– Тераэт. – Глаза ванэ вспыхнули¹⁶, и он изобразил на своем лице удовлетворение. Я не знал, почему ванэ так ненавидит этого человека, но не заметить этого было невозможно. Я подался назад – не для того, чтобы сбежать, но чтобы просто выбраться из опасной зоны.

– Тераэт? – переспросил Релос Вар. – У тебя нет окраски этого рода. Разве что... – Его глаза расширились – он предвкушал победу. – Ты не просто надменный, но еще и глупый. Твой отец Териндел тебя не спасет, а такие, как я, тебе не по зубам.

– Териндела здесь нет, – сказал ванэ ужасным голосом, – но здесь есть я. И я не дам в обиду своего сына, волшебник.

Маг посмотрел на фигуру, похоже, узнал ее и гневно нахмурился.

– Хамезра... Умно, очень умно.

– Давно не виделись, Релос. – Эти слова могли бы прозвучать дружелюбно, если бы не колючий лед в этом голосе.

– Мы могли бы помочь друг другу, верховная жрица. Наши цели не так уж отличаются друг от друга.

– Бедное дитя, ты так думаешь? Это глупо... Правда, ты всегда путал смерть с уничтожением.

Человек прищурился. Казалось, он готов зарычать.

– Ты больше, чем кто-либо, должна понимать, что такое неизбежность.

– Возможно, проблема на самом деле заключается в том, что я понимаю это лучше, чем ты.

Старая женщина не сняла капюшон, и Релос Вар никак не мог заглянуть ей в глаза, но я представлял себе, что сейчас они смотрят друг на друга. Релос Вар, похоже, мечтал сломить ее.

Он вздрогнул и отвернулся.

Из-под ее капюшона донеслось цоканье, за которым последовал смешок.

Релос Вар снова взглянул на Тераэта.

– Это еще не конец.

– Искренне надеюсь, что нет, – согласился Тераэт и бесстрашно, по-волчьи, оскалился.

Релос Вар повернулся ко мне.

Я ожидал увидеть на его лице гримасу жалости, похоти, разочарования или даже обреченности. Но в его темных глазах кипела ненависть. В них пылала злоба. В его взгляде не было никакой надежды на спасение и освобождение. Я не знал, почему ему захотелось купить меня, но он явно намеревался причинить мне вред.

Он мне не друг.

– Я нашел тебя, – шепнул он мне. – Я видел цвет твоей души.

Десяток колкостей уже были готовы сорваться с моих губ, но когда я увидел этот мрачный взгляд, они забились мне обратно в глотку.

Релос Вар развернулся и вышел из зала.

Даже члены Черного Братства расслабились, когда он ушел. Напряжение спало, словно тучи рассеялись и на небе показалось солнце.

Секунды ползли, но никто не произнес ни слова.

Тераэт первым стряхнул с себя оковы страха и выхватил медальон из дрожащих пальцев Детика.

– Сними с него эти штуки.

¹⁶ Предположительно, не в буквальном смысле слова.

– Я... что? Штуки? – Детик, часто моргая, смотрел на дверь. На его лице застыл ужас и завороченность. Обычно так выглядят люди, которые смотрят на ущерб, нанесенный демоном.

Тераэт ущипнул евнуха за плечо.

– Оковы, Детик, оковы. Раб, у которого есть гаэш, не нуждается в кандалах.

Детик вышел из задумчивости.

– Что? Ах да, извини. Сейчас я все сделаю. – Он неловко достал ключи из сумки на поясе и отомкнул замки на моих кандалах.

Я поморщился, когда с меня спали оковы. Я провел в цепях так долго, что освобождение от них было просто еще одним видом боли.

– Релос Вар сердится не на тебя, Детик. Не попадайся ему на глаза какое-то время, и скоро он обо всем забудет, – сказал Тераэт. – Узнай у своих хозяев, не дадут ли они тебе отпуск.

– Точно, точно... – Детик по-прежнему выглядел потрясенным. – Я распоряджусь, чтобы подогнали вашу повозку. – Спотыкаясь, он выбежал из комнаты.

Члены Черного Братства обратили свое внимание на меня.

– Кто вы? – спросил я.

– Ты что, все проспал? – усмехнулся Тераэт.

– Я слышал имена. Черное Братство... Это название ничего мне не говорит.

Третья фигура наконец-то заговорила. Голос у нее оказался женским – нежным, словно шелк.

– Если нужно что-то украсть или кого-то избить, в Кууре легко нанять человека, который все сделает. Но если хочешь кого-то убить тихо и без шума и если нужно, чтобы мертвец не воскрес... – Она позволила фразе повиснуть в воздухе.

Я был слаб и расстроен, но мне все равно захотелось поспорить.

– У жрецов Таэны свое мнение о том, навсегда ли умирают мертвецы.

Старая женщина в капюшоне развела в стороны края одеяния, показав висящий у нее на шее амулет: прямоугольный черный камень в обрамлении из красных роз и слоновой кости – символ последователей Таэны.

Я похолодел. Есть люди, которые считают Вторую завесу не просвечивающим саваном, а непостижимым порталом во владения Таэны. Последний портал, в который не входят, из которого только выходят. Из этого путешествия большинство возвращается в виде орущих младенцев, чтобы начать цикл заново. У церкви Таэны было меньше преданных сторонников, чем у других культов, но все уважали ее – либо чтобы избежать пристального внимания со стороны богини, либо чтобы заручиться ее благоволением. *Верни мне моего малыша. Верни мне мою семью. Верни мне тех, кого я люблю.*

Подобные молитвы оставались без ответа. Таэна – суровая богиня.

А Релос Вар назвал Хамезру ее верховной жрицей.

– Жрецы Таэны – и жрицы – действительно влияют на то, кто воскресает, а кто нет, – объяснил Тераэт. – По какой-то причине Бледная Госпожа редко соглашается вернуть тех, кого забрали мы.

– Но жрецы Таэны носят белое, а не черное...

Должен признать, что это был не самый сильный мой аргумент.

В ответ Тераэт лишь грубо рассмеялся.

Хамезра отвернулась от меня и подняла руки. Она разжала пальцы, и из них вылетели лучи света, которые слились в большой круглый портал, созданный из запутанного клубка сияющих потоков магической энергии. Огни замерцали, затем стали менее яркими. Через отверстие я увидел желтую, искореженную землю, из отверстий в которой вырывался пар. Над почвой стелился туман.

Я ждал, что Хамезра пройдет сквозь портал, но она этого не сделала. Тераэт выступил вперед, но она подняла руку, и он остановился. На пальцах старуха отсчитала дюжину секунд

или около того, а затем схватила воздух, словно задерживая занавеску. Портал схлопнулся и исчез.

Тераэт повернулся к Хамезре.

– Почему бы нам не пройти через врата?

– Потому что на это рассчитывает Релос Вар, – ответила Хамезра и обратилась к третьему члену Братства: – Калиндра, как только мы уйдем, садись в повозку. Пусть псы Релоса Вара гонятся за тобой – на тот случай, если он решит оспорить результаты аукциона. Встретимся позже.

Женщина поклонилась.

– Как тебе будет угодно, матушка.

Она тоже ушла.

Ванэ из Манола, который держал мой гаэш, – Тераэт – оглядел меня с ног до головы. Увиденное ему не понравилось.

– С толпой ты не сливаешься, да?

– Когда ты в последний раз смотрелся в зеркало?

Он нахмурился, а затем расстегнул свою накидку. Под ней оказались черные штаны и зашнурованная крест-накрест рубашка из тонкого шелка, которая была очень похожа на куурскую мишу, но все-таки ею не являлась.

Тераэт протянул накидку мне.

– Ты сможешь идти с этой раной на лодыжке?

– Если нужно, то да. – Я произнес эти слова и внезапно понял, что едва держусь на ногах.

Ванэ раздраженно взглянул на мать. Крошечная фигура, ковьяля, подошла ко мне и положила ладонь на мою ногу.

Боль и лихорадка исчезли.

В одно мгновение рана на моей ноге и рубцы от бича на спине исцелились. От царапин и синяков, которые появились на моем теле в ходе трехмесячного путешествия из Куура в Кишна-Фарригу, тоже не осталось и следа. В голове у меня прояснилось.

– Я... Спасибо.

– Не благодари. Хромой ты нам не нужен.

Я нахмурился.

– Откуда у вас это ожерелье? Второго такого нет...

Тераэт схватил меня за руку.

– Слушай внимательно, я повторять не буду. Этот человек, Релос Вар, не хочет, чтобы ты стал игрушкой в его гареме. Он хочет, чтобы ты умер. Ради этого он готов на все – он готов убить всех, кто мешает ему это сделать. Все мы в опасности только потому, что находимся рядом с тобой.

– Почему? Я никогда его не встречал. Я не понимаю!

– А мне некогда все это объяснять. Поэтому мне нужно, чтобы ты беспрекословно выполнял мои приказы.

– В твоей руке мой гаэш. У меня нет выбора.

Он уставился на меня – словно забыл, что означает серебряный сокол, зажатый у него между пальцами – а затем скривился.

– Отлично. Идем.

4: Мягкобрюх (Рассказ Коготь)

На заре небо стало аметистовым, а обрывки радужной Вуали Тиа превратились в еле заметные фантомы. Большинство лавок на ночь закрывались, но хозяин ломбарда и скупщик краденого, которого местные прозвали Мягкобрюх¹⁷, на время внимания не обращал. Его тесное заведение освещали два фонаря, а справа от него стояла самая ценная для него вещь – лампа, которую заправили маслом в священном Храме света¹⁸. На старом и побитом столе из тика, за которым он обычно работал, лежали масляные краски; холст и краски располагались на мольберте, стоявшем рядом с ним.

Когда Мягкобрюх рисовал, то погружался в красоты света, который находился очень далеко от жуткой реальности Нижнего круга. Он писал по памяти, он писал всю ночь напролет.

Все равно клиенты приходили к нему по ночам.

Когда зазвонил колокольчик у ворот в переулке, Мягкобрюх только что убрал краски. Вошел Грач – с таким видом, будто его преследует армия Сторожей. Мягкобрюх нахмурился.

Он никогда еще не видел юношу таким напуганным.

Грач зашел в лавку, оглянулся и, дрожа, закрыл дверь. Он остановился только для того, чтобы, как обычно, на удачу, потереть голову бронзовой статуи Тавриса, толстого бога, покровителя торговцев. Таврис и Мягкобрюх выглядели почти как братья-близнецы.

– За тобой гонится стража? – спросил Мягкобрюх.

Грач потрясенно уставился на хозяина ломбарда, затем нервно рассмеялся.

– Не-ет, ничего подобного.

– Уверен? Ты страшно бледен и ведешь себя так, словно тебя выслеживает адская гончая. – Мягкобрюх нахмурился. – Ты же не собираешься навлечь на меня беду – а, парень?

Грач оглядел ломбард, набитый всякой всячиной, – артефактами, драгоценностями в коробках, оружием, одеждой и мебелью. Увидев, что ни одного клиента здесь нет, он двинулся к столу Мягкобрюха. На полпути его настроение изменилось. Между старой, вырезанной из дерева русалкой, взятой с пиратского корабля из Жериаса, и шкафчиком с хорвешским серебром страх Грача превратился в гнев. Когда юноша подошел к столу, то уже закипал от ярости.

– Мягкобрюх, если ты меня подставил, то, клянусь, я вспорю твой жирный живот и подвешу к балкону за кишки...

– Эй, парень! В чем дело?! Я бы ни за что тебя не предал! – Одну руку Мягкобрюх поднял вверх, словно сдаваясь, а вторую положил на арбалет, который держал под столом на случай трудных «переговоров».

Грач быстро провел руками по рукавам, и внезапно в них оказались два кинжала.

– Ты рассказал про дом казиварца кому-то еще. Кто-то меня опередил.

– Убери их, Грач, – сказал Мягкобрюх, не сводя глаз с оружия. – Мы же приносили друг другу прибыль, разве нет? Это дело с казиварцем было твоим. А мои сведения поступили из надежного источника...

– Какого? Кто рассказал тебе про этот дом?

¹⁷ Во всех документах дома де Эринва об уплате налогов и сборов данный владелец ломбарда назван... Мягкобрюх. Упоминаний о других его именах мне найти не удалось.

¹⁸ Храм света посвящен Мистериям Вишаи – своего рода еретического культа бога солнца по имени Селанол, который умирает и воскресает при каждой смене времен года. Эта религия крайне популярна в Эамитоне, однако во всех остальных странах к ней относятся с подозрением.

– Не могу сказать! Это хороший источник, надежный. Он никогда меня не подводил. Да и зачем мне тебя предавать? От этого никакой выгоды. Кроме того, я знаю, что Ночные Танцоры делают с доносчиками.

Грач нахмурился, но кинжалы опустил.

– Когда я пришел туда, там уже кто-то был, – сказал он.

– Ночные Танцоры?

– Я... – Грач прикусил губу. Он снял с пояса связку «ключей» – полосок и принялся их перебирать. Кипарис, тик, тунг, бамбук. Образцы шелкали друг о друга. – Нет. Это были не наши.

– А кто тогда?

– Не знаю. Они убивали кого-то, но я их как следует не разглядел.

– Точно? Когда ты пришел, то был белее городских стен.

«И для человека, который ничего не видел, ты выглядел ужасно потрясенным», – подумал Мягкобрюх.

Грач пожал плечами.

– Я услышал жуткие вопли. Не хотел видеть, кто их вызывает.

– Если ты ничего не видел и у тебя ничего нет, то что ты тут делаешь? У меня здесь не приют для мальчиков-сирот. И даже если бы он у меня был, ты бы давно нашел себе папашу.

Грач ухмыльнулся и убрал свою связку ключей.

– Я не говорил, что ничего не нашел. Мышь меня хорошо выучила. – Он снял с пояса мешочек и позвенел им.

– Молодчина, – сказал скупщик краденого. – Неси добычу сюда, я хочу почувствовать вес металла.

Грач обогнул стол, увидел холст на мольберте и негромко присвистнул. Он положил мешочек на стол.

– Что, нравится? – улыбнулся Мягкобрюх и с удивлением увидел, что мальчик залился румянцем.

– Ага... Она... м-м... замечательная.

– Эту картину повесят в клубе «Разорванная вуаль». Она еще не закончена. Хочу провести хотя бы еще один сеанс с новой девочкой. Как там ее – Мирия?

– Морея, – ответил Грач, не сводя глаз с картины.

– Точно. Симпатичная.

– Угу. – Грач продолжал смотреть на холст, словно никогда не видел сисек, что, учитывая все обстоятельства, было маловероятно.

Усмехнувшись, Мягкобрюх достал из-под одежды ювелирную лупу. На этот раз улов оказался лучше, гораздо лучше того, что обычно приносил Грач. За один лишь перстень с рубином можно выручить несколько тысяч тронов – если найти подходящего покупателя.

– Неплохо, – сказал Мягкобрюх. – Дам четыреста кубков за все.

– Четыреста? Всего четыреста? – На лице Грача отобразилось сомнение.

– Это хорошая цена. – Цена была скверной, и Мягкобрюх прекрасно это понимал, однако более выгодного предложения Грач нигде не найдет. – Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Грач удивленно поднял бровь.

– Мягкобрюх, это же рубин.

Проклятье. Он должен запомнить, что мальчишка – не один из тех громил, которые не отличат рубин от розового кварца. Мышь, покойная учительница Грача, однажды объяснила Мягкобрюху, что каждое вещество в мире обладает особой аурой, не похожей на все остальные. С помощью своего зрения ключ может определить, сделана ли монета из покрашенного свинца или из золота, а если из золота, то какой чистоты. И если определенному подростку-оборванцу

хватило ума оставить себе образцы, то он мог бы также определить, какой именно драгоценный камень он украл¹⁹.

Будь проклят этот мальчишка; от его ума никакой выгоды.

– Не рубин, а шпинель, – поправил его Мягкобрюх. – И к тому же теплый на ощупь.

Выругавшись, Грач наполовину отвернулся от него.

– Клянусь Таджей! Мягкобрюх, он совпадает с чистым рубином. У Вороны сережка с рубином, настоящим, так что не заливай мне.

Мягкобрюх погладил уголки рта и посмотрел на мальчика. Грач был высоким, выше всех знакомых Мягкобрюха, а ведь он еще продолжал расти. К тому же он был красив – здесь таких красивых юношей можно увидеть только в бархатных домах. Все его тело было ходячей рекламой чужеземных предков. Да, конечно, Грач покрасил свои волосы в черный цвет – либо подумал, что так они будут больше соответствовать имени Грач, либо по глупости решил, что так будет меньше выделяться, но Мягкобрюху казалось, что они выглядят нелепо. Но вот что забавно: несмотря на свою внешность, Грач действительно умел исчезать, стоило твоему вниманию лишь немного рассеяться. Мягкобрюх никак не мог понять, как такому заметному мальчику удается действовать столь скрытно.

Возможно, в мире действительно есть прирожденные воры.

– Прости за любопытство, – решил сменить тему Мягкобрюх, – с тех пор как Мыши не стало, сколько ты работаешь со мной – три года?

Грач пожал плечами.

– И что?

– А то. Обычно дети выдают себя, потому что тратят деньги слишком быстро. Даже Сторожам хватает ума понять, что дело нечисто, если уличный мальчишка, который еще слишком мал, чтобы служить, начинает сорить деньгами в Бархатном городе. Но ты – совсем другое дело. Ты ни одной монеты не потратил, так что стражники и охотники на ведьм тебя не разыскивают. По моим подсчетам, у тебя где-то должна быть припрятана кругленькая сумма. Зачем такому мальчику, как ты, столько денег? Собираешься выйти из игры?

Грач скрестил руки на груди и промолчал.

Мягкобрюх помахал рукой.

– Неважно. Все равно это не мое дело.

– Они не для меня.

Мягкобрюх остановился и задержал взгляд на Граче. Он так и думал, что эти деньги предназначены не для Грача. Предполагалось, что Ночные Танцоры не должны знать имен друг друга, но даже в городе, в котором в засушливый сезон живет миллион человек, жители одного квартала рано или поздно должны встретиться. Поскольку Мягкобрюх постоянно искал моделей для своих картин, он побывал почти в каждом доме. Он знал, что настоящее имя Грача – Кирин. Он знал, что приемный отец Грача – слепой музыкант по имени Сурдые, который зарабатывает себе на хлеб, играя в клубе «Разорванная вуаль». И он знал: Грач копит деньги, чтобы Сурдые мог уйти на покой, чтобы его пораженные артритом пальцы не болели от ежедневных выступлений. Когда Мягкобрюх об этом задумывался, у него слезы на глаза наворачивались.

Иногда ему даже хотелось поступить с парнишкой по справедливости, однако это желание Мягкобрюх всегда в себе давил.

Он кивнул.

– Ясно. Да, я понимаю. Ты хороший парень, Грач, и не важно, что твоя мама была не из этих мест. Мне отправить деньги обычным способом?

¹⁹ Здесь подразумевается, что Ночные Танцоры достаточно образованны, чтобы учить найденных ими талантливых детей, но недостаточно продвинуты, чтобы заставить их запоминать характеристики теней. Они дают детям ровно столько знаний, чтобы они приносили пользу, но ни крупицей больше.

– Погоди, мы еще не сошлись в цене. Я хочу тебе еще кое-что показать...

Зазвенел колокольчик у дверей. Мягкобрюх увидел, кто вошел в ломбард, и застонал.

Какой-то подросток вразвалочку двинулся от двери в глубь лавки.

– Проклятье, это же мой любимый бархатный мальчик! Грач, ты оказываешь услуги за металл? У меня есть копье, которое нуждается в полировке. – Он схватил себя за пах – на тот случай, если Грач не понял намека.

Грач сделал вид, что не замечает вновь прибывшего, но с такой силой вцепился в край стола, что костяшки его пальцев побелели.

– Мягкобрюх, когда у Принцессы снова будут котята, принести тебе парочку? Кажется, в твоей лавке завелись крысы.

Колокольчик зазвенел снова, и в ломбард вошли еще несколько подростков.

– Мальчики, не забывайте, где вы, – напомнил им Мягкобрюх. – Здесь не драться.

– Ой, да я просто шутил. Верно, Грач? – Предводитель подростков был закаленным уличным громилой на несколько лет старше Грача. За свою карьеру Мягкобрюх уже сто раз видел таких, как он, хулиганов и садистов, считавших, что место в Ночных Танцорах дает им амнистию за любые преступления. Рано или поздно большинство получало суровый урок, а многие даже оказывались в цепях. Но некоторым он впрямь не шел. Уличный громила сделал движение левой рукой в сторону спины Грача.

Правой у него не было.

– Только тронь меня, Хорек, и второй руки лишишься, – сказал Грач и снова достал кинжалы из рукавов.

– Я Харис! Сколько раз тебе нужно повторять?! – воскликнул подросток, но руку все же убрал.

Грач не улыбнулся.

– Это ничего. Для меня ты был и будешь трусливым хорьком.

– Не драться! – крикнул Мягкобрюх обоим, когда они схватились за оружие. – Не забывайте, где вы.

Хариса и Грача связывали долгие отношения. Хуже того, когда-то они были друзьями, но почему-то поссорились, и их дружба превратилась в ненависть. Подробностей Мягкобрюх не знал. Возможно, причиной стала обычная ревность: Грач вырос красивым, и его выбрали на роль ключа, а Хариса – нет. О смерти Мыши ходили странные слухи – слухи, в которые Мягкобрюху не очень-то хотелось верить.

Харис рассмеялся и поднял вверх здоровую руку и обрубок второй.

– Ну да, конечно. Мы вообще не деремся. Просто зашли по делу. Взяли кучу металла у торговцев, которых мои парни подпоили в «Стоячем бочонке».

Грач свирепо взглянул на него.

– Вот повезло. Может, разберешься со своими делами и свалишь отсюда?

– Сначала дамы, – усмехнулся Харис.

– У меня все. – Грач посмотрел на Мягкобрюха. – Обычный способ – то, что надо. – Он развернулся, чтобы уйти, но, сделав пару шагов к двери, остановился.

Мягкобрюх увидел, что Харис размахивает кошельком Грача. Задубевшую кожу на его лице разрезала злобная ухмылка.

– Смотрите, что обронил бархатный мальчик!

– Отдай, крыса!

– НЕ ДРАТЬСЯ.

Один из парней Хариса встал между ним и Грачом. Харис со смехом раскрыл кошелек. Оттуда выпали ключи Грача, а также неграненый зеленый камень в серебряной оправе.

– О... Что это тут у нас? Красивое ожерелье. Приберегаешь его для своего следующего парня? – спросил Харис и поднял зеленый камень над головой.

Грач ударил бойца Хариса ногой в пах и оттолкнул в сторону. Другой подросток вытащил из-под плаща-салли жуткого вида дубинку и приготовился занять место первого.

Мягкобрюх решил, что с него хватит.

– А-а! – заорал мальчик с дубинкой и упал. В его руку воткнулась арбалетная стрела.

Все замерли.

– Клянусь яйцами Бертока! – завопил Харис. – Ты его подстрелил!

– Я СКАЗАЛ – НЕ ДРАТЬСЯ! – снова крикнул Мягкобрюх, размахивая арбалетом над головой, словно флагом.

Харис бросил взгляд на Грача.

– Он первый начал.

– Я все видел, ты, полоумный громила. Грабить Ночных Танцоров? ТЫ В СВОЕМ УМЕ?

– Я просто пошутил...

– Рука! Рука! – стонал раненый мальчик.

– Хватит ныть, – сказал ему Мягкобрюх. – Ничего важного я не задел. Топай в синий дом к лекарю, пока тебе не пришлось объяснять, откуда у тебя эта рана.

Харис ткнул Грача в грудь пальцем, словно смертельно опасным оружием.

– Берегись, Грач, – зарычал он. – У меня теперь есть друзья. Большие люди. Я не забыл, что ты сделал.

– Я тоже, Хорек, – презрительно фыркнул Грач. Он поманил Хариса двумя пальцами. – Пояс совсем не такой добрый, как городская стража. Если он узнает, что ты ограбил одного из Танцоров, ты лишишься не только руки. Это – мое добро.

Харис зарычал и швырнул камень и ключи на стол, бросил кожаный кошелек на пол, наступил на него, а затем вместе с друзьями вышел из лавки.

Мягкобрюх молча перезарядил арбалет и снова спрятал его под столом. Вдруг он заметил ожерелье. Дрожащими пальцами он потянулся к камню, едва дыша и не веря своему счастью.

– Клянусь Лаакой! Грач, где ты его взял? – Он поднял камень повыше, чтобы тот засверкал в лучах света.

Грач взял свой кошелек и кольцо с ключами.

– Сам знаешь.

– Серьезно?

– Ага. О нем я и хотел поговорить. Жаль, что Хорек увидел эту штуку. Она, похоже, ценная.

– Очень ценная, – кивнул Мягкобрюх.

Подросток прикусил нижнюю губу.

– Ты можешь скинуть такую штуку?

Мягкобрюх ухмыльнулся.

– Могу ли я ее скинуть? Еще как! Это, мой мальчик, ЭТО – камень цали, особый волшебный самоцвет ванэ. Дороже него только «слеза звезды», но на «слезу» ни у кого металла не хватит.

– Правда? А у Вороны когда-то было целое ожерелье со слезами звезд.

Мягкобрюх фыркнул.

– Не верь в ее сказки про богов и королей. Ее послушать, так она – давно пропавшая королева Кирписа. – Он махнул рукой. – В общем, эта вещь даже лучше, чем «слеза звезды». Ее, в отличие от «звезды», я могу продать.

– Оправа не из серебра, – признал Грач. – Этот металл я не узнаю.

– Бьюсь об заклад, это платина. Ее здесь нечасто увидишь. Чтобы расплавить эту руду, нужен такой жаркий огонь, что развести его может только Красный человек. Совсем как друсиан. Дорогая штука, но вот сам камень...

– Это не изумруд. Он похож на металл, но я такого никогда еще видел.

– Парень, если бы ты пришел и сказал, что можешь опознать этот камень, то я бы точно знал, что он фальшивый. Я всегда подозревал, что цали встречается только в землях ванэ, но я же, в отличие от тебя, не ключ. Обычный человек предположит, что это алмаз²⁰. По крайней мере, он такой же твердый²¹.

– Алмаз? Такой большой? – удивленно спросил Грач.

– Да, да, да. И в Верхнем круге есть коллекционеры, которые не только купят подобный камень, но и не спросят, откуда он взялся. – Улыбка на лице Мягкобрюха на мгновение погасла: он понял, что сглупил: теперь мальчишка видит, насколько он взволнован, и знает, что этот камень – не простая безделушка для шлюхи. – Но это особые камни, за ними тянется след. Каждый камень уникален, у каждого своя история. Мне придется действовать осторожно.

– Как можно выяснить историю этого камня? – Грач улыбнулся и удивленно изогнул брови. Это подсказало Мягкобрюху, что он упустил все шансы купить камень за бесценок.

– Ну... Говорят, что эти камни – волшебные. У каждого своя аура и отметины. Удивительно, что ты сам этого не сообразил.

Грач моргнул и переступил с ноги на ногу.

– Наверное, не заметил.

– В общем, ванэ против того, чтобы мы, смертные, владели их камнями. И я ни за что не буду спрашивать у них, откуда им известно, что эти камни у нас. – Толстяк принял решение. – Я дам тебе две тысячи – за камни и все остальное.

Грач, похоже, произвел собственные подсчеты.

– Я хочу пять тысяч... тронов.

– Что? Ты спятил?

– На эту штуку у тебя уже есть покупатель, и ты продашь ее в десять раз дороже.

– Хм... Две с половиной тысячи, но только потому, что ты не потратишь эти деньги на вино и шлюх.

– Три тысячи, и я ничего не скажу об этой сделке Поясу.

Мягкобрюх усмехнулся.

– Ты учишься, ты учишься... Ладно, по рукам. Деньги пришлю, как обычно. – Скупщик краденого наклонился к мальчику: – Или... Заплачу шесть тысяч, если отдашь мне оба.

Грач уставился на Мягкобрюха.

– Что?

– Да брось, парень. Я помню тебя еще с тех пор, когда на голове был золотистый пушок, – как те побрякушки, которые Ворона выставляет напоказ, словно наживку для акул. Думаешь, я не обратил бы внимание на младенца, у которого на шее цали – камень ванэ? Я сказал твоей Вороне, что готов купить его. Она ответила, что камень не ее, представляешь? Чтобы Ворона упустила шанс заработать металл? Ну а теперь ты уже достаточно взрослый и сам можешь принимать решения, верно?

Грач стиснул зубы.

– Я не... Он не продается.

– Понимаю, ты хочешь позаботиться о своем старике. Я дам тебе пять тысяч за зеленый алмаз и еще пять за синий в золотой оправе, который сейчас на тебе. Тогда ты вытацишь твоего отца отсюда да еще и разбогатеешь.

Грач поднял руку и потрогал что-то на шее, под тканью рубашки.

– Почему так много?

²⁰ Это не алмаз.

²¹ Тверже.

– Камни ванэ редкие, и, если я все правильно понял, тот, что ты носишь, – древний. Пятнадцать тысяч. Больше тебе никто не даст. Ну же. Неужели безделушка, доставшаяся от мамочки, которая тебя бросила, стоит больше, чем шанс выбраться из этой адской дыры?

Подросток пристально посмотрел на него, и Мягкобрюх почему-то почувствовал себя неуютно. Во взгляде Грача было что-то неестественное, нездоровое. Этот взгляд заставил Мягкобрюха почувствовать себя маленьким и жалким.

«Может, те слухи оказались правдой?» – подумал Мягкобрюх.

– Мое ожерелье не продается, – повторил Грач. – За все остальное – пять тысяч тронов. Плату пришлешь как обычно. – Не сказав больше ни слова, он ушел.

Мягкобрюх выругался и посмотрел вслед Грачу. Он злился на себя за то, что позволил мальчишке перехитрить себя. В конце концов он вздохнул и стал накрывать свою картину, готовясь закрыть магазин. Вскоре он уже напевал какую-то песенку.

У него есть камень цали, и у него есть покупатель. О да, у него есть покупатель, еще какой! Он знал человека, который прочесал всю столицу в поисках украшений ванэ и готов платить за них любые деньги. Предложение Мягкобрюха его заинтересует.

Очень заинтересует.

5: Отъезд из Кишна-Фарриги (Рассказ Кирина)

Рядом с аукционным домом посреди улицы стояла приземистая карета, похожая на гнилую тыкву. Сходство усиливалось от того, что она была покрыта черной эмалью, и металлические детали ее были того же цвета. С нижней части ее черной рамы, словно юбка, свисала длинная черная бахрома. На козлах сидела фигура в черном (вероятно, Калиндра), держа в руках поводья. Карета была запряжена четверкой больших лошадей.

Тоже черных.

– Вам этот цвет не надоедает? – спросил я.

– Залезай, – приказал Тераэт.

Сопротивляться было бессмысленно. Я сел в карету. Тераэт помог своей матери последовать за мной, а затем забрался в карету сам.

– Я думал, что вторая женщина будет...

– Всем плевать, что ты там думаешь, – отрезал Тераэт.

К моему лицу прилила кровь.

Полгода назад я бы что-нибудь сделал, что-нибудь сказал. Я бы ранил его – или словами, или клинком, но полгода назад... да что там, еще две недели назад... тьфу. Я увидел серебряного сокола и цепочку на его запястье. Пока у него мой гаэш, он может говорить все, что ему заблагорассудится, и отдавать мне любые приказы.

Затем произошло нечто удивительное: Тераэт открыл дверцу в полу кареты и развернул веревочную лестницу.

– Спускайся, – приказал он.

Я не стал спорить. Оказалось, что карета стоит над люком древней, но еще действующей канализации. Короткий тоннель уходил прямо вниз; к одной из его стенок была приделана лестница. Люк был открыт, поэтому путь для отхода был в полном нашем распоряжении.

Только по звукам, которые издавали руки и ноги при соприкосновении со ступеньками, я понял, что Тераэт следует за мной. Кто-то закрыл над нами люк, а затем я услышал резкое цоканье копыт – возница в черном поехал на карете прочь.

Я не знаю, сколько времени я спускался и куда мы направились, как только достигли дна. Пока мои глаза привыкали к чернильной темноте тоннелей канализации, единственным действующим чувством было обоняние. Вонь стояла такая, что я едва сдерживал рвотные позывы. Умение приподнять Первую завесу мне бы здесь не помогло: размытые ауры не помешали бы мне споткнуться о ветку и упасть лицом в гниющие отбросы, которые медленно проплывали мимо.

Тераэт касался меня, указывая, когда нужно свернуть.

Тоннель расширился, и я обнаружил, что могу в нем стоять. Здесь лишайник светился в темноте, отбрасывая отблески на отвратительные стены. Читать при таком свете я бы не смог, но он позволял ориентироваться.

Я бы все отдал за коптящий, скверно сделанный факел.

В конце концов я повернул за угол и увидел солнечный свет. В конце тоннеля находился выход из канализации. Запахи морской воды и гниющей рыбы – очаровательные ароматы гавани – смешивались с вонью отбросов.

Тераэт протиснулся вперед и ухватился за большую металлическую решетку. Он дернул за прутья, но не отпустил их, не давая им громко лязгнуть. К этому моменту я уже понял, что его мать, Хамезра, все еще с нами. Тераэт знаком приказал нам следовать за ним.

Хамезра тоже сбросила с себя накидку. Тераэта я уже видел, но сейчас у меня впервые появилась возможность рассмотреть хрупкую «матушку» Черного Братства.

Ее облик удивил меня: я всегда считал, что ванэ не стареют. Годы так иссушили и согнули Хамезру, что сейчас она была не выше куурской женщины. Под светлыми волосами – редкими, посыпанными пудрой – виднелась покрытая темными пятнами кожа, туго натянутая на черепе. Если у ее сына Тераэта кожа была цвета чернил, то Хамезра выглядела как пергамент, на который они пролились. Глаза у нее были словно у демона – серебристые, без зрачков и видимых белков. Я не мог бы сказать, считали ли ее уродливой или прекрасной в юности; сейчас ее лицо было покрыто таким количеством морщин, что строить предположения казалось бессмысленным.

Я подавил в себе желание спросить, есть ли у нее хижина в темном лесу и что ей нравится больше – ребра или ноги жареных детей. Если бы она сказала, что она Сулесс, жена Чертхога, и богиня зимы и коварства, я бы поверил ей беспрекословно.

Хамезра заметила мой взгляд и улыбнулась – нелепо, беззубо. Она подмигнула мне, и внезапно из ванэ превратилась в старую каргу, в торговку рыбой. Изменилась не только она: Тераэт стал коренастым куурцем, истощенным и жилистым, с покрытым шрамами лицом.

Я задумался о том, как теперь выгляжу я сам – ведь иллюзия наверняка распространялась и на меня.

Тераэт и старуха посмотрели друг на друга, словно разговаривая без слов. Тераэт вздохнул и схватил меня за руку.

– Идем.

Его голос раскрыл изъян в иллюзии: он доносился откуда-то над его головой. Оставалось надеяться, что никто этого не заметит.

– Куда мы направляемся? – спросил я.

Тераэт нахмурился.

– Нам все еще грозит опасность.

Ванэ вышел наружу и углубился в толпу. Сделав несколько шагов, я вдруг понял, что старухи Хамезры с нами нет. Я потерял ее из виду и хотел спросить, пойдет ли она с нами, но узнавать об этом следовало у Тераэта.

А пока подобные расспросы ничего мне не дали.

Тераэт с головокружительной скоростью потянул меня сквозь толпу. Я уже не знал, где я нахожусь, и понимал лишь, что мы идем к одному из кораблей. Тераэт потащил меня по трапу, мимо моряков и ряда закованных в цепи рабов. Я подавил в себе желание убить надсмотрщика, который вел их на борт корабля, – в любом случае, оружия у меня не было.

– Чем могу помочь? – спросил знакомый голос.

Я обернулся – в удивлении и ярости.

Это был капитан Джувал. Я снова оказался на борту «Страдания» – корабля, перевозившего рабов, который доставил меня из Куура в Кишна-Фарригу. Именно Джувал приказал заковать в цепи мою душу. Куурцы могут попасть в рабство – обычно за долги или за преступления, но таких рабов не должны продавать за пределы империи. И куурцев уж точно не отвозят на юг и не продают в Кишна-Фарриге. На юг куурцы никогда не отправлялись²².

Когда Джувал вывез меня из Куура, я был без сознания. Я так и не выяснил, почему Джувал нарушил законы Куура, купив меня, и сколько он заплатил. Подозреваю, что нисколько. Вероятно, ему самому выдали металл за то, чтобы он посадил меня на весла и заморил непосильным трудом. И он с радостью попытался исполнить поручение.

Капитан Джувал не входил в число моих самых любимых людей.

²² «Отправиться на юг» – куурский эвфемизм, означающий «умереть». Полагаю, что он связан со злополучной попыткой императора Кандора захватить южное королевство Манол.

Но сейчас он скользнул по мне взглядом, не узнавая.

– Спасибо, капитан, – с поклоном сказал Тераэт. – Мне говорили, что именно ты можешь быстро доставить нас в Жериас.

Капитан Джувал, которого сейчас занимала только погрузка товаров, лишь на миг взглянул на принявшего чужое обличье ванэ.

– Сколько человек?

– Трое, – ответил Тераэт. – Моя семья. Мать слаба здоровьем, но мне сказали, что источники в Саоло-оа-Колаке, возможно...

– За каюту я беру двести ордов. – Джувал по-прежнему более пристально следил за грузом, чем за разговором. – Пища – по двадцать ордов с человека за всю поездку.

– *Двести ордов?* Это грабеж!

Пока они торговались, я отошел в сторону и нашел тихий уголок – подальше от моряков. Никто меня не узнавал, никто даже на меня не смотрел – наверное, к счастью.

Я не мог поверить в то, что снова оказался на «Страдании». Из всех дурацких случайностей...

Нет, это не дурацкая случайность.

Я ни на секунду не поверил в то, что это случайность. Это сознательная удача. Направленная удача. В этом чувствовалась рука коварной Таджи.

Моя богиня. Таджа. Я мог бы поклоняться Тиа или Таэне или кому-нибудь еще из тысячи богов и богинь, которыми славится Куурская империя. Но нет, я должен был выбрать богиню капризного, жестокого шанса. Я всегда считал, что она склоняет чашу весов в мою пользу, но теперь это предположение казалось предельно наивным.

На меня нахлынуло парализующее дурное предчувствие.

Я закрыл глаза и вдохнул вонючий воздух гавани, собираясь с силами. Если кто-то меня узнал, если Тераэт или старуха зададут мне хоть один вопрос о «Страдании» или его команде, мне несдобровать. Джувал не хочет, чтобы я болтал о том, как попал в рабство: именно поэтому он и приказал сделать мне гаэш. Призрачные цепи впились мне в душу, гаэш, позволявший моим хозяевам управлять каждой секундой моей жизни, нависал надо мной, ждал возможности нанести удар.

Я стиснул камень цали, висевший у меня на шее. Он остался у меня только потому, что работорговцы не подозревали о его существовании. Тех немногих познаний о магии, которые у меня были, хватило на то, чтобы спрятать мою самую ценную (ну ладно, вторую по ценности) вещь у всех на виду. Возможно, Релос Вар сумел заглянуть за (как я подозревал) простую, банальную иллюзию²³. Быть может, именно поэтому он так стремился меня купить. Я знал, что эта проклятая штука стоит дорого – дороже, чем «слезы звезд», которые я только что украл. Я прекрасно знал, на что способны люди ради того, чтобы завладеть Кандальным камнем (это название, кстати, казалось мне все менее забавным теперь, когда моя душа находилась в кандалах).

И, как я и предполагал, никто не осмотрел меня, когда меня передали членам Братства, – я ведь был голый.

Со вздохом я запустил пальцы под волосы и снял ожерелье с бриллиантами, которое прицепил к цепочке с камнем цали. «Слезы звезд» не были волшебными, и теперь я мог это подтвердить. Нет, они не волшебные, просто редкие и ценные камни, от которых не откажется и монарх.

²³ Это распространенная ошибка. На самом деле, первое выученное заклинание может быть довольно сложным. Тот, кто не знает своих пределов, иногда получает значительное преимущество.

Если я не ошибся насчет того, откуда взялось ожерелье, то эти камни были именно что королевскими драгоценностями – драгоценностями из казны самой могущественной империи в мире. Их украли из сокровищницы дракона, подарили богине и, наконец, подарили шлюхе в награду за, должно быть, самую дорогую ночь мирских наслаждений.

Эта шлюха, впоследствии ставшая хозяйкой борделя, вырастила меня.

Когда я вернусь в Столицу, то, возможно, подарю ей ожерелье во второй раз. Ола умрет со смеху. Получив целое состояние в виде «слез звезд», она сможет освободить всех рабов в клубе «Разорванная вуаль» и... Я не знаю. Возможно, Ола даже сможет платить им, если именно так они хотят зарабатывать на жизнь.

Я отказывался думать о том, что Ола, скорее всего, умерла – так же, как и многие другие люди, которых я любил. Даже мысль о том, что Турвишар де Лор, скорее всего, мертв, наполнила меня печалью, хотя в этом затруднительном положении я оказался именно из-за него²⁴.

Я пытался не думать об этом, но тщетно.

Я подбрасывал ожерелье на ладони, думая о других ожерельях, – особенно о том, которое сейчас намотано на запястье Тераэта. Забавно, что он не надел мой гаэш на шею. Мой дед тоже носил гаэш госпожи Мии на запястье. Оба словно хотели отстраниться от своих чудовищных деяний, обращаясь с управляющим амулетом как с временным украшением.

Я подумал о том, когда именно Детик заглянет в бархатный мешочек и поймет, что продал меня за несколько звенящих медных браслетов – тех, которые и так принадлежали ему. Наверное, он уже это узнал, но при всех мерах предосторожности, которые принял Тераэт, чтобы уйти от погони, шансы аукционного дома выследить нас были невелики.

Возможно, за такую ошибку Детика казнят. Эта мысль вызвала у меня улыбку, хотя я и понимал, что сейчас веду себя как лицемер: в Кууре у меня были знакомые, связанные с работоторговцами. Однако они не владели мной. А Детик владел, и я надеялся, что он сгниет.

Одеждой мне служила только черная накидка Тераэта, поэтому я привязал ожерелье со «слезами звезд» поверх своего, в надежде спрятать его под высоким воротником и за иллюзиями, созданными Хамезрой. В поездке я буду держаться подальше от посторонних глаз и изучать «слезы звезд» до тех пор, пока они не станут еще одним материалом, который я умею прятать.

Когда я вернулся, переговоры Тераэта и Джувала подходили к концу. Хамезра уже стояла рядом со своим сыном. Деньги перешли из рук в руки, и один из моряков показал нам крошечную каюту с двумя двухъярусными койками, где мы (в теории)²⁵ могли спать в течение всей поездки.

Через полчаса после нашего появления перевозящий рабов корабль под названием «Страдание» поднял якорь и вышел в море.

²⁴ Я, разумеется, не умер. Кроме того, я отвергаю утверждение о том, что в этой ситуации он оказался по моей вине. Я в лучшем случае сообщник, но не более.

²⁵ В койке на невольничьем судне, построенном в Жериасе, обычно может удобно устроиться человек ростом до 5 футов 2 двух дюймов. Для сравнения: рост среднего куурца – 5 футов 6 дюймов, среднего жериасца – 5 футов 8 дюймов, а среднего ванэ – 6 футов 2 дюйма. Поэтому на вопрос «кто может удобно устроиться на такой койке?» следует отвечать «никто». Это – яркий пример того, что работоторговцы из Жериаса стремятся извлечь максимум выгоды из доступного пространства, даже за счет пассажиров, оплативших свой проезд.

6: Отец Грача (Рассказ Коготь)

Тридцать пять шагов от фонтана в центре двора, усаженного цветами, до лестницы в его задней части. Две ступеньки, затем коридор. Слева – дверь в комнату Олы, а за дверью справа еще одна лестница. Еще десять ступенек, небольшой поворот, еще десять ступенек, затем дверь.

Сурдье знал этот путь наизусть, и это было весьма кстати, поскольку он ни разу его не видел.

Слепой музыкант открыл дверь, нахмурился и вздохнул. Его сын храпел...

Кириин, тебе это неприятно?

О, какая жалость. Наверное, ты только что понял, что Сурдье – часть моей коллекции воспоминаний. Ты тоже, хотя и в меньшей степени.

Ты этого не знал? Ой...

Ну, теперь знаешь, утенок. Сурдье – часть меня, и он действует весьма энергично. Он так хочет защитить тебя. Отцовская любовь – такая сильная.

Во гневе ты очарователен.

Ну так вот...

Его приемный сын храпел на одной из кроватей, втиснутых в кладовую, которую превратили в жилую комнату. Им двоим хватало места, пока Кириин был мелким, но с тех пор парень повзрослел и вытянулся.

Теперь они едва здесь помещались.

«Это лучше, чем ничего, – подумал Сурдье. – Если бы нас вышвырнули на улицу, было бы хуже».

Жаль, что он никак не может втолковать это своему неблагодарному сыну.

Он подозревал, что, к сожалению, его сын все прекрасно понимает. Как бы ни притворялся Сурдье, что они ходят по лезвию бритвы и во всем зависят от милости хозяйки борделя, его угрозы были выдуманные. Госпожа Ола никогда их не выселит. Но он бы предпочел, чтобы Ола не сводила на нет все его усилия. Время от времени мальчишку следовало учить уважению.

Сурдье ненадолго прервал свои размышления, чтобы ткнуть тростью в спину сына.

– Кириин, вставай! Ты проспал.

Его сын застонал и повернулся на другой бок.

– Еще не время!

На этот раз Сурдье ударил палкой по бамбуковой кровати Кириина.

– Вставай, вставай! Ты что, уже забыл? Сегодня мы играем в доме Ландрилы Аттулимы. А госпожа Ола хочет, чтобы мы подготовили ее новую танцовщицу. У нас полно дел, а ты не спал всю ночь, так? Никчемный мальчишка, что я говорил тебе про воровство?

Его сын сел на постели.

– *Папа.*

– Твое счастье, что я слепой, а то отколошматил бы тебя так, что ты бы сидеть не мог. Мой отец такой глупости бы не потерпел. Ты музыкант, а не уличный воришка.

Кровать скрипнула: Кириин спрыгнул на пол.

– Музыкант – это ты. А я просто пою, – озлобленно ответил он.

В последнее время Кириина многое злило, но ведь раньше он был таким милым! Что Сурдье сделал не так?

– Если бы ты занимался...

– Я занимаюсь. Просто у меня нет таланта.

– По-твоему, это занятия? – нахмурился Сурдьё. – Ты больше времени тратишь не на запоминание аккордов, а на ухаживания за бархатными девушками Олы и на прогулки по крышам. Ты мог бы стать одним из лучших, если бы хотел. Когда мне было пятнадцать, я все ночи напролет учился ставить пальцы. Каждый день практиковался.

– К пятнадцати годам ты уже ослеп, – буркнул Кирин.

– Что ты сказал? – Сурдьё крепче сжал свою трость. – Проклятье! Парень, однажды тебя сцапают Сторожа, и тогда тебе конец. Если повезет, они отрубят тебе руку, а если нет – продадут в рабство. Я не смогу вечно тебя оберегать.

– Оберегать? – фыркнул Кирин. – Папа, я люблю тебя, ты же знаешь, но ты просто не можешь меня оберегать. – Снова зашуршала ткань: Кирин брал набедренную повязку, аголе, плащ-салли и сандалии.

– Ты не знаешь, как я тебя защищаю. Ты даже не представляешь, – Сурдьё покачал головой.

Его сын направился к двери.

– Нам ведь нужно куда-то идти, так?

Сурдьё столько хотел сказать мальчику, но слова либо уже сказаны, либо их вообще нельзя произносить. Кроме того, он и не надеялся, что сын его послушает. В последнее время Кирина могла убедить только Ола – только потому, что говорила лишь то, что он хотел услышать. Сурдьё надоело быть единственным человеком, который говорит то, что мальчику *нужно* услышать. Он устал от споров, устал быть голосом совести среди этого океана пороков.

Полгода. Еще полгода, и Кирину исполнится шестнадцать. Тогда все закончится, и Сурдьё узнает, насколько хорошо он его воспитал.

Тогда об этом узнает вся империя²⁶.

– Шевелись, сын. Нам нельзя опаздывать.

Сурдьё ткнул сына тростью в грудь:

– Не спи!

Кирин, запинаясь, выдал из себя куплет. Толпа в главном зале неодобрительно загудела, хотя зрителей стало меньше, как только они поняли, что сейчас идет репетиция.

Да и вообще ценителей искусства среди клиентов было мало.

– Давай сначала, – сказал Сурдьё. – Прошу прощения, госпожа Морея. Можно подумать, что мой сын ни разу не видел красивую девушку.

– Папа!

Сурдьё, хоть и был слеп, прекрасно понимал, что его сын покраснел и что виной тому Морея – самая новая танцовщица в клубе «Разорванная вуаль» и самая новая рабыня Олы. Морея останется рабыней до тех пор, пока не заработает достаточно металла, чтобы выкупиться из рабства. Чтобы заслужить свободу, ей придется быть и превосходной танцовщицей, и успешной шлюхой.

Сурдьё мало заботила судьба Мореи, но, судя по поведению Кирина, она была прекрасна, словно богиня. По крайней мере, обычно его сын не выставлял себя таким дурачком перед девушками.

Морея взяла лежавшее на краю сцены полотенце и вытерла лицо.

– Мы уже два раза повторили. Еще один раз, а потом перерыв?

²⁶ Я невольно думаю о том, что, по мнению Сурдьё, должно было произойти в шестнадцатый день рождения Кирина. А вот и более тревожная мысль: что, если бы все произошло именно так, как задумывал Сурдьё?

– Я не против, госпожа Морей, – ответил Сурдые, снова устанавливая между ног свою арфу. – Если кое-какие проклятые мальчишки не будут пялиться куда не надо и думать, о чем не надо, а не о работе.

Ответа Кирина он не услышал, но мог легко себе его вообразить.

– Не хмурься, – сказал Сурдые и снова ткнул Кирина между ребер.

– Как... – Кирин покачал головой, сжал зубы и сквозь силу улыбнулся.

Сурдые снова заиграл танец. Морей попросила его сыграть «Маэванос». Если Морей была из богатого дома, то «Маэванос», скорее всего, был наилучшим вариантом. У нее просто еще не было времени выучить что-то более «остренькое».

Сюжет «Маэваноса» был довольно прост. Одну молодую женщину продал в рабство ее муж, который заглядывался на ее младшую сестру. Работорговец, купивший ее, дурно с ней обращался, но потом ее купил аристократ из Верхнего круга.

Аристократ влюбился в нее, но произошла трагедия: его убили люди из враждебного ему дома. Верная рабыня покончила с собой, чтобы вновь встретиться со своим повелителем за Второй завесой. Ее преданность растрогала богиню смерти Таэну, и она разрешила паре вернуться в мир живых, а вместо них забрала к себе мужа-распутника. Аристократ отпустил девушку на волю, женился на ней, и все, кто этого достоин, после этого жили долго и счастливо²⁷.

Хотя «Маэванос» должна была танцевать женщина, песню исполнял мужчина, ведь историю рассказывала не сама героиня, а мужчины, которых она встретила. Сцены с участием лорда и работорговца были пикантными, именно поэтому Морей и предложила их в качестве компромисса.

Сурдые ненавидел этот танец ровно по тем причинам, по которым он, вероятно, будет пользоваться успехом в борделе. Однако в данном вопросе окончательное решение принадлежало не музыканту.

Когда танец начался, число зрителей увеличилось; в клуб стали стекаться первые вечерние клиенты. Последний поклон Морей публика встретила радостными воплями и аплодисментами. Кирин умолк. Сурдые чуть прижал примотанные к пальцам «когти» к двойным струнам своей арфы, и с них сорвалось эхо последних нот.

Сурдые почувствовал запах пота Морей, услышал стук бус, когда она перекинула свои волосы за спину. Не обращая внимания на свист и улюлюканье, она подошла к стулу, на котором он сидел.

– Что ты здесь делаешь? – спросила его Морей.

Сурдые повернул голову в ее сторону.

– Репетирую, госпожа Морей.

– Ты восхитителен, – сказала она. – В каждом борделе Бархатного города такие же талантливые музыканты? Ты лучше всех, кто когда-либо играл для моего прежнего хозяина. Сколько тебе платит мадам Ола?

– По-вашему, мой отец настолько хорош? – Кирин подошел так тихо, что даже Сурдые этого не услышал.

²⁷ Существует много вариантов «Маэваноса», однако основной сюжет у них один: герой умирает и отправляется в загробный мир. Таэна судит его, а затем позволяет вернуться в мир живых. Кхадри Силорма подробно разбирает эту тему в «Архетипе умирающего бога», разрабатывая теорию, в соответствии с которой Таэна является лишь одной из частей цикла духовной реинкарнации, необходимой для всего живого. Таэну дополняют богини Таджа и Тиа, и каждая правит одним из трех существующих наравне друг с другом миров нашей реальности. Эти миры соответствуют физическому, магическому и посмертному метафизическим состояниям. Последователи Галавы, богини жизни, ненавидят книгу Силормы, поскольку считают, что в ней Галава играет второстепенную роль по сравнению с тремя богинями-сестрами.

Сурдые подавил в себе желание проклясть богов. Ему совсем не хотелось, чтобы Кирин стал задаваться вопросом, почему Сурдые играет в Бархатном городе, когда мог бы выступить перед королевскими особами.

– Привет, красотка. Брось этих слуг, – донесся чей-то грубый голос. – Я хочу провести время с тобой.

Сурдые услышал тяжелые шаги; к ним приближался какой-то большой человек.

Морея глубоко вдохнула и сделала шаг назад.

– Разве ты не видишь, что она устала? Оставь ее в покое. – Возможно, Кирину удалось бы запугать мужчину, будь он на несколько лет постарше и значительно тяжелее, однако сейчас его самого можно было легко принять за бархатного мальчика. Сурдые сомневался, что клиент вообще обратил внимание на его сына.

Сурдые отложил арфу в сторону и протянул свой расшитый лентами плащ-салли в ту сторону, где стояла Морея.

– Госпожа, ваш плащ.

Пока Морея одевалась, Сурдые изменил заклинание, направляя звук в комнате так, чтобы Роарин, вышибала «Вуали», слышал каждое слово. Потенциальный клиент Мореи, возможно, и крупный, но в жилах Роарина текла кровь моргаджей – и ее достаточно для того, чтобы на его руках росли ядовитые шипы. Сурдые по опыту знал, каким грозным может быть этот вышибала.

– У меня есть деньги! Я ничем не хуже других! – возразил человек.

– Эй, сейчас моя очередь! – вступил в разговор еще один голос.

– Потрясающе, теперь вас двое, – сказал Кирин. – Госпожа Морея, вы же сейчас не берете клиентов, верно?

Бусины в ее волосах застучали друг о друга: она покачала головой.

– Нет.

– Ну вот видите, парни, она не работает. Проваливайте. – Только тот, кто хорошо знал Кирина, заметил бы, что его голос дрожит от страха. Эти двое, наверное, настоящие великаны.

– Клянусь яйцами Бертока! Не указывай мне тут, – мужчина подошел поближе.

Даже со сцены Сурдые чуял запах перегара. Музыкант стиснул свою трость и приготовился к тому, что ему, возможно, придется вмешаться.

– В чем дело? – спросил Роарин. Зрители, стоявшие ближе всего к сцене, умолкли.

– Я... э-э... Я хочу провести немного времени с этой девушкой... господин.

– Краднит, ты спятил! Я же первый подошел!

– Разумеется, добрые господа, разумеется, – сказал Роарин, – но это же просто танцовщица. Смазливая шлюшка, да, но всласть с ней не покувыркаешься – она слишком измотана. Пойдемте со мной. Мадам Ола покажет вам *настоящих* женщин! Они из вас все соки высосут! – Он положил свои ручищи на плечи двух мужчин и повел их прочь.

Сурдые выдохнул и повернулся, чтобы взять арфу.

– Иногда я ненавижу свою работу.

– У вас все хорошо, госпожа Морея? – спросил Кирин.

Молодая женщина застонала и принялась разминать затекшую шею.

– Даже не верится... – Она оборвала саму себя. – Очень мило с твоей стороны – так заступаться за меня... – У нее вдруг перехватило дыхание. – У тебя голубые глаза!

У Сурдые едва не остановилось сердце.

Нет. Будь оно все проклято, нет!

– Я ношу их только по особым случаям, – ответил Кирин. Сурдые чувствовал, что тот улыбается. Ну конечно, он улыбался. Кирин ненавидел, когда люди обращали внимание на цвет его глаз, но теперь их заметила симпатичная девушка, которой он хочет понравиться.

Сурдые призадумался. Откуда взялась эта девушка? Не из королевского дома, это ясно. Сурдые запретил Оле покупать рабов в королевских домах. Риск слишком велик.

– Пойду в сад, прилягу в беседке, – сказала Морея Кирину. – Принесешь мне холодного джоратского сидра? Я умираю от жажды.

– Мы уходим, – сказал Сурдые. – У нас выступление.

– Я принесу вам сидра, прежде чем уйти, – сказал Кирин.

Она выскользнула за дверь. Комната опустела: клиенты, которые остались посмотреть на репетицию, теперь отправились на поиски компании иного рода.

– Нет, Кирин, – сказал Сурдые. – У нас нет времени.

– Папа, я ненадолго.

– Изобразить из себя героя, налетать на врага и спасти девушку – не твоя работа. Предоставь это Роарину. – Он понимал, что сейчас говорит сварливым тоном, но не мог остановиться.

– Она забрала твой плащ, – напомнил ему Кирин. – Я его принесу. Ты ведь хочешь прийти к Ландрилу в цветах Гуляк, верно?

Сурдые вздохнул. К сожалению, мальчик был прав: Сурдые нужен этот плащ. Да, это всего лишь отговорка, но это не значит, что она плохая. Музыкант стиснул руку сына.

– Не угощайся сладостями, за которые не заплатил. Нам нельзя гневить Олу, ведь только по ее милости мы не ночуем на улице. Есть дюжина хороших музыкантов, которые дадут выбить себе пару зубов за право выступать в «Разорванной вуали». Не забывай об этом.

Его сын вырвал руку.

– Забавно, что Морея с тобой не согласна.

– Не хмурься, мальчик, а то по личику, которое Ола считает таким красивым, пойдут морщины. – Его голос смягчился. – У Ландрила мы должны быть, когда колокола пробьют шесть раз, так что немного времени у тебя есть. Но не задерживайся.

Если его сын и затаил на него обиду, то ее уничтожила радость от одержанной победы.

– Спасибо. – Кирин быстро обнял Сурдые и выбежал из комнаты.

Сурдые остался сидеть там, кипя от злости.

Затем он попросил, чтобы кто-нибудь разыскал Олу.

7: «Страдание» (Рассказ Кирина)

...не хочу держать в руках этот проклятый камень. Я не хочу и дальше говорить об этом, Коготь. Я даже не помню, на чем я остановился.

А, точно. Я был на борту «Страдания». Большое спасибо.

Ладно.

Первые часы, проведенные на борту корабля, я помню плохо. Моряки вязали узлы, поднимали паруса, кричали, вопили, выводили корабль в море. Почти не обращая на них внимания, я ждал в нашей каюте.

Точнее, я в ней прятался.

Мне было странно наблюдать за тем, как эти обычные, заурядно выглядящие люди входят в каюту, и при этом знать, что их облик – фальшивка. Еще более странным было знать, что они изменили и мое обличье. Если бы я посмотрел в зеркало, то своего настоящего лица я бы не увидел.

– Что вам от меня нужно? – спросил я у Хамезры, когда они вернулись. – Только не говори, что вы случайно заплатили за меня ожерельем со «слезами звезд». Мой дед отдал такое же за Мию – рабыню-ванэ, которую он купил у «какой-то старой ведьмы-ванэ», как он говорил. Эту историю мне кто-то рассказал после того, как я наконец снова встретился со своими дорогими родственниками. Я всегда думал, что это просто сказка, ведь старых ванэ не существует, но, смотри-ка, тут есть ты – старая ведьма-ванэ.

Она изогнула бровь.

Я откашлялся.

– Не обижайся.

– Я не в обиде, – ответила Хамезра. Похоже, мои слова ее позабыли – несмотря на то, что я назвал ее ведьмой, и притом дважды.

– Причина, по которой ты купила меня, как-то связана с моим дедом? – спросил я.

Она ласково посмотрела на меня, но промолчала.

– Довольно, – сказал Тераэт. – До Жериаса путь неблизкий. Найди капитана и спроси, есть ли у него погодная ведьма. Мне бы хотелось знать, когда мы прибудем на место.

Именно этого я ждал, именно этого я опасался. Приказ моего нового хозяина, прямо противоречащий связанному с гаэшем распоряжению, которое отдал капитан Джувал. Ответ на вопрос Тераэта я уже знал: да, у Джувала есть погодная ведьма. Но если я стану говорить о ней или о Джувале, то нарушу приказ, который он отдал мне, когда распорядился сделать мой гаэш. Как только я вернусь, Тераэт потребует у меня ответа. Если я ему отвечу, гаэш убьет меня за невыполнение приказа Джувала.

Но если я ничего не скажу Тераэту, гаэш все равно меня убьет – на этот раз за неподчинение Тераэту.

Я медлил, и во мне начала усиливаться боль.

Я подумал о том, что моя жизнь была короткой и странной. Возможно, Таэна посмеется, когда я окажусь за Второй завесой и расскажу ей о своей жизни.

– Гаэш не...

– Иди!

По мне тек поток боли, и я стиснул зубы. У меня был только один шанс выжить – если я сумею быстро рассказать об этой проблеме Тераэту и он аннулирует приказ Джувала или изменит свой собственный. Возможно. Если Таджа все еще любит меня.

– Приказ... Джувала...

Старуха встала.

– Тераэт, скорее!

– Джувал... сделал гаэш... – Приказы накатывали на меня, словно мощные волны, они топили меня в моей же крови. Гаэш врезался в мое тело, с ревом понесся по моим венам, он пожирал меня изнутри, он горел, он обжигал.

Я рухнул на пол и забился в судорогах.

8: Сделка с ангелом (Рассказ Коготь)

Морея беспокоилась о том, где разместиться в беседке, чтобы лучше всего показать себя. На этом диване? Нет, он слишком хорошо виден. На том? Да, так лучше. Морея сняла с себя покрытый лентами плащ-салли, повесила его на спинку стула и плеснула на себя водой, чтобы освежиться. Затем она провела рукой по своим косам, снова нанесла на себя духи и намазала тело благовонным маслом так, что ее кожа заблестела. Потом Морея поспешила к выбранному ею дивану и легла на него, изображая сильную усталость.

Это было не в полной мере притворство.

Через несколько минут в солярий вошел сын арфиста с кружкой в руках. Морея понимала, что он не может быть потомком Сурдые. Да, Сурдые – гениальный музыкант, но он, очевидно, из простонародья, а его сын... В общем, его предками были не землепашцы.

Подросток остановился и уставился на нее. Морея едва не улыбнулась. Как ребенок из борделя остался настолько невинным, что его может возбудить вид обнаженного тела? Все дети из гарема, которых она знала, были пресыщенными, устойчивыми к любым обычным соблазнам.

– Вот ваш напиток, госпожа Морея. – Кирин протянул ей кружку с сидром.

Морея подняла взгляд на него. Он ангел, это несомненно. Его кожа не оливковая, как у большинства куурцев, а темная, но почему-то *более* золотистая. На контрасте с его черными волосами она кажется бледнее, чем на самом деле, и при этом заставляет его голубые глаза сиять, словно сапфиры из Кирписа. Эти голубые глаза... Морея щелкнула языком и улыбнулась, а затем, приподнявшись на диване, взяла у юноши кружку.

– Только не «госпожа». Просто Морея. А тебя госпожа Ола называет Ангел?

Юноша фыркнул.

– Ола меня как только не называет. Пожалуйста, зови меня «Кирин».

– Я бы решила, что ты из Кирписа, если бы не волосы. – Морея протянула руку, чтобы коснуться их. – Они – словно перья ворона. – Она откинулась на подушки, чтобы снова посмотреть на него. – Но ты же не оттуда, верно?

Он рассмеялся и покраснел.

– Нет. Я родился здесь.

Она недоуменно сдвинула брови.

– Но ты совсем не похож на куурца.

– А... – Он замялся. – Моя мать – долтарка.

– Что?

– Долтар – это страна. Она находится на юге, далеко на юге, за джунглями Манола. Там холодно. У местных жителей голубые глаза и светлые волосы – как у меня.

Морея подавила в себе желание закатить глаза.

– Я знаю, где расположен Долтар. – Она снова коснулась его волос и поняла, что они крашенные. – Из Долтара на север отправляют большое количество рабов. Но ты не похож на долтарца.

Он нахмурился.

– Правда?

– Все рабы-долтарцы, которых я знала, были коренастыми, высокими и плотными, идеально подходящими для тяжелой работы. У них большие носы и тонкие губы. А ты худощавый. Твой нос, твои губы... Ты – полная противоположность долтарцу. – Морея попыталась

представить себе его с коричневой кожей, в синей одежде. Оказалось, что это легко, и, хотя в беседке стояла удушающая жара, Морея задрожала.

– Тебе холодно? – спросил юноша.

Морея улыбнулась.

– Нет. Посиди со мной.

Кирин смущенно откашлялся.

– Мне нельзя. Это... э-э... Такое правило.

– Я слышала, как госпожа Ола отзывается о тебе. Наверняка она позволяет тебе проводить время с тем, кто тебе нравится.

Из красного Кирин стал пунцовым.

– Правило установила не Ола, а я. Я не навязываюсь женщинам, которые находятся здесь. Это было бы неправильно.

– Ты не навязываешься – я хочу, чтобы ты был здесь. – Она похлопала по подушке. – Садись. Позволь мне расчесать твои прекрасные волосы. Ну пожалуйста.

– Я... – Он подошел к скамье. – Пожалуй, несколько минут ничего не изменят.

– Это просто позор, что твои чудесные волосы в таком запущенном состоянии. Зачем ты завязываешь аголе на шее? Ты себя задушишь. – Морея развязала длинный кусок ткани и позволила ему упасть на диван. Она потянулась к щетке, которую забыл другой раб, и провела ею по волосам Кирина, распутывая колтуны. Волосы доходили ему до плеч. Черная краска не пошла им на пользу. Морея обнаружила несколько золотых прядей, которые он пропустил, и несколько фиолетовых пятен в тех местах, где краска выцвела. Расчесав Кирина, она принялась массировать кожу на его голове, осторожно разминая ее опытными пальцами. При этом она наклонилась к нему, прижалась грудью к его спине. Кирин задышал чаще. Морея улыбнулась.

– Я всегда думал, что у меня странные волосы, – неуверенным тоном заметил Кирин.

– Золотые? Есть люди, которые пошли бы на убийство, лишь бы у них были такие же. Ты не должен работать здесь.

– Ты же знаешь, что это не так. Да, кстати – что произошло на репетиции?

– Нет, я хочу сказать, что ты не... ты не бархатный мальчик. Я знала музыкантов, которые выполняли те же обязанности, что и танцовщицы.

Нахмурившись, Кирин отвернулся.

– Мы снимаем здесь одну из комнат. Ола не много с нас берет, потому что мы играем для танцовщиц, но не более того.

– С такой внешностью ты мог бы заработать кучу металла.

– Не обижайся, но я предпочитаю добывать его другим способом.

Морея провела пальцами по его плечу и почувствовала, как у него по спине побежали мурашки.

– Значит, ты – огенра?

Настроение Кирина изменилось. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– Я же сказал, что я долtareц. Почему ты решила, что я один из королевских ублюдков? Морея постаралась ответить беззаботно, словно ей все равно.

– Голубые глаза – один из признаков божественного происхождения. Я знала лишь одного человека с голубыми глазами – такими же, как у тебя, – и он был королевской крови, одним из тех, кого коснулся бог. Ты похож на него, вот я и предположила, что ты – его родственник.

– Говорю же, я – не огенра, – ледяным тоном ответил Кирин.

– Но...

– Пожалуйста, прекрати.

– Ты уверен? Потому что...

– Уверен.

– Но если ты огенра...

Его лицо исказилось от гнева.

– Моя мать – долтарка, и она бросила меня на свалке в Галлтисе. Теперь ты довольна? Она была тупой и не знала, что за десять серебряных «кубков» в храме Калесс или в любом синем доме можно купить средство, которое не даст ей забеременеть. И поэтому она бросила меня сразу после моего рождения. Да, голубые глаза – знак божественного благоволения, но тут полно людей с глазами всех цветов радуги. У Сурдые, пока он не ослеп, были зеленые глаза. Это не означает, что он – родственник королевского дома, который управляет Привратниками; нет, просто он из Кирписа. Я ни разу не бывал ни в одном из особняков Верхнего круга и *никогда туда не попаду*²⁸.

Морея вздрогнула. Его гнев... Богиня Калесс!

– Но... ты так на него похож, – прошептала она и заплакала.

Через несколько секунд он уже обнимал ее и гладил ей волосы.

– Проклятье... Прости... Я... Я не... Он много для тебя значил? Он был тебе дорог?

Она отстранилась от него.

– Нет! Я его ненавижу.

Лицо Кирина окаменело.

– Подожди... Я напоминаю тебе человека, которого ты ненавидишь?

Морея вытерла слезы. Все шло не так, как она рассчитывала, совсем не так.

– Дело не в этом. Я просто хотела...

– Что? Чего ты хотела так сильно, что разыграла целый спектакль для человека, напоминающего тебе того, кого ты ненавидишь, – ненавидишь так сильно, что одна мысль о нем вызывает у тебя слезы? Мне это очень интересно.

Морея отсела подальше от Кирина.

– Дело не в этом!

– Тогда объясни, в чем.

– Если ты – огенра, то мог бы выяснить, куда работорговцы из Восьмиугольника продали мою сестру Талею. Если ты из благородной семьи, то мог бы попросить своих родственников об услуге. Я была уверена в том, что ты огенра. Ты даже носишь его цвета... – Она указала на его грудь.

Кирина коснулся синего камня в золотой оправе, висевшего у него на шее.

– Его цвета... Ясно. – Он кивнул. Теперь его взгляд из нежного стал суровым.

– Кирина, ты мне нравишься...

– Да неужели.

– Да! Я не знала, к кому еще мне обратиться.

– Тебе следовало обратиться к вашей новой хозяйке. Половина жителей города – друзья Олы, а вторую половину она шантажирует. Ола узнала бы в Восьмиугольнике все, что тебе нужно, а может, даже купила бы твою сестру. Но Ола потребует что-нибудь взамен, а ты не хочешь увеличивать свой долг перед ней. И ты решила, что меня можно обвести вокруг пальца.

Морея почувствовала, что в горле у нее пересохло.

– Я не знаю госпожу Олу так же хорошо, как ты. Мои прежние хозяева избивали бы меня за подобную просьбу. Но ты... ты милый, красивый, и ты заступился за меня... Почему тебе кажется, что я преследую коварные цели?

Его лицо не смягчилось.

– Потому что у тебя есть товар на продажу, и ты думаешь, что я мечтаю его купить.

Морея попыталась дать ему пощечину, но Кирина ловко уклонился и встал.

²⁸ Не стоит предполагать, что Сурдые не прошел подготовку у Привратников. Возможно, что музыке его учили Гуляки, но он, похоже, знал заклинания, которые не входят в их репертуар. Скажем так: я бы не удивился, если бы узнал, что у Сурдые были связи с Привратниками, – а точнее, с домом де Арамарин.

– Я спрошу у Олы. Раньше она была рабыней, и у нее до сих пор есть знакомые в Верхнем круге. Кто-то из них наверняка знает, что стало с твоей сестрой. – Веселый огонек в глазах Кирина погас. Он больше не смотрел на нее, словно влюбленный юноша на объект своей страсти.

Морея опустила взгляд. Она ненавидела то, что сейчас чувствовала, ненавидела то, что, по ее мнению, произойдет сейчас.

– Что ты рассчитываешь получить взамен? – спросила она наконец.

Кирин перебросил через руку плащ-салли своего отца.

– Ничего, – ответил он. – Я понимаю, что мы в Столице, но не все должно сводиться к сделкам.

Кирин поклонился с изяществом опытного артиста и, не оглядываясь, вышел из беседки.

Он осторожно пробрался в главный зал «Разорванной вуали» и искал глазами отца.

– Ну что? Как все прошло, мой маленький Грач? – шепнула Ола ему в спину.

– Ох... Не хочу об этом говорить. – Ему не нравилось, что она называет его Грачом в клубе. Он же не называет ее Вороной.

Крупная женщина удивленно изогнула брови.

– В доме, куда ты отправился ночью, не было стражи, так ведь?

Он уставился на нее, моргая. Она говорила не о репетиции, а про ограбление дома казика-варца.

– Ой! Э-э... нет. Нет, там все прошло отлично. Даже лучше. Просто замечательно.

Женщина ухмыльнулась, обняла его и взъерошила ему волосы.

– Ола... – Кирин по привычке запротестовал и выпрямился, увидев, что Роарин ведет к ним Сурдые. – Потом все расскажу. Нам нужно поговорить.

– Нам нужно спешить, – сказал Сурдые, подойдя к ним. – Ландрил очень богат. Будет плохо, если мы опоздаем на первый концерт, который он у нас заказал.

Кирин взял арфу в матерчатом футляре.

– Прости, меня задержали.

– Не сомневаюсь. – Ола подмигнула ему.

– Нет, я про другое, – бесстыдно ухмыльнулся Кирин, но затем помрачнел. – Об этом нам тоже надо поговорить.

Хозяйка борделя чуть наклонила голову набок.

– Одна из девушек портит тебе жизнь? Кто именно?

– Морея, больше никому, – сказал Сурдые.

– Папа, я сам могу ответить.

Госпожа Ола поджала губы.

– Будь с ней помягче, ясноглазый. Прoshлый хозяин сурово с ней обращался. Дай мне несколько месяцев, и тогда я сделаю ее поласковее. Может, пока поиграешь с Джирией? Ты ей нравишься.

Она сказала правду. Джирии действительно нравился Кирин – в основном потому, что он провел много дней в ее комнате, отсыпаясь после ночных прогулок по крышам. Кроме того, помимо отдыха он получал еще и отличное алиби – для Сурдые, разумеется, а не для Сторожей. Сурдые не хотел, чтобы Кирин забавлялся с рабынями Олы, однако кражи нравились ему гораздо меньше, чем распутство.

– Нет, это не...

Сурдые покачал головой.

– Ола, ты его балуешь. Разрешаешь ему выбирать рабынь, словно он принц.

В последнее время это был любимый довод Сурдые. Кирин хмурился еще сильнее. Ола заметила это и состроила удивленное лицо. Кирин сжал губы, покачал головой и ничего не сказал.

Хозяйка борделя внимательно посмотрела на Кирина, а затем со смехом потрепала Сурдье по щеке.

– Мужчинам нужны хорошие воспоминания о юных годах, они согревают их в старости. Не говори мне, что у тебя их нет, старик, уж я-то тебя знаю. И ты разрешения у хозяев не спрашивал. Идите же, пока не опоздали.

Она вытолкнула их за дверь.

9: Души и камни (Рассказ Кирина)

Когда я очнулся, то ощутил боль и ритмичное покачивание «Страдания», идущего под парусами. Меня уложили на одну из крошечных коек; кто-то раздел меня и накрыл черной накидкой Тераэта, словно одеялом. Сам он с мрачным выражением лица прислонился к стене каюты. Хамезра, его мать, сидела рядом с койкой и прижимала к моему лицу мокрую тряпку.

– Ой, – сказал я. Хамезра исцелила мои раны, но тело у меня болело так, словно я надорвал все свои мышцы.

– Радуйся, ты будешь жить, – сказала Хамезра. Эта ситуация, похоже, ее чем-то позабыла.

– По крайней мере, еще какое-то время, – заметил Тераэт. – У тебя такой талант попадать в неприятности, что предсказать твое будущее невозможно.

– Ну да, ведь я сам вас об этом просил. – Я опустил ноги на пол и обернул накидку вокруг пояса, хотя заботиться о приличиях было уже поздно. Пытаясь не обращать внимания на Тераэта, я сосредоточился на его матери. – Ты защитила меня от атаки гаэша, и за это мне следовало бы поблагодарить тебя, но я должен вернуться к своему любимому вопросу: что вам всем от меня нужно?

Она улыбнулась.

– Вот вопрос получше: как ты выжил после того, как нарушил запрет гаэша, если это больше никому не удастся?

Я запнулся.

– Что? Подожди, но я... – Я откашлялся. – Я думал, все это сделала ты?

Хамезра покачала головой.

– О нет.

– Тогда как... – Я прижал руку к горлу. Ожерелье со «слезами звезд» пропало – возможно, его забрали, когда сняли с меня накидку. Однако Кандальный камень остался.

Она заметила мой жест.

– Да. Я тоже подозреваю, что дело в камне. Он защищает своего владельца, но не очень-то хорошо ослабляет боль. Возможно, ты пожалеешь о том, что не умер. Это ведь Джувал приказал сделать твой гаэш?

Нет, второй раз я на эту уловку не поддамся.

– Давай без глупостей.

Тераэт нахмурился.

– Тогда почему...

Хамезра подняла руку. Мой гаэш закачался на цепочке, зажатой в ее пальцах.

– Можешь отвечать честно, милое дитя. Я убрала прошлые запреты.

Наверное, Тераэт отдал ей гаэш, пока я был без сознания.

– А, ну тогда ладно. Джувал поручил кому-то призвать демона, который и создал мой гаэш. – Я дождался секунду, но судороги не возобновились, и поэтому я продолжил. – Джувал пришел в ярость, когда понял, что его обманом вынудили совершить тяжкое преступление против Куурской империи. Вряд ли представители властей закроют глаза на это небольшое недоразумение и забудут о том, что он сделал куурского принца гребцом на галере. Я убедил его, что, если он меня убьет, жрецы Таэны помогут флоту Куура найти его еще быстрее. Он подумал, что решит проблему, вырвав из меня душу.

– Гаэш не лишает тебя души, – отрезал Тераэт.

– Ой, прости, – отозвался я. – У тебя есть личный опыт? Кто-то создал твой гаэш? Или ты сам сделал гаэши для кучи народа? Скорее второе, да?

– Черное Братство не занимается работорговлей.

Я невольно расхохотался.

– Добрые аукционисты из Кишна-Фарриги с этим не согласятся. Разве вы не заказали места заранее?

– Мы покупаем рабов-ванэ, чтобы освободить их, а не для того, чтобы делать их гаэши, – возразил он.

– Вот как? Значит, Мию твоя мать «освободила»? А откуда у вас средства на такую операцию? От доброхотов? Или у вас в запасе есть еще пара дюжин «слез звезд»?

– Нет, но если ты хочешь и дальше их похищать, то мы можем договориться.

– Молчите, оба. – Старуха шелкнула языком. – Тераэт, иди наверх и спроси у капитана, через сколько дней мы прибудем в Жериас.

Он задержал на мне свой взгляд. Лицо у него было как у праведника.

– Мы не торгуем рабами.

– Как скажешь, *хозяин*.

– Тераэт, иди же.

Нахмурившись, он кивнул матери, на прощание еще раз взглянул на меня и вышел.

Я искоса посмотрел на Хамезру.

– Он ведь приемный, да?

Уголок ее рта дернулся.

– Он решил стать похожим на отца.

Я опешил. Для меня-то это был риторический вопрос. Я был *уверен*, что Тераэт и Хамезра – не родственники. Для них двоих подходила метафора «день и ночь». Он – ванэ Манола. Она – ванэ из Кирписа.

По крайней мере, я так думал. Но женщина, неотъемлемую часть жизни которой составляли иллюзии, могла выглядеть так, как ей заблагорассудится.

Я скорчил гримасу и вытер потные ладони о накидку.

– Я вам не доверяю. Мне известно, откуда взялись эти «слезы звезд».

– Мне тоже. Они – часть сокровищ дракона Баэлоша.

Я заморгал.

– Что?

– Часть сокровищ дракона Баэлоша, – повторила Хамезра. – Их украл император Симиллион. После того как его убили, эти камни, вместе с другими бесценными артефактами, положили под замок в центре арены, расположенной в столице Куура. Через несколько столетий император Гендал подарил ожерелье со «слезами звезд» жериасской куртизанке удивительной красоты, а она обменяла эту драгоценность на свою свободу. Когда ее бывший владелец, человек по имени Терин, отправился с друзьями на поиски приключений, с помощью этого ожерелья он спас женщину-ванэ, которую собирались казнить. В обмен на гаэш он предложил ожерелье – и обещание, что она никогда не вернется в Манол. – Хамезра улыбнулась. – Вот так ожерелье оказалось у меня.

– Значит, ты не отрицаешь, что продала Мию?.. – Я умолк. – Казнь? Ее собирались казнить?

– Мы называем это «Прогулка предателя». Осужденному делают гаэш и заставляют отправиться в Кортаэнскую Пустошь. Это похоже на ссылку, но, поверь мне, это смертный приговор. Никакого возрождения. Никакого возвращения.

– И ты решила на этом подзаработать?

Она фыркнула.

– Я бы продала ее за пригоршню стеклянных бусин и сломанную веточку, если бы знала, что после этого она не окажется на пике какого-нибудь моргаджа и демоны не сожрут ее душу. Я присутствовала при ее рождении. Она росла у меня на глазах. Ее смерть разбила бы мне сердце. – Печаль в глазах Хамезры казалась неподдельной.

– Ты... Значит, ты знала госпожу Мию?

Я полагал, что их отношения были более... «рабочими». Детик, рабовладелец из Кишна-Фарриги, «знал» меня, но я не думаю, что его бы расстроила мысль о моей смерти.

Хамезра ответила не сразу. Она отвернулась, посмотрела в сторону, и я...

Я узнал этот жест, этот взгляд. Я уже видел его. Хамезра была похожа на Мию не больше, чем на Тераэта, но манера поведения была настолько знакомая, что я сразу заметил связь.

– Святые троны! Ты... – я ахнул. – Ты – родственница Мии.

Она моргнула и повернулась ко мне.

– Какая наблюдательность. Да, она – моя внучка.

Ой. Ой.

– Как ты могла? Как ты могла призвать демона и смотреть на то, как он вырывает часть души твоей внучки...

– О нет, я же не капитан Джувал. Я сама поместила ее душу в гаэш. И в этом мне помог он. – Она наклонилась ко мне и постучала по Кандальному камню, висевшему у меня на шее.

Я в ужасе посмотрел на нее.

– Нет, ты не можешь... Этого не может...

– Ты, скорее всего, думал, что эта безделушка – камень цали, если, конечно, мы исходим из предположения о том, что тебе вообще известно о существовании таких камней. Но это не цали. – Она махнула рукой, словно отгоняя дурные мысли. – Есть восемь Краеугольных камней, по два для каждой из древних рас. Все эти камни – особенные, все обладают ужасной силой. Каждый такой камень должен был победить одного из Восьми богов. – Хамезра рассмеялась – холодно и зло. – Хотя бы это у них не получилось, и на том спасибо.

– Не понимаю. Ты хочешь сказать, что с помощью камня я могу создавать гаэши? Но ведь у меня самого есть гаэш!

– И что? Кандальному камню все равно, цела ли твоя душа или разделена на части. Ему важно только то, что она здесь, по эту сторону Второй завесы. Послушай меня, это важно: блестящий камень на твоей груди воплощает собой идею, и эта идея – рабство. Каждый раб, который когда-либо полз на четвереньках, или дрожал от страха, или умер от побоев, подпитывает его – точно так же, как каждая смерть подпитывает Таэну. У тебя на шее мерзость, и она делает мир хуже самим фактом своего существования.

У меня закружилась голова. Столько людей стараются убедить меня в том, чтобы я снял себя этот проклятый камень. В тот момент мне хотелось сорвать с себя ожерелье и швырнуть его в стену каюты. Такого сильного желания я никогда еще не испытывал. Я потянулся к узлу на шее; от страха пальцы едва меня слушались.

– И ты применила его к своей собственной внучке? Я хочу, чтобы его уничтожили. Я разобью его вдребезги. Я разломаю его...

– Милое дитя, уничтожить его так же просто, как и убить бога. Оружия, которое годилось бы для этой задачи, у тебя нет. Кроме того, Кандальный камень тебя защищает – он спас тебя всего несколько минут назад. Пока ты носишь его, твои враги будут верить, что они не в силах тебя убить, что сила камня изменит ход событий так, чтобы умер не ты, а они. Зачем, потвоему, я дала его Мие? А насчет его применения... У меня были свои причины так поступить. Не думай об этом.

Я осекся. Хамезра, конечно, была права. Это ожерелье нельзя отнять силой; его можно отдать только по доброй воле.

Кроме того, она только что отдала мне приказ.

Я заставил себя убрать руку с камня.

– Значит, Релосу Вару нужен Кандальный камень?

Хамезра вздохнула.

– Нет. Вряд ли ему нужна именно эта безделушка. Нет, он хочет уничтожить тебя.

– Но зачем ему меня убивать? Я с ним не знаком, я ничего ему не сделал.

Она улыбнулась мне, словно бабушка – внуку.

– Милое дитя, я не говорила, что он хочет тебя убить.

– Но ты сказала... – Я похолодел. Она, жрица богини смерти, наверняка предельно точно подбирает слова, связанные с убийством.

– Убить тебя – значит совершить грубую ошибку, такую, которая отправит тебя в загробный мир, после чего ты сможешь возродиться или вернуться. – Она хлопнула меня по колену. – Пойми, это была невероятная удача... – Она кивнула. – Да, невероятная удача, что мы вообще узнали про этот аукцион. Один из наших агентов услышал, как про него говорил Релос Вар, и передал нам эти сведения, не понимая, насколько они важны. Однако я не могу взять в толк, откуда Релос Вар узнал, что на аукционе будешь ты.

– Должно быть, ему рассказали о моем похищении. Наверняка половина Куура уже знает, что я пропал. – Я поморщился. – Но как он понял, что меня нужно искать в Кишна-Фарриге, в тюрьме для рабов?.. Если Дарзин знал, где я... – Я помолчал. – Дарзину удалось меня найти. Может, он приказал этому Релосу Вару забрать меня, как только он выяснит, где я нахожусь?

Она заморгала, а затем ужасно и громко расхохоталась.

– Нет.

– Но...

– Возможно, Дарзин – подручный Релоса Вара, но не наоборот. До сих пор ты встречал маленьких людей со скромными амбициями. Но Релос Вар... Релос Вар – это сила, одна из самых главных во всем мире.

– Спасибо за ценные сведения. Теперь я смогу спокойно спать по ночам. – Я сглотнул. – Но почему я?

– Есть одно пророчество...

Я уставился на Хамезру.

Она уставилась на меня.

Я побледнел, отвернулся и напомнил себе о том, что не надо играть в гляделки с верховными жрицами культов смерти.

– Я в пророчества не верю.

– Я тоже. К сожалению, Релос Вар, похоже, относится к ним серьезно, поэтому я должна поступать точно так же. А пока что я хочу обучить тебя, чтобы в следующий раз ты был готов к неприятностям. – Она улыбнулась. – Считай, что я поступаю так ради Мии.

– Нет, спасибо, у меня уже есть... – Я хотел сказать «у меня уже есть богиня», но не смог выговорить эти слова.

Хамезра заметила, что я умолк, и прищурилась.

– Да, Таджа – твоя покровительница. Но в наш орден принимают не только тех, кто поклоняется богине смерти. Мне нужен солдат, а не жрец и не фанатик. Богиня удачи не будет возражать против того, чтобы мы тебя подготовили.

Я закрыл глаза и содрогнулся.

– Мне плевать на то, чего хочет от меня Таджа.

– Глупец, – шепнула она. Почти таким же тоном она говорила и с Релосом Варом.

Мои щеки запылали от прилившей к ним крови.

– Ты не понимаешь, что я пережил...

– Почему все мужчины в твоём роду – тупые и упрямые идиоты?! Если одна из Сестер решила проявить к тебе свое благоволение, думаешь, от него можно отказаться? По-твоему,

можно сказать: «Ох, со мной произошло что-то плохое, пропади она пропадом, эта богиня»? Таджа не бросила тебя, она по-прежнему с тобой. Она защищает и утешает тебя, и, если ты этого не видишь, она не виновата.

Я закатил глаза.

– Именно такие слова я ожидал услышать от жрицы. Тебе легко говорить, у тебя же нет гәша, а на твоей спине нет рубцов и засохшей крови. Она... Она... – Я не мог произнести эти слова, но то, что произошло со мной, все еще причиняло мне боль. Хамезра исцелила мои раны, но мои чувства, моя душа, они все еще горели от лихорадки, они все еще были воспалены. – Она меня предала.

– Ты ошибаешься.

– Флот Куура нашел меня. Я несколько месяцев прятался на палубе для гребцов и молился о том, чтобы надсмотрщики про меня забыли. А потом прибыл флот, он искал меня. И что? Они меня не заметили – хотя это был первый и единственный раз в жизни, когда я не хотел быть невидимым. Капитан смотрел прямо сквозь меня, хотя именно меня он искал, и других светловолосых парней на корабле не было. В ту минуту я понял, что моя богиня не хочет, чтобы меня спасли.

– Нет, конечно. Если бы ты вернулся в Куур, это была бы катастрофа.

– Катастрофа? – переспросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал совершенно бесстрастно.

Хамезра взглянула на меня, прищурилась, и я понял, что попытка не удалась. Она прекрасно понимала, что я в ярости.

– Ты умрешь, если вернешься в Куур.

– Ты не можешь этого знать.

Она удивленно изогнула брови.

– О, дитя мое. Неужели ты так думаешь?

– Да. У меня был план. Он бы сработал. Но вместо этого люди, которых я любил, скорее всего, погибли.

– Кое-кто из них – да. Но если бы ты остался, погибло бы еще больше. Это я знаю гораздо лучше, чем ты.

Я посмотрел на нее.

– А что ты сказал всего пять минут назад? О том, как убедил Джувала не убивать тебя? У мертвецов нет секретов от Бледной Госпожи.

– Да, но Джувалу я солгал. Жрецы Госпожи меня не искали – мой дед перестал быть жрецом Таэны еще до моего рождения.

– С ней разговаривает не только он. – Она помолчала, словно решила сменить тактику. – Я хорошо знакома с Дарзином де Моном – с тем, кого ты зовешь Красавчиком. Знаешь, почему?

Не дожидаясь моего ответа, она продолжила:

– Когда-то он хотел вступить в наш орден, стать частью Черного Братства, найти утешение и забыть о выдуманной боли и несправедливости в объятиях Повелительницы смерти. Она отказала ему, как недостойному жениху, и теперь он постоянно о ней думает, словно недостойный жених, готовый силой взять даму, которая его не любит. Он упивается убийствами; каждое из них он посвящает богине, которой они не нужны. Каждая невинная жизнь – сгнившая роза, брошенная у ворот Таэны. Если бы ты смог осуществить свой великий план, он бы добавил еще один цветок к своему жуткому букету.

– Все равно, ты не можешь этого знать.

– О, я знаю. – Хамезра покачала головой. – Один раз в неделю, а иногда и чаще, твой Красавчик идет в Бархатный город, в «Смятую простыню». Ты вырос в этой части города и, полагаю, знаешь про этот бордель и про его репутацию.

У меня во рту появился вкус пепла.

– Я знаю, чем они торгуют.

– Раз в неделю Красавчик делает особый заказ. Его сложно исполнить, поэтому для этого требуются услуги жреца Калесс: он делает так, чтобы предоставленные юноши были экзотическими – золотоволосыми и голубоглазыми. Такими, как ты. Эффект временный, но иллюзия должна держаться всего нескольких часов. Хочешь узнать, что Красавчик делает со своими красавчиками? Сколько изувеченных цветов он оставил на пороге Госпожи?

Я отвел взгляд.

– Нет. – Но я мог прекрасно себе это представить. Мужеложцев и шлюх из «Смятой простыни» не арендуют, а покупают.

Никто не сдает внаем то, что собираются уничтожить.

Я содрогнулся.

Хамезра встала.

– Пожалуйста, обдумай мои слова. Мы – не враги тебе, а ты отчаянно нуждаешься в друзьях. Рано или поздно тебе придется кому-нибудь довериться.

Она ушла, а я остался сидеть, сжимая в кулаке Кандальный камень. Я подумал о том, какие у меня есть варианты. Узнать о том, что стало с моими настоящими родителями, и о том, жива ли еще Ола, я не мог. Я никак не мог узнать, что стало с теми, кого я любил, и что еще произошло, пока меня в цепях везли в Кишна-Фарригу, и с тех пор, как я оказался во власти Черного Братства. Хамезра говорила про обучение. Возможно, они будут учить меня. А может, и нет.

Больше всего я думал о том, сколько правды в том, что мне сейчас рассказали, и сколько лжи – и есть ли способ их отличить.

10: Демон на улицах города (Рассказ Коготь)

Картины, запахи и виды города нахлынули на Кирина, как только он с отцом вышел из прохлады «Разорванной вуали». Солнце после полудня превратилось в красный огненный шар в летнем небе; оно грело так, что белые каменные улицы Бархатного города превратились в раскаленную печь.

Эти улицы сейчас пустовали. День был слишком жарким для пьяниц и шлюх. Все разумные люди сейчас прятались в той тени, которую удалось найти. По бирюзовому небу плыли тонкие, словно дымка, облачка, но пройдет еще несколько месяцев, прежде чем начнется сезон муссонов, и они взорвутся от ярости. А пока столица томилась в собственном соку.

Сам Кирин наслаждался жарой, однако он предпочитал ходить по городу, когда вокруг было мало народа: ранним утром, еще до зари, или вечером, когда все спали. В первом случае было больше шансов проверить кражу без свидетелей, а во втором Кирину было проще ходить по пустым улицам вместе с Сурдые.

Сурдые молчал, когда они свернули на улицу Бродячих Торговцев, чтобы срезать путь к Переходу Симиллиона²⁹, где находился особняк, в котором жили любовницы Ландрилы.

Кирин понимал, что его отец встревожен, но о причинах мог лишь только гадать. Сурдые очень не любил, когда – как он думал – Кирин проводит время в комнатах «бархатных» девушек. Он всегда напоминал Кирину о том, что девушки находятся в «Разорванной вуали» не по своей воле. После этого он – со значением взглянув в сторону Кирина – заявлял, что настоящий мужчина никогда не воспользуется подобным обстоятельством ради собственного удовольствия.

Сурдые был лицемером. Он не возражал против того, чтобы брать металл у Олы или выступать перед теми, кто пришел в бордель. Но он осуждал каждого клиента, не задумываясь о том, что «бархатным» девушкам и юношам *нужно* заниматься этим ремеслом, чтобы обрести свободу. А Ола была еще хуже: сколько бы она ни говорила о том, что когда-то сама была рабыней, она все равно покупала рабов и продавала их услуги каждому, у кого хватало денег.

А Мягкобрюх удивлялся, почему Кирин хотел оттуда выбраться.

Кирин нахмурился, вспомнив слова отца о том, что Ола балует его, словно принца. Но Кирин знал, что он – не огенра. Он знал, что это невозможно – он не похож на куурца, а значит, и на их правителей. Кроме того, будь он потомком аристократов, то кто-нибудь – друг или враг его королевской семьи – пришел бы его искать.

Но, что самое главное, если Ола хотя бы заподозрила, что он связан с одним из королевских домов, то много лет назад вернула бы его в обмен на награду. Да, она помогла его воспитать; да, она научила его, как обманывать ротозеев; да, она помогла ему присоединиться к Ночным Танцорам и практически заменила ему мать – но он никогда не стал бы недооценивать ее алчность. Главным в жизни Олы Натеры была сама Ола Натера, и забывать об этом было рискованно.

Кирин сожалел о том, что он не огенра. Будь он огенра, он сумел бы помочь Морее.

Мысль о Морее заставила его содрогнуться. Разговор с ней не удался. Кирин собирался быть мягким и обаятельным, но вместо этого набросился на нее с обвинениями, как только ему

²⁹ Полагают, что он назван так потому, что здесь Симиллион убил бога-короля Гаураса. На самом деле, в этом месте люди Двора Самоцветов выставили изуродованный труп убитого ими Первого императора – в назидание всем, кто посмеет бросить им вызов.

показалось, что она преследует низменные цели. Он разозлился на нее, хотя она ему нравилась. Очень нравилась.

А теперь она его возненавидела – и он это заслужил.

Почувствовав, что отец отпустил его руку, Кирин прервал свои раздумья и повернул голову, чтобы выяснить, в чем дело. Может, нашелся достаточно глупый карманник? И вдруг он врезался в стену.

Стена? Посреди улицы Бродячих Торговцев?

Кирин слышал оханье многочисленных потрясенных пешеходов. Его глаза сфокусировались на белой стене, которая внезапно возникла перед ним. Ее каменные блоки скруглились от времени и покрылись пятнами зеленого мха. Кирин уставился на стену, не понимая, как она могла материализоваться посреди улочки. От стены исходил отвратительный запах водорослей, серы и засохшей спермы.

На поверхности одного из блоков пульсировала лиловая вена – там, где в камне образовалась небольшая округлая ниша. Затем по камню пошли волны.

Кирин сделал резкий вздох и поднял взгляд. Он понял, что перед ним не стена, а желудок. *Желудок демона*³⁰.

Демон был огромный, вдвое выше самого Кирина. Вдоль его желудка – а демон, несомненно, был «мужчиной» – тело демона было белым. Его огромные ноги с выступающими мускулами – тошнотворно желто-зеленые, а руки были ярко-красные и блестящие, словно существо только что опустило их в чан с кровью. На лице демона от одного острого уха до другого растянулся ухмыляющийся рот. Глаза были черными впадинами без белков. Носа на лице не было. Волосы существа были длинные, сияюще-белые, однако с алыми концами, словно их тоже окунули в кровь. Толстый лилово-зеленый хвост – как у крокодила, но более длинный и гибкий – подергивался и бил о камни мостовой, словно обладал собственным разумом.

Кирин узнал его.

Это был демон из ограбленного дома казиварца.

– ПАПА, БЕГИ! – Кирин толкнул отца в открытую дверь.

Демон посмотрел на подростка и ухмыльнулся. Его многочисленные зубы были белыми и зазубренными, и они выступали из пасти демона, словно черви, вылезавшие из раны.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, НАРУШИТЕЛЬ ЗАКОНА.

«О, Таджа...» – вполголоса взмолился Кирин. Его руки нащупали рукоятки ножей, хотя он был уверен, что от оружия пользы не будет³¹. Он не сомневался в том, что демона к нему подослал Красавчик и что сейчас он, Кирин, умрет. Тварь была такой огромной, что, казалось, могла бы в один миг откусить ему голову.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ.

Кирин решил, что у него только одна возможность спастись – дать деру. Он показал, что хочет двинуться вправо, метнулся влево и побежал. Ему показалось, что он сумеет оторваться, но затем он почувствовал резкий шлепок по лодыжкам. Кирин посмотрел вниз и увидел, что лилово-зеленый хвост демона обернулся вокруг его ног и уже поднимает его в воздух.

Кирин сделал то же самое, что и любой человек, которого посреди улицы схватил кровавый демон: заорал во все горло.

³⁰ Возможно, что и нет. Демоны – не природные существа, хотя и могут временно принимать формы физических объектов. Поэтому демоны, как таковые, не относятся ни к одному из полов, но иногда принимают облик существа того пола, который, по их мнению, принесет им больше пользы.

³¹ † Мы, естественно, мало что знаем о демонах, и несмотря на огромное количество исследований, в накопленных нами сведениях о них имеются огромные пробелы. Основным источником знаний для начинающих, конечно, является «Малый ключ Гризта», хотя я считаю, что и «Холодное вторжение» Килла Ворнигела предлагает превосходную точку зрения на этих чудовищ и их способы взаимодействия с физическим миром.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, ПРИНЦ МЕЧЕЙ.

– Отпусти меня! Отпусти! ТВОЮ МАТЬ! Отпусти! – Кирин попытался порезать хвост ножом, но, как он и подозревал, с тем же успехом он мог долбить камень шелковым носовым платком.

Демон поднял Кирина, словно котенка за шкурку. При этом Кирин оказался рядом с лицом демона и слишком близко к его огромной пасти. У демона был такой вид, словно сейчас он собирается бросить в рот виноградину.

Как только Кирин решил, что ничего не потеряет, ткнув демона ножом в глаз, тот схватил его за руки и вытянул их в стороны. Теперь Кирин стал совершенно незащищенным.

Демон рассмеялся – и этот звук Кирин потом еще несколько месяцев слышал в кошмарах. Кирин заглянул в пасть чудовища и увидел, что она не пустая: в ней извивался красный язык и ползали белые черви. Смрад не поддавался описанию: это была смесь запахов крови, требухи и сгнивших выделений из половых органов. Кирин с трудом сдержал рвотные позывы. Демон схватил Кирина за ноги и потряс.

Камень-цали выскользнул из-под накидки Кирина и ударил его в челюсть. Камень казался холодным.

ДОЛГО Я ИСКАЛ ЛЬВА, А ТЕПЕРЬ НАШЕЛ ЯСТРЕБА.

Демон поднес Кирина еще ближе к своей пасти, и юноша закрыл глаза и напрягся, ожидая, что сейчас умрет.

Некоторые утверждают, что вместо этого произошло нечто более ужасное – или, по крайней мере, более долговременное.

Кирин почувствовал, как язык демона скользнул по его лицу, коснулся щеки, синего камня. В разум Кирина потекли чужие мысли.

Я ПРЕДЛАГАЮ ЭТО ТЕБЕ, МОЙ КОРОЛЬ. НЕМНОГО УЖАСА, ЧТОБЫ У ТЕБЯ РАЗЫГРАЛСЯ АППЕТИТ ПЕРЕД ПИРШЕСТВОМ СТРАДАНИЙ³².

Образы в его сознании стали более четкими: Кирин увидел себя вместе с Мышью, своей прежней учительницей, вместе с Мореей, а также девушками и юношами из бархатного дома «Разорванная Вуаль». Кирин видел, как делает с ними ужасные вещи – без их согласия. Демон показывал Кирину картины, на которых он, Кирин, представал жестоким садистом, чудовищем, демоном в человеческом обличье, который наслаждается чужой болью и ужасом. Он питался ими, словно крокодилы, которые пожирают все, кому хватило глупости подойти к реке. Демон погрузился в сознание Кирина и извлек наружу воспоминания обо всех, кого тот знал и любил. А затем Кирин стал рвать их в клочья, убивать, пытать и насиловать. Даже для мальчика, выросшего в Бархатном городе, все еще существовали грехи, о которых он не знал, которых он и представить себе не мог. Демон вбивал в голову мальчика одну жестокость за другой, пока тот не увидел их все.

Кирин орал не переставая.

Он понятия не имел о том, сколько провисел так. Казалось, что эта грязная, отвратительная оргия никогда не закончится.

В любом случае, она длилась слишком долго.

Когда Кирин сорвал себе голос и зарыдал, давление на его разум исчезло, и он услышал, что к нему кто-то бежит. Он огляделся. В его душе теперь боролись страх и облегчение: он увидел, что к ним спешат дозорные с мечами в руках.

³² Сравните со следующим пророчеством, упомянутым в «Изучении случаев демонического вселения в Кууре»: «Привет тебе, Нарушитель закона, Похититель душ, Принц мечей. Долго будем мы искать льва, пока наконец не найдем ястреба, нашего короля, который освободит нас от погибели, и тогда наши души сбросят с себя оковы страданий».

Демон закинул голову назад и заревел. Это был рык льва, которому вторил вопль тысячи кошек. Демон отпустил руки Кирина, и тот повис вниз головой на его хвосте. Затем демон подобрал арфу Сурдые.

– Нет! – крикнул Кирин хриплым, сорванным голосом, который был едва громче шепота.

Ухмыльнувшись, демон замахнулся арфой – с чехлом и всем прочим – на первого дозорного, который оказался в пределах досягаемости. Арфа не вышибла солдату мозги; голова дозорного прошла сквозь ткань чехла и струны, и ее корпус прижал ему руки к телу. Если бы в то мгновение демон отпустил арфу, человек бы еще пять минут пытался высвободиться. Но демон гладким, стремительным движением подтянул сопротивляющегося человека поближе и открыл пасть еще шире.

Кирин содрогнулся и отвел взгляд, когда демон откусил человеку голову с той же легкостью, с какой Кирин мог бы откусить кусочек манго. Мертвый солдат упал на мостовую, а его кровь брызнула на Кирина.

– Ксалторат. Твое присутствие здесь нежелательно, – громко сказал кто-то.

Кирин подумал, что это крайне неуместное заявление, не содержащее ничего, кроме очевидных фактов. Он повернул голову, чтобы увидеть того, кто умрет следующим.

Кирин висел вверх ногами, и поэтому картинка у него перед глазами была искажена, но ему показалось, что перед ним – не один из дозорных. Вновь прибывший был лет сорока с лишним, и в его волосах и бороде пробивалась седина. Огромный, словно медведь, широкоплечий и мускулистый, он, похоже, был не очень-то рад увидеть демона на улицах города.

И не он один.

Кирин никогда не слушал внимательно рассказы Сурдые о званиях военных в армии Куура, однако видел, что этот человек облачен в доспехи. Металлическая кираса на нем поблескивала и вспыхивала в оранжевых солнечных лучах. За ним застыл целый легион стражников и солдат: воины, похоже, были совсем не против пропустить вновь прибывшего вперед.

Ксалторат зарычал и повернулся к мужчине. Кирин тем временем болтался у него на хвосте, словно фонарь в сезон муссонов.

ДЕРЗКИЙ СМЕРТНЫЙ, ТЫ ПОСМЕЛ ОСПАРИВАТЬ МОИ ПРАВА? Я КСАЛТОРАТ, Я – ЯРОСТЬ БИТВЫ, ГРЕХ ВОЖДЕЛЕНИЯ. Я – СТОН, КОТОРЫЙ СРЫВАЕТСЯ С ГУБ ПРОКЛЯТЫХ.

«Голос», который звучал в голове Кирина, усилился, превратился в какофонический вой. Демон рос, и его голос становился все более угрожающим³³. Свежая кровь потекла у чудовища изо рта, окрашивая в алый его белое тело.

– Ага, продолжай. – Солдат бросил взгляд на Кирина, нахмурился и снова обратил все свое внимание на демона.

Неожиданно гнев демона унялся, хотя его ухмылка стала еще более жуткой.

Я ТЕБЯ ЗНАЮ.

– Да, – согласился солдат. – Мы уже встречались. Тогда ты прятался за ребенком. Сейчас ты тоже так сделаешь?

ЭТОТ МАЛЬЧИШКА НИЧЕГО ДЛЯ ТЕБЯ НЕ ЗНАЧИТ, А ВОТ ОНА БЫЛА ДЛЯ ТЕБЯ ВСЕМ. – Демон усмехнулся. – ЕЕ ВОПЛИ ЗВУЧАЛИ, СЛОВНО МУЗЫКА.

³³ Обычно демоны не ограничены единственной физической формой, хотя они и не похожи на мимиков вроде Коготь, которые меняют свой облик с пугающей безнаказанностью. Однако как только демон входит в физический мир, он, похоже, сохраняет свою форму все время, пока остается в нем. Форма демона может быть выбрана волшебником, который призвал его; волшебник может потребовать, чтобы демон появился только «в благопристойной и красивой форме» или выглядел «отвратительным и ужасным для врагов». Например, «Малый ключ Гризта» рекомендует выбирать форму, которую демон считает неприятной для себя, – это один из способов определить, действительно ли демон находится во власти мага. (Лично я не очень в это верю: демон вполне способен провести несколько часов в облике милого щеночка – если позднее у него появится возможность порвать на части того, кто его призвал.)

Солдат стиснул рукоять меча так, что костяшки его пальцев побелели, однако голос его остался спокойным.

– Почему ты выбрал его? Надоело убивать маленьких девочек?

ЕГО УЖАС ТАКОЙ ЖЕ МЕДОВО-СЛАДКИЙ, КАК И БЕДРА ТВОЕЙ ДОЧЕРИ.

Лицо солдата задергалось от тика. Не отрывая глаз от демона, он начал обходить его по кругу.

– Тебя освободили из тюрьмы не для того, чтобы ты нападал на мальчиков. Зачем ты пришел сюда, Ксалторат?

На лице демона появилось задумчивое выражение, словно он вспоминал былое вместе с другом, с которым встретился после долгой разлуки.

Я ЗДЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗДЕСЬ. Я ЗДЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО ДРЕВНИЕ УЗЫ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ ВЕСЬ МОЙ РОД, ЕЩЕ НЕ РАЗРУШЕНЫ. Я ОСТАНУСЬ ЗДЕСЬ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ВЫ, ГЛУПЦЫ, ПРОДОЛЖАЕТЕ МЕНЯ ПРИЗЫВАТЬ, ДО ТОГО САМОГО ДНЯ, КОГДА ВСЕ КЛЯТВЫ БУДУТ НАРУШЕНЫ, ДО ТОГО ДНЯ, КОГДА ВСЕ ДУШИ ОБРЕТУТ СВОБОДУ. – Он улыбнулся. – **ЖДАТЬ УЖЕ НЕМНОГО ОСТАЛОСЬ.**

– И какой глупец призвал тебя на этот раз?

НУ КАК ЖЕ, ЭТО... – Демон остановился. – ПОЧЕМУ ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ, А НЕ СРАЖАЕШЬСЯ?

– С меня довольно того, что разговариваешь ты. Тебе это доставляет больше удовольствия.

ТЫ ХОЧЕШЬ ОТВЛЕЧЬ МОЕ ВНИМАНИЕ!

– Нет, гнилое нутро, я хочу задержать тебя. – С этими словами солдат подошел ближе. Меч в его руках превратился в сияющую полоску из отраженного солнечного света.

Ксалторат ухмыльнулся и отвел назад свои лапы с длинными когтями, готовясь атаковать, – и вдруг завопил: Кирин всадил свой кинжал в левый глаз демона по самую рукоять.

Остаток боя Кирин пропустил. Ксалторат дернул хвостом и отбросил Кирина в сторону, словно сломанную куклу, и тот врезался головой в стену магазина.

После этого все было как в тумане.

Он слышал рык Ксалтората, лязг оружия, крики людей и чей-то чистый тенор, негромко произносящий заклинание, но все эти звуки доносились до него, словно откуда-то издалека.

Дрожа, Кирин поднялся на ноги. Перед глазами у него все расплывалось. Волосы были мокрыми и липкими. Лицо заливала его же собственная кровь. Он ощутил жжение: сапфир, висевший у него на шее, обжигал.

Кирин понимал (но как-то отстраненно, словно эта проблема его не касалась), что ранен – и, возможно, скоро умрет. Ему хотелось уснуть. С другой стороны, его тошнило. Но главным чувством был раскаленный добела гнев, который до сегодняшнего дня Кирин испытал только один раз в жизни. Желание отомстить было настолько сильным, что подавило все инстинкты. Этот гнев дал ему силы встать и, ковыляя, вернуться на перекресток, где на него напали.

Солдат все еще стоял там, вместе с огромным количеством стражников, а также еще одним человеком в заплатанном коричневом плаще-салли. Последний выглядел здесь таким же чужаком, как и вор из банды Ночных Танцоров на вечеринке дозорных. Кирин понятия не имел, кто это, но так как это был не демон и не стражник, то Кирин решил не обращать на него внимания до тех пор, пока тот не докажет свою значимость.

Демона нигде не было видно, от него остались только полосы красного света и вонь нечистот.

– Как тебе удалось прибыть сюда так быстро? – спросил огромный солдат с мечом у человека в заплатанном плаще. – Я же только что послал за тобой.

– Таджа улыбнулась нам. Один из моих агентов известил меня... Клянусь Тиа! Юноша, у тебя все хорошо? – Человек в плаще повернулся к Кирину.

Кирин пропустил его слова мимо ушей. Дурацкий вопрос. У него больше никогда не будет все хорошо. Моргая, он посмотрел на человека в плаще. Это был темноглазый юноша лет двадцати с небольшим, заурядной внешности, хотя каштанового цвета кожа и высокие скулы – характерные черты маракорца – добавляли ему экзотики. Непослушные, торчавшие во все стороны черные волосы удерживал на месте простой латунный обруч на лбу. Кирин задумался о том, не принадлежит ли этот человек к гильдии Гуляк и много ли у него работы, раз он в таком плаще. Он больше походил на землеша, чем на артиста. Кирин решил, что он, скорее всего, чей-то слуга или оруженосец.

– Он умер? – спросил Кирин и стиснул зубы, стараясь стоять прямо.

– Корен, лови его, он сейчас упадет, – сказал тот, что поменьше.

Солдат потянулся к нему, положил руку ему на плечо. Кирин вырвался, одновременно гоня прочь одно из самых ужасных воспоминаний.

– Не трогай меня!

Солдат убрал меч в ножны и поднял руки вверх – вероятно, полагая, что так выглядит неопасным.

– Сынок, успокойся...

– Не называй меня «сынком»! – прошипел Кирин. – Он умер?

Двое мужчин удивленно заморгали. Солдат оглянулся на кровавое месиво, которое когда-то было одним из стражников, на сломанную арфу, насаженную на тело.

– О да.

– Корен, он про демона, – поправил его невысокий. Он прищурясь смотрел на Кирина, словно тот напомнил ему какого-то смутно знакомого ему человека. – Ксалторат не умер, нет. Но ты помог отправить его обратно в ад на какое-то время.

Солдат шагнул вперед, но на этот раз не стал прикасаться к Кирину.

– Нам нужно знать, что Ксалторат сказал тебе, юноша. Каждая подробность, каждое слово может иметь огромное значение. Сколько ты запомнил? Что ему было нужно? Почему он тебя пощадил?

– Он сломал мой кинжал. – Кирин увидел его – он лежал на мостовой, изогнутый и перекрученный, словно кто-то бросил его в огонь кузницы, да так и оставил. *Сломал мой кинжал. Мне жизнь сломал.* Рифма вызвала у Кирина смех, но потом он умолк. Какая глупость: сейчас он мог думать только о том, как разозлится Ландрил Аттулима, когда они не придут на запланированный концерт.

Солдату было не так весело.

– Аргас, возьми свой нож! Ты хоть представляешь себе, сколько людей погибнет, если еще один недоумок-заклинатель решит устроить Адский марш? Когда из преисподней вырываются принцы демонов, они не просто устраивают вечеринку. Они призывают других демонов! Отвечай на вопросы, парень. – Солдат протянул руку к Кирину, но в последнюю секунду остановился.

Кирин все равно дернулся и упрямо стиснул зубы. Внутри у него что-то сломалось, исчезло благоразумие, которое помешало бы ему сказать какую-нибудь глупость человеку, который мог одним лишь щелчком пальцев бросить его в тюрьму. Кирин выпрямился, следя за тем, чтобы не крениться, не дрожать и не блевать – хотя все эти желания, казалось, подстергали его, сидя в засаде.

– Это чудовище разбило арфу моего отца. Как мы теперь сможем зарабатывать на хлеб? Для тебя это пустяк, но для меня это очень много значит³⁴.

³⁴ Интересно, забыл ли Кирин о том, что скопил крупную сумму денег, или настолько вошел в роль ученика музыканта? Полагаю, первое: легче всего удержаться и не растратить деньги – это забыть о том, что они у тебя есть.

– Генерал, подожди. – Человек в заплатах знаком остановил его и повернулся к Кирину. – Это арфа твоего отца? Ты – сын Сурдые?

Кирину хотелось кричать и дальше, но негромкий вопрос подрезал струны его гнева.

– Откуда ты знаешь... – Он моргнул. – Ты знаком с моим отцом?

– Да. – Во взгляде человека теплые воспоминания боролись со старой болью. – Когда-то мы с ним дружили. – С непроницаемым выражением лица он оглядел Кирина.

– погоди! Мой отец! Где он? Он же был вот здесь... – Кирин не видел Сурдые с тех пор, как толкнул его в дверной проем. Кирин представил себе, как его отец сидит в какой-нибудь нише и его кровь течет в канаву, но никто не обращает на него внимания. Он повернулся к солдату – нет, к генералу. Похоже, только он и мог сейчас ему помочь.

– Вы должны его найти. Он слепой. Он не мог далеко уйти.

Генерал недружелюбно посмотрел на него. Взгляд у него был жесткий, словно друссиан. Затем он щелкнул пальцами и сделал знак одному из стоящих рядом солдат.

– Капитан Джарит, прикажи своим людям обыскать окрестности. Пусть ищут слепого по имени Сурдые. Возможно, он прячется. Мы должны отвести его обратно к сыну.

Юный солдат отсалютовал.

– Да, генерал. Будет исполнено.

– Спасибо, – сказал Кирин. – Спасибо. – Он закрыл глаза от облегчения.

Однако это была ошибка. Гнев, который не давал ему потерять сознание, отступил. Мир накренился, и Кирина окутал мрак.

– Скорее... – услышал он слова генерала.

Возможно, Кирин обратил бы больше внимания на то, что произошло дальше, но он был слишком занят тем, что падал в обморок.

11: Надвигающийся шторм (Рассказ Кирина)

В конце концов я вышел на палубу. Остаться в каюте – все равно что сидеть в деревянном ящике: в теории пассажирская каюта на борту «Страдания» вмещала в себя четырех человек, но на самом деле она была меньше уборной.

Мне очень хотелось найти того, кто придумал эту «теорию», и побить его головой о поручень.

«Страдание» – неповоротливый, построенный в Жериасе корабль, перевозил рабов из Кишна-Фарриги и Жериаса в Куур, где добропорядочные граждане империи покупали их для самых разных неблагоприятных целей. Корабль обладал обычным числом мачт и парусов, а в его глубинах находилась палуба с рабами-гребцами, которые помогали ускорить путь в безветренную погоду или маневрировать в гавани. Я узнал о палубе для гребцов на «Страдании» гораздо больше, чем хотелось бы, и даже сейчас мне было неприятно вспоминать о ней.

С помощью толстых железных решеток трюмы для рабов были разделены на промежуточные палубы, или твиндеки. В этих трюмах обитало большинство рабов. Потолки у них были настолько низкими, что даже невысокая женщина не смогла бы стоять там выпрямившись. По сравнению с твиндеками наша каюта казалась верхом роскоши.

Когда «Страдание» привез меня в Кишна-Фарригу, на грузовой палубе не было ничего, кроме товаров (маридонский чай, сахар, бочки с сасабимским бренди, горшки из Эамитона), но не теперь. Капитан Джувал задержался в порту лишь для того, чтобы выгрузить товары и принять на борт новую партию жертв. Вероятно, он собирался купить еще рабов в Жериасе³⁵, прежде чем отправиться по морю Галла в Куур. Я задумался о том, сколько раз он уже прошел этим маршрутом, сколько он купил и продал.

Я испытывал извращенное удовольствие, располагаясь там, где капитан мог меня видеть. Когда я смотрел, как его взгляд скользит мимо меня, возникавшее во мне время от времени желание воткнуть кинжал ему в хребет ослабевало. Джувал тоже был в скверном настроении; он рычал и ругался на каждого члена команды, который оказывался поблизости.

Возможно, до него дошла новость о том, за какую цену меня продали. Он так спешил избавиться от меня, что взял фиксированную плату вместо того, чтобы задержаться в Кишна-Фарриге и получить свою долю выручки. Джувал не знал, что ему еще повезло.

Тераэт сидел на одной из решеток, закрывавших трюмы для рабов, и смотрел куда-то вниз, обхватив пальцами железные прутья. Моряки обходили его стороной.

Меня это не удивляло. Может, он и походил на куурца, и говорил, как куурец, но даже иллюзия не могла скрыть его злобу.

Тераэт заметил мой взгляд.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Он поманил меня к себе.

Заглядывать в трюм я не стал.

– Извини за то, что я назвал тебя работником. Хамезра мне кое-что объяснила, и...

– Смотри. – Он указал на то, что находилось за решеткой.

Я не почувствовал никакого желания выполнить его приказ – и вспомнил, что мой гаэш сейчас находится у его матери.

– Спасибо, я знаю, как выглядят рабы. Я просто хотел сказать...

³⁵ Сто двадцать пять лет назад Шогу, король Жериаса, попытался запретить работоторговлю, одно из главных занятий жериасцев (наряду с пиратством и обычной торговлей). Издав этот указ, он прожил менее пяти дней, после чего Синка, его старший сын, немедленно разрешил ее снова.

– Проклятье! Смотри! – Он вцепился в полу моей накидки и заставил меня присесть рядом с ним. – Вот кто ты.

Я попытался разжать его пальцы.

– Можешь не напоминать мне о том, что я раб.

– Думаешь, я о том, что ты раб? – Он резко хохотнул. – Вот им плевать на то, что ты раб. Посмотри на них. Посмотри как следует. Видишь их – мужчин, женщин, детей? Кто-то из них не доживет до конца поездки. Женщины станут наложницами – рано и не по своей воле. Они родом из десятка стран, некоторые – из таких маленьких деревень, что они не знают, что у них есть «страна». Большинство из них не говорит ни на гуаремском, ни на любом другом известном тебе языке. Каждый из них с радостью отдал бы свою душу, лишь бы оказаться на твоём месте – лишь бы стать настолько ценным, чтобы его не бросили в камеру, словно кусок тухлого мяса. Но нет, вместо этого они умрут от голода, или от болезней, или от того, что в шторм в трюме не хватит воздуха. Посмотри на них. В их глазах нет надежды. У них даже нет сил, чтобы плакать или спросить о том, почему с ними так обращаются. Они могут лишь шептать один вопрос – словно безумец, который снова и снова выкрикивает одну и ту же фразу, а потом его голос становится все тише, пока не наступит тишина...

Я подавил рыдания и вырвал край одежды из его руки.

– Мне... не нужно...

– Ты куурец. Это твое наследие. Это – твой дар миру: корабли, которые идут по морю один за другим, чтобы твой народ мог удовлетворить свою похоть и жестокость, чтобы утолить вашу жажду к завоеваниям. Не смей отводить взгляд от того, что принадлежит тебе по праву рождения. Вот что создал волшебник Гризт, когда связал чарами демонов. Вот что принес в мир твой император Симиллион, когда завладел короной и скипетром. Атрин Кандор погиб, спасая именно этот образ жизни.

Я оцепенело сел на решетку.

– Скольких рабов ты знаешь? Сколько раз ты считал, что они – само собой разумеющийся, неизменный аспект жизни Куура? – Тераэт сел на пятки и прижал пальцы к решетке, чтобы сохранить равновесие. – Ты спрашивал, кто мы, а я скажу тебе, кем мы не являемся. Мы – не те, кто делает вот так.

Я надолго умолк.

– Это не значит, что ты поступаешь правильно, – наконец шепнул я.

– Да, но, если я у кого-то отнимаю жизнь, я дарю ее другим. На встречу с Таэной в загробном мире я отправлюсь с высоко поднятой головой, и моя совесть будет чиста.

– Я не в силах освободить этих людей.

– Ты в это веришь, это правда, но не заблуждайся – это правда *только* потому, что ты в это веришь.

Я посмотрел на море. Чайки следовали за нами от самой Кишна-Фарриги. Они будут лететь за нами еще несколько миль, прежде чем решат, что мы недостаточно быстро бросаем им объедки. Я вдохнул запах соленого воздуха, услышал, как стонет натянутая оснастка. Если прислушаться, то можно было различить тихий плач. Сейчас на корабле пахло только соленым деревом и смолой. Страшные запахи появятся позже.

Наставление о свободе мне читал убийца, которому я принадлежу. Какая ирония.

– Джувал порол тебя кошкой-девятихвосткой? – спросил Тераэт после долгой паузы.

– У него возникли вопросы ко мне. Когда я не ответил на них, он сильно разозлился.

– Хочешь, я его убью?

Я искоса посмотрел на ванэ.

– А тебе не кажется, что это немного замедлит наше движение к Жериасу?

– Его первый помощник, похоже, достаточно толковый.

Эта мысль заставила меня содрогнуться. Если бы сейчас у меня были кошмары, в них мне бы являлся первый помощник Делон.

– Делон еще хуже, чем Джувал. Гораздо хуже.

Тераэт внимательно посмотрел на меня, стиснул зубы, а затем отвернулся.

– Я это запомню.

– Кроме того, Тьенцо сочтет это личным оскорблением, если ты начнешь убивать ее команду. А она способна осложнить жизнь даже тебе.

– Тьенцо?

– Погодная ведьма. Помнишь, ты хотел узнать, есть ли она на корабле? Ответ – «да». Твердая, словно друссиан. Это она сделала мой газш. Я ее пока не видел, но она где-то здесь. Она почти всегда в одиночестве, словно отшельница, только вместо пещеры у нее – корабль.

Тераэт улыбнулся и стал похож на тигра, вынюхивающего добычу.

– Если моя мать может справиться с Релосом Варом, вряд ли у нас возникнут сложности с какой-то заурядной ведьмой. – Он сжал и разжал пальцы, вцепившиеся в прутья решетки. – Покажи мне корабль, – сказал он после паузы. – Я хочу знать план палубы на тот случай, если что-то произойдет.

– Зачем? Думаешь, что-то случится?

– Я думаю, что Релос Вар слишком легко от тебя отказался. – Тераэт повернулся и посмотрел на воду. – А это совсем на него не похоже.

– Значит, он предпримет еще одну попытку? – спросил я и сразу же об этом пожалел. В душе я уже понимал, что Тераэт прав. Релос Вар еще не вышел из игры.

Тераэт пожевал кончик пальца.

– Сначала ему придется выяснять, где мы. Моя мать укрывает нас обоих от прорицателей, а ты всегда был защищен от попыток обнаружить тебя с помощью магии. Никто не следит за тобой с помощью колдовства.

Я нахмурился.

– Так уже делали.

– Но это было нелегко.

– Для этого пришлось призвать принца демонов, так что да – все должно быть в порядке. Если только Вар этим не увлекается.

– Иногда он этим занимался. – Внезапно Тераэт показался мне обеспокоенным.

Его слова меня встревожили. Если начнутся неприятности, то я совсем не хочу оказаться на невольничьем корабле, в тысяче миль от берега.

Тадже было угодно, чтобы неприятности застали нас именно здесь.

12: По ту сторону завесы (Рассказ Коготь)

Морея взяла со столика кувшин, налила из него воды в стакан, прополоскала ею рот и выплюнула. Затем повторила все это еще и еще раз, пока не избавилась от резкого вкуса во рту.

Маленькая комната была почти пустой – если не считать гобеленов, непристойных скульптур, мозаик с изображением Калесс и блюд с подношениями от ее любовников. В комнате стояла кровать, столик и платяной шкаф. На столике – кувшин, керамические кружки и таз. В шкафу – немного одежды, которую дала ей госпожа Ола.

На кровати лежал пьяный торговец, которого звали... как-то звали. Халлит? Морея не помнила. Он так напился, что уже практически ни на что не был годен. От запаха перегара по ее телу побежали мурашки. Она поворковала над ним, приласкала его и молила богов о том, чтобы он удовлетворился тем, что ему отсосут.

К счастью, ему этого оказалось достаточно.

Для Мореи было тяжело оказаться в подобном месте. Она знала, что ей выпал не худший жребий, однако она еще помнила то время, когда комната такого размера не подошла бы ей даже в качестве уборной. Барон Матарис не был симпатичным, очаровательным и даже молодым, однако денег у него хватало, и к рабам он относился по-доброму, и поэтому о нем у нее остались теплые воспоминания. Хотя она и ее сестра не были счастливы в его доме, но их там, по крайней мере, баловали, а мужчины и женщины, с которыми барон Матарис ими делился, мылись каждый день.

В отличие от некоторых. Морея бросила взгляд на своего клиента, который уже храпел.

Мадам Ола сказала, что в те дни, когда Морея не танцует, она может заработать два-три трона в качестве чаевых. Госпожа Ола разрешала своим людям оставлять чаевые себе, хотя и не обязана была это делать. Это означало, что если Морея будет откладывать каждый трон, каждый шанс, каждый кубок, то, возможно, расплатится с хозяйкой через пять лет.

Пять лет такой жизни. Пять лет принимать у себя всех подряд, лежать на подстилке под рычащими, дергающимися пьяными матросами, рудокопами, торговцами и всеми остальными, кто заплатил Оле Натере достаточное количество денег.

Морею утешала только мысль о том, что все это может закончиться. Ола давала возможность выкупиться на свободу. Барон Матарис никогда так не делал.

Сама Ола была для Мореи загадкой. О происхождении этой женщины ходил десяток легенд, в которых, возможно, не было ни единого слова правды. В отличие от многих жериасцев, покинувших свой родной остров, Ола не носила вуаль, и поэтому все могли видеть, что когда-то она была невероятно красива. Ее кожа цвета полуночи, ее глаза – глубины океана, а свои мягкие курчавые волосы она элегантно завязывала в узлы. Да, она – настоящая красавица, по крайней мере, была бы, если бы время и любовь к сладостям не придали ей определенную округлость.

Морея совсем недавно оказалась в «Разорванной вуали», но уже услышала дюжину историй о госпоже Оле. О том, что Ола Натера – принцесса из Жериаса, сбежавшая от нелюбимого жениха. О том, что Ола на самом деле – знаменитая ведьма, которую изгнали из страны за то, что она околдовала короля. Морее больше всего нравилась история о том, что когда-то Ола сама была рабыней и разбогатела и обрела свободу за одну ночь, которую она, сама того не подозревая, провела с императором. Он был так очарован ее красотой, что подарил ей ожерелье с невероятно редкими алмазами – «слезами звезд». Это сокровище позволило Оле обрести свободу и купить бархатный дом «Разорванная вуаль», после чего она уже ни разу не спала с мужчинами.

Насчет ожерелья и императора Морей не была уверена, но точно знала, что последняя часть истории – правда. Ола смотрела на нее точно так же, как и большинство мужчин. А из разговоров Морей выяснила, что когда Ола спит с кем-то из своих рабов, то она приглашает в свою спальню не мальчиков.

Халит? Харит? Халис? Неважно. Он захрапел, перевернулся на другой бок и накрыл голову рукой, словно кот. По его бороде потекла слюна. Он был первым ее клиентом в этот день. Пришел ли он сюда ради секса – или просто чтобы укрыться от жары? Морей еще немного понаблюдала за ним, после чего решила, что отчаянно нуждается в свежем воздухе.

Она выбралась из своей комнатки во двор. Солнце набросилось на нее, словно дикий зверь, словно чудовище, которое нападает на всех на своем пути. В центр двора ветерок почти не залетал, так что здесь можно было жарить мясо, словно на огне. Небо успокаивающего сине-зеленого цвета издевательски вибрировало в красно-оранжевых лучах солнца.

Черный ход в клуб, предназначенный для слуг, распахнулся, и Морей услышала сердитый голос старого музыканта Сурдые:

– Осторожно! Осторожно! Не споткнись о третью ступеньку.

– Папа, все хорошо.

Увидев эту пару, Морей ахнула. Какой-то солдат поддерживал Кирина, а еще двое вели слепого арфиста. Что бы ни говорил юноша, он совсем не выглядел так, словно у него все хорошо. Его черные волосы слиплись от засохшей на них крови, превратившись в безобразные лохмы. Его плащ-салли покрывали алые разводы. Другие отвратительного вида пятна усиливали ощущение того, что этот человек получил серьезные травмы. Его отец, похоже, не пострадал, однако на его лице явственно читались гнев, разочарование и тревога.

Морей бросилась за госпожой Олой, а когда они вернулись, то увидели двух солдат, которые стояли по стойке «смирно». Третий – тот, кто помогал Кирину, разговаривал со слепым музыкантом.

– Я же сказал, – отрезал Сурдые. – Спасибо за помощь, но мы сами справимся. Милостыня нам не нужна.

– Папа, ты хамишь.

Красивый солдат, высокий и темноволосый, улыбнулся, словно гнев старика казался ему восхитительным. Он начал что-то говорить.

– Ясноглазый!.. – Госпожа Ола бегом пересекла дворик, обняла Кирина и крепко прижала его к себе. – Мой малыш!

– М-м-м, м-м-м м-м-м-м, – ответил Кирин – грудь Олы заглушила его голос. Он попытался вырваться из объятий.

Ола отстранилась, но положила руки ему на плечи, словно пытаясь защитить.

– Что вы сделали с моим ангелом?! – воскликнула она.

Солдат развел руками, демонстрируя беспомощную невинность.

– Это не я, госпожа. Ваш... э-э... ангел... нарвался на демона.

Ола заморгала, затем посмотрела на Кирина.

– Это Харис? Он подстроил какую-то...

– Нет, Ола, – сказал Сурдые. – Это не метафора. Демон был настоящий.

– Что?

Старик покачал головой.

– Ола, этот проклятый монстр подстерег нас посреди улицы. Никогда не слышал ни о чем подобном. Если бы я не почуял запах этой твари, то врезался бы в нее! Говорят, он убил стражника, так что нам-то еще повезло.

Во взгляде, который Кирин бросил на Сурдые, было столько яда, что Морей вздрогнула.

– Один из нас действительно в него врезался.

– По крайней мере, он тебя не убил, – сварливо ответил Сурдые.

– Да уж, сделал одолжение. – Кирин покачал головой, и по его телу побежала дрожь. Он показал на стражника. – Госпожа Ола, это капитан Джарит.

Джарит поцеловал руку Оле, хитроумно улыбаясь. Ему, казалось, было лет девятнадцать-двадцать – он был слишком молод для капитана.

– Я так рад с вами познакомиться, госпожа Натера. Отец много рассказывал мне о вас. Улыбка на лице Олы Натеры застыла.

– Вот как? – настороженно спросила Ола.

Капитан заулыбался еще сильнее.

– Ну да. Он говорил, что вы – самая прекрасная куртизанка из тех, что когда-либо бывали в Верхнем круге, что тысяча мужчин выстраивалась в очередь просто ради того, чтобы вы обратили на них внимание. – Он подмигнул хозяйке борделя. – Разумеется, он никогда так не говорит в присутствии матушки.

Ола громко, от души рассмеялась.

– О, эти радостные дни юности! Заходите как-нибудь, я приготовлю для вас особенную девушку. – Она повернулась, увидела, что Морея все еще здесь, и поманила ее. – Вот эта прибыла совсем недавно и вполне очаровательна, да?

Капитан улыбнулся и пожал плечами.

– Прошу прощения, госпожа Натера...

– Ола. Зовите меня Ола, красавчик.

Он ухмыльнулся.

– Ну, значит, Ола. Не обижайтесь, но женщины, которых я предпочитаю, обычно не оказываются в борделе. – Тем не менее он скользнул взглядом по фигуре Морей. – Но ты очаровательна. Обращаться с мечом ты, наверно, не умеешь, да? – Он обращался к ней напрямую и неподобающим образом. Наверняка он знал, что нарушает правила этикета, но понимал, что Ола не посмеет его одернуть.

Морея сглотнула и покачала головой.

Капитан вздохнул.

– Жаль. – Он отряхнулся и повернулся к Кирину, чей восхищенный и благодарный взгляд вдруг наполнился яростью. – Приглашение остается в силе. Если тебе это интересно, приходи в дом Красного меча, когда пробьет восемь. Он в Рубиновом квартале, через две улицы от Великой Кузницы. Я дам знать дозорным.

– Не ждите его, – прорычал Сурдьё.

– Я приду, – пообещал Кирин, сердито глядя на отца.

– Что происходит? – спросила Ола.

– Меня ждет служба, – извиняющимся тоном сказал капитан Джарит. – Мне было очень приятно познакомиться с вами, Ола, Сурдьё и Кирин. – Он наклонил голову в сторону Кирина. – Ты здорово показал себя. Если ищешь работу, то нам всегда нужны солдаты с такими инстинктами, как у тебя. Получить похвалу за храбрость от генерала – не худший способ начать карьеру в армии.

– Спасибо, но... э-э... – Кирин скорчил гримасу и посмотрел на отца.

– Понимаю. О, чуть не забыл. Как звали ту рабыню?

Кирин бросил взгляд на Морею и прикусил нижнюю губу.

– Морея, как зовут твою сестру? – улыбнулся он.

От этих слов сердце Морей бешено забилося. Она прижала пальцы к губам.

– Талея...

Кирин снова посмотрел на капитана.

– Ее имя Талея.

– У меня есть друзья в Восьмиугольнике. Попробую что-нибудь разузнать.

– Спасибо, капитан.

Джарит кивнул и вышел, забрав с собой стражников.

Госпожа Ола дождалась, когда солдаты уйдут, а затем повернулась к Сурдые и Кирину.

– Клянусь всеми богами! Что произошло?

– Корен Миллигрест, главнокомандующий Великой и Священной империи Куур, – начал Сурдые сердитым, издевательским тоном, – только что пригласил нашу гордость в свой дом. – Он сделал глубокий вдох. – Миллигрест хочет заменить мою арфу, которую расколотил демон. По крайней мере, такова официальная версия. – Судя по голосу Сурдые, он ни на минуту, ни на секунду в нее не поверил и подозревал, что на его сына набросится сотня стражников с арбалетами и пиками, как только он переступит порог генеральского дома.

– Генерал Миллигрест? – Глаза Олы расширились от удивления.

– Ола, может, ты его вразумишь? – Кирин ткнул пальцем в сторону своего отца. – Генерал спас меня от демона, приказал меня вылечить, а теперь даже предлагает одну из своих арф взамен арфы Сурдые. Скорее всего, он даже попросит нас выступить у него. Чем плохо? Клянусь Таджей! Папа столько лет мне твердит, что я должен заводить связи с влиятельными людьми – «не упускай ни одной возможности, мальчик», – а теперь, когда у меня это получилось, он меня не отпускает!

– Нам его подачи не нужны.

– Проклятье! Это не подачи, а *награда*. Я помог справиться с демоном. Я воткнул кинжал ему в глаз! Брось. Его человек сказал, что он – твой старый друг.

Недоумение на лице Сурдые сменилось раздражением и, наконец, злостью.

– Какой еще человек? Из тех, кто там был, я бы никому не доверял.

Ола сглотнула комок и перевела взгляд с Кирина на Сурдые и обратно. Она дышала коротко, отрывисто, а ее глаза расширились. Она стиснула губы и незаметно для всех, кроме Мореи, сжала ткань юбки за спиной с такой силой, что под черной кожей проступили белые костяшки пальцев. Ее рука тряслась.

Поначалу Морея решила, что Ола напугана, но быстро изменила свое мнение. Морея, как и ее сестра, почти всю жизнь провела в рабстве – ее мать продала детей, поскольку их отец сбежал и она не могла их прокормить. Как и большинство людей, которые стали рабами еще в детстве, Морея отлично различала эмоции своих хозяев – этот навык помогал ей выживать.

Нет, Ола Натера не испугалась. Она была в ярости.

Ола улыбнулась, словно пытаясь подбодрить ребенка, разбившего коленку.

– Милый...

Кирин посмотрел на нее с подозрением.

– Не обращай внимания на папу. Он напуган. А как же иначе, ведь вас едва не убили? Ясноглазый, посмотри на себя. Это твоя кровь?

Юноша потянул за край своего плаща.

– В основном нет. Мои раны они залечили.

– Ну, не удивительно, что он расстроен.

Старик покачал головой.

– Ола, не надо...

– Тише, дорогой, – прервала его она. – Мама Ола обо всем позаботится. – Она показала на Кирина. – Ты пойдешь к генералу в таком виде? В крови и отбросах, в плаще, который словно крысы погрызли? Слово ты только что вылез из помойки?

– Я... – Кирин замялся.

– Я так и думала. – Ола улыбнулась. Морея заметила, что хозяйке нравится роль заботливой матери. – Ясноглазый, сегодня ты многое пережил. Очень многое. Тебе нужно позаботиться о себе. – Ола повернулась, чтобы что-то крикнуть, но сдержалась. – А ты что здесь делаешь, девочка? И что это за разговоры про какую-то сестру?

– Я думала...

– Неважно. Веди Кирина в мою личную ванную и отчисти его как следует.

Морея прикусила губу и посмотрела на Кирина. Он отвел от нее взгляд.

– У меня клиент... – Она махнула рукой в сторону своей комнатки.

– Забудь про него, я о нем позабочусь. Про клиентов сегодня вообще не думай. Моего ангела нужно развеселить. Займись этим.

– Спасибо, Ола, но мне это не нужно, – сказал Кирина. – Я знаю, где твоя ванная комната, и способен помыться без посторонней помощи.

– Ты о чем? Милый, когда тебе действительно нужна помощь, чтобы принять ванну, от нее уже никакого удовольствия. Если кто-то симпатичный мечтает потерять тебе спину, как можно от этого отказываться?³⁶ Идите отсюда, вы двое. Кирина, я объясню твоему папе, что он заблуждается, а потом принесу тебе ужин. – Сейчас Ола казалась воплощением любви и заботы.

Кирина посмотрел на Олу и улыбнулся. Эта ослепительная белозубая улыбка могла бы растопить ледники Драконьих Башен.

– Да, Ола, наверное, ты права. Спасибо. – Он вскочил на ноги и двинулся в глубь двора, но на полдороге обернулся и посмотрел на Морею. – Идешь?

Морея перевела взгляд с Кирина на Олу. Хозяйка борделя улыбнулась и замахала в сторону своих апартаментов, подгоняя ее.

Морея последовала за Кирином, но он не стал ее ждать. Когда она подошла, он уже открыл дверь для нее.

Как только они вошли в дом, улыбка исчезла с его лица. Он прислонился к деревянной двери и закрыл глаза, словно от усталости или боли.

– Что-то случилось? – спросила Морея и прикусила губу. – Какая же я дура. Ну конечно, что-то случилось.

– Да, – согласился Кирина. – Как думаешь, я не перегнул палку, играя роль послушного мальчика?

– Не знаю... Возможно, под конец.

– Я тоже так подумал. Будем надеяться, что она не заметила.

– Кирина, что происходит? Что случилось?

Кирина поднял руку, словно останавливая ее.

– Я объясню, честное слово. Просто подожди минуту. – Он пересек комнату.

– Как скажешь, но... – Морея осеклась и открыла рот от удивления.

Гостиная Олы была так велика, что в ней бы разместились шесть или семь комнаток для рабынь. Стены были расписаны яркими фресками – Морея увидела зеленые джунгли, птиц, небо, знакомых животных и похожих на змей существ, о которых ей только рассказывали. На полу лежали полосатые ковры с экзотическими рисунками – темно-гранатовые, изумрудные, аметистовые, сапфировые и рубиновые с яркими полосками золота. Ковры были расшиты блестками и поэтому сверкали на солнце, словно драгоценные камни. На сундуках из темного резного дерева стояли вазы с павлиньими перьями. С потолков свисали фонари из цветного стекла и темной слюды, а также кристаллы, колокольчики и стеклянные безделушки. На стенах висели маски всех видов – бумажные и глиняные, деревянные и каменные, маски из ткани и маски из металла.

Из стены торчала фальшивая ветвь дерева, на которой сидело чучело ворона; под чучелом стоял котел, наполненный ветками и костями. В воздухе висел густой, тяжелый аромат специй – мирры, корицы и розового масла. В противоположном конце комнаты занавеска из нефритовых бусин служила ширмой, за которой находилась соседняя комната.

³⁶ О термине «мечтает» можно поспорить, учитывая тот факт, что Морея была рабыней.

В центре комнаты на шкуре ягуара стоял большой стол. Три его ножки были сделаны в виде воронов, которые пытаются взлететь; воронов удерживали обвившиеся вокруг них питоны. Стол был накрыт стеклом. На нем лежал шелковый кошелек с чем-то прямоугольным внутри, зеркало из черного обсидиана и плоская кожаная тарелка, которую используют при игре в кости. У стола напротив друг друга стояли два стула. Кроме них в комнате не было ни одного предмета, на котором можно сидеть, – ни кресел, ни дивана, ни кровати. Эта комната явно не предназначалась для романтических свиданий.

Морея хотела расспросить Кирина об этой комнате – для чего она и почему так выглядит. Но бросив лишь один взгляд на него, она решила, что вопросы могут подождать.

Кирин подошел к шкафчику и достал оттуда глиняный кувшин и две чашки. Поставив их на стол, он сел и закрыл лицо руками. Морея заметила, что он дрожит.

– Кирин? – Она улыбнулась ему. – Хочешь меня? Если от этого тебе станет лучше, я с радостью...

– Нет! – Кирин поднял голову. – Нет, пожалуйста. Я не... Я не могу...

Морея нахмурилась. Ей хотелось обидеться на то, что ее отвергли, но она видела, что он стыдится самого себя. Он все еще дрожал, а его глаза были влажными; казалось, еще немного, и он заплачет. Все эти признаки были хорошо ей знакомы.

Морея налила ему вина в чашку, а из второй выпила сама.

– У тебя есть с кем поговорить о том, что произошло?

– Ола... но я не могу ей рассказать. Она не поймет...

– Возможно, она поймет. Но она тебе как мать, а в данном случае нужен друг, а не родитель.

Кирин скорчил гримасу и глотнул вина из чашки.

– Друзей у меня нет. Ну, то есть я думал, что есть, но оказалось, что все они – друзья Хариса. Мы больше не общаемся.

– Тебе нужно с кем-то поговорить. Если ничего не сделать с этой болью, она превратится в гнойник в твоей душе. И если пройдет побольше времени, ты начнешь убеждать себя, что сам во всем виноват, что ты заслужил это...

Он уставился на нее. Его глаза расширились от страха.

– А что, если это в самом деле моя вина? О боги, почему я такой недоумок? Почему я надеялся обогнать демона? Я – главный тупица в мире. Эти волшебники снова призовут его, узнают, что он не убил меня, и отправят его обратно, чтобы он закончил работу. О, Таджа, помоги мне! А что, если в следующий раз он найдет меня здесь, в «Вуали»?

– Подожди. Я думала, что на чудовище ты наткнулся случайно?

– Нет, оно меня выслеживало. Демон искал меня, Морея, и он вернется, я это точно знаю.

– Тогда ты должен что-то предпринять, – ответила Морея, борясь со страхом. – Почему твой отец не хочет отпустить тебя к главнокомандующему?

– Не знаю. Это какой-то бред. Там был еще какой-то человек; он назвался другом моего отца, но, когда я очнулся, он уже ушел. Может быть... – Кирин нахмурился. – Наверное, мысль о том, что раньше они дружили, не слишком много значит для него. Мы с Харисом раньше тоже были друзьями, и смотри, что из этого вышло.

– Как его звали?

На лице Кирина появилось беспомощное выражение.

– Он не сказал. И ты же слышала моего папу. Он утверждает, что ни одного из его знакомых там не было.

– Но все равно. Если генерал сражался с тем демоном, значит, он понимает, насколько он опасен, верно? Я слышала про главнокомандующего. Мой прежний хозяин говорил, что род Миллигрестов служит империи почти со дня ее основания.

Кирин скорчил гримасу.

– Ксалторат – демон – знал его, Морея. Знал настолько хорошо, что даже шутил над ним во время боя. – Кирин содрогнулся. – Кажется, демон убил одну из дочерей Миллигреста.

– Тогда ты можешь быть уверен, что Миллигрест тебя не прогонит. Попроси главнокомандующего о помощи.

Кирин наклонил голову.

– Стражники – не те люди, к которым я готов бежать за помощью.

– Кирин, это не стражники, а солдаты. Армия. Она прекрасно понимает, какую опасность представляют демоны.

– Да, наверное... Об этом я не подумал.

– Хорошо, что у тебя есть я – человек, который может наставить тебя на путь истинный. – Морея рассмеялась, и Кирин тоже усмехнулся.

Но когда он посмотрел на нее, его глаза затуманились. Он вздрогнул и отвернулся.

– Ты ни в чем не виноват, – сказала Морея. – Виноваты волшебники, которые призвали эту тварь. Виноват этот демон. Ты ничего не сделал... – Она увидела, что он собирается возразить, и подняла руку. – Ты не заслужил этого.

Кирин протянул дрожащую руку к чашке с вином.

– Ты говоришь так, словно этот демон меня изнасиловал.

Морея моргнула.

– А разве это не так? Я предполагала...

Кирин отшатнулся и едва не выронил чашку. Он неловко поставил ее на стол, обхватил колени руками и задрожал.

Морея протянула к нему руку.

– Не трогай меня, – сказал он приглушенным голосом. – Пожалуйста, не надо. Это опасно.

– Я не причиню тебе вреда.

Он посмотрел на нее. Его глаза блестели от слез.

– Морея, я не сказал, что опасность грозит *мне*.

Она удивленно откинулась на спинку стула.

– Расскажи мне... – сказала она после долгой паузы. – Расскажи, что произошло.

– Он... – Кирин вздохнул, потер глаза и начал заново: – Он вкладывал мне мысли в голову – ужасные мысли, воспоминания. Некоторые из них – мои, но искаженные, другие – чужие. Мне никто не причинил вреда. Нет, вред причинял я – людям, которых я знаю, и тем, кого никогда не встречал. Я убивал их, делал с ними страшные вещи, и мне это нравилось. – Кирин охрип от ужаса. – Эти мысли все еще в моей голове. Эти воспоминания сохранились. Я не могу... Я не доверяю себе.

– Нет, – возразила Морея. – Нет, это ложь. Он обманывал тебя. Это не ты. Ты хороший. Тебе бы никогда это не понравилось.

Он рассмеялся, но его смех был похож на рыдания.

– Морея, ты знаешь меня всего несколько недель, и до сегодняшнего дня мы даже словом не перебросились. Неужели ты забыла, что произошло? Тебе кажется, что я не могу быть злым или мелочным?

Она отвела взгляд.

– А что, если это не уловка? Что, если это мои собственные мысли и я действительно обожаю мучить людей? Что, если он показал мне, какой я на самом деле?

– Нет! – запротестовала Морея. – Такой человек не запретил бы мне прикасаться к себе, чтобы позаботиться о моей безопасности. Я знала злых людей. Я знала людей, которые больше всего на свете любили слушать вопли своих жертв. Они не испытывают чувства вины, их не мучает мысль о том, хорошие ли они люди. Демон не пытался показать тебе твой истинный облик, а хотел навредить тебе – и выбрал отличный способ нанести тебе рану, которая еще долго не заживет.

Кирин неловко улыбнулся.

– Я буду молить богов о том, чтобы ты оказалась права.

Морея посмотрела на него поверх чашки с вином.

– Значит, он показал, как ты творишь нечто ужасное с незнакомыми людьми?

Он кивнул.

– Да. Но там была одна девушка... – Он нахмурился и умолк.

– О, прости.

– Это не то, о чем ты думаешь. – Кирин покачал головой. – Скорее всего, она не существует в нашем мире. Она выглядела так странно... Думаю, она не человек.

– Какой она была?

– Волосы у нее были либо черные, либо цвета крови – в зависимости от того, откуда на них смотреть... – ответил Кирин, когда повисло неловкое молчание. – И они шли одной полосой – от лба к шее. В ее глазах сверкал красно-оранжевый огонь. И у нее была странная кожа. Тело обычное, но руки и ноги черные, словно она в чулках и перчатках.

Пока Кирин описывал эту призрачную девушку, с ним произошла странная перемена; он устремил взгляд куда-то вдаль и немного расслабился. Страх, который заставлял его дрожать, немного отступил. Сам Кирин, похоже, этого не заметил.

Морея нахмурилась. *Что сделал этот демон с бедным мальчиком?*

– Такие волосы бывают у девушек из Джората, – сказала Морея. – Мой прежний хозяин однажды купил рабыню оттуда. Все убеждали его, что этого делать не стоит, что джоратцы – плохие рабы. Представили древних кланов, те, кто ведет свою родословную от джоратского бога-короля, они вообще уже не люди. В них есть что-то дикое; их не переделать, и сломить их невозможно³⁷.

– И что произошло?

– Она перегрызла горло моему хозяину и покончила с собой. Дочери хозяина гарем был ни к чему, поэтому она нас продала. Так меня разлучили с сестрой.

– Мне так жаль.

– Теперь ты знаешь, что покупать рабов из Джората нельзя. – Морея наклонилась вперед. – А она красивая, эта созданная демоном девушка-джоратка?

Кирин вздрогнул, но затем улыбнулся.

– Не такая красивая, как ты.

– Ты врешь, я вижу.

– Ревнуешь? – Кирин пытался ее поддразнить, но тщетно.

– А мне это запрещено? Она ведь прекрасна, да?

– Ну, может, самую малость, – сказал он и отвел глаза.

– А! Подумать только, ведь всего несколько часов назад именно я была той девушкой, которая заставляла тебя заливаться румянцем.

На его лице появилось виноватое выражение, и Морея укорила себя за то, что подшучивает над ним сейчас, после того, как он пережил такой ужас.

– Это какая-то игра? – спросила она, глядя на обтянутый шелком кирпичик и стаканчик для игральные костей, лежащие на столе.

– Вовсе нет. Это карты судьбы. Их раскладывает Ола. – Кирин взял шелковый мешочек и достал из него колоду карт. Затем он снял одну карту сверху и показал ее Морее. На карте была

³⁷ Джоратцы, и в особенности их благословенная богами аристократия, выжили в основном за счет того, что они, как народ, были созданы для того, чтобы служить кентаврам, которые правили их страной. Когда в их страну вторглись армии Куура, джоратцы с готовностью перешли на сторону империи и свергли бога-короля Коршала. Джоратцы быстро предложили своих сыновей и дочерей куурским солдатам, которые получили земельные наделы в новой провинции. Так появилось новое поколение джоратцев. Джоратцы с подозрением относятся к магии, с помощью которой они были порабощены, и к чужакам.

искусно нарисованная миниатюра: ангел с серебристыми волосами, подбрасывающий монету. Таджа, богиня удачи.

– Не понимаю.

– Ола торгует не только сексом. – Кирин одной рукой ловко перетасовал карты.

– У тебя отлично получается.

– У Олы – гораздо лучше. Это она меня научила. – Кирин помолчал. – Знаешь, на самом деле она не собирается отпускать меня к генералу. Она так же твердо настроена против этого, как и папа. – Он повернул колоду рубашками к себе, раскрыл ее веером и протянул Морее. – Выбери карту, но какая она, не говори.

Морея улыбнулась и взяла карту из колоды.

– Да, она действительно выглядела расстроенной.

– Она в ярости, словно старый Немесан³⁸. И я не понимаю, почему. Но я хорошо ее знаю – ведь раньше я был ее учеником. Если ей очень не хотелось, чтобы я что-то делал, она никогда мне этого не запрещала, а просто уменьшала мои шансы на успех. Ты выбрала Бледную Госпожу.

Морея со смехом перевернула карту – на ней была изображена Таэна.

– Как это у тебя получилось?

– Я просто увеличил свои шансы на успех.

Кирин снова перетасовал карты и на этот раз разложил их на столе в виде креста, с четырьмя картами по углам, которые образовали квадрат. Он начал переворачивать карты, хмурясь все сильнее.

Морея с интересом изучала карты судьбы, но что они означают, она не знала.

– Все настолько хорошо? – спросила она наконец.

Кирин невозмутимо оглядел карты.

– Знаешь, это, вероятно, худший расклад из тех, что я видел. Но сегодня такой день, что это вряд ли должно меня удивлять.

– Да, но что говорят карты?

– О, все как обычно – смерть, утрата, боль, страдание, рабство и отчаяние. – Кирин принялся собирать карты. – Даже в конце нет никакой награды, только это. – Он взял карту, лежавшую в центре: черный прямоугольник. – Холодная пустота ада. Очень мило. – Он фыркнул и убрал карты в мешочек. – Теперь я вспомнил, почему я их ненавижу. – Он налил еще вина в чашку, встал и убрал кувшин в шкафчик.

Морея еще немного посмотрела на карты.

– Как, по-твоему, Ола изменит твои шансы?

Кирин посмотрел на свою чашку с вином.

– Если я не ошибся, то скоро мы это узнаем. Идем. Ванна Олы – вон за той занавеской. Давай разберемся с этим делом.

³⁸ Говоря о старых мертвых королях, мне на самом деле вовсе не нужно давать урок истории о боге-короле Ларегрейна. Это был обязательный курс в Академии в последние два века.

13: Решительный волшебник

(Рассказ Кирина)

Я запрыгнул на поручни и ухватился за снасти, чтобы не выпасть за борт.

– Это киты? Я ни разу их не видел.

– А, эти? – Тераэт со скучающим видом бросил взгляд за борт. – Просто несколько десятков шестидесятифутовых синих слонов без рук и ног решили поплавать. Не обращай на них внимания.

– Никогда не видел их в таком количестве.

– Ты, судя по всему, ни одного не видел, так что твои слова немного значат.

Я посмотрел на океан, понаблюдал за тем, как длинные изящные существа выпрыгивают из воды, чтобы потом рухнуть обратно. Через несколько минут улыбаться я перестал.

– Они всегда такие прыгучие?

– Это называется «выскакивать из воды».

– А кровь? Это тоже нормально?

– Что? – Тераэт обернулся. Я показал на точку за кормой корабля, где прыгающие киты заставляли воду вскипать. По синей воде тропического моря расплывалась темно-красная полоса. Киты были в панике; они изо всех сил пытались обогнать «Страдание».

Они пытались спастись.

Ванэ встал на колени и прижал ладони к доскам палубы. Он наклонил голову набок и закрыл глаза.

– Что ты делаешь?

– Слушаю. – Тераэт открыл глаза. – Проклятье. Приведи сюда мою мать. Киты кричат.

– Кричат? Но что могло... – У меня пропал голос. Чье-то щупальце обернулось вокруг одного из китов и потащило его под воду. На поверхности забурило новое алое пятно.

Я решил выполнять приказ Тераэта. Да, сейчас у него не было моего гаэша, но на этот раз я был готов сделать исключение. Его мать была знакома с самой богиней смерти, и в подобных обстоятельствах это могло нам очень пригодиться. Но не успел я что-то сделать, как появилась вторая проблема.

– Сюда идет Тьенцо. – Я замер, оказавшись между приближающейся ведьмой и чудовищем в океанских глубинах.

– Плевать. Я не знаю, что ей там нужно, но она подождет... – Тераэт поднял взгляд и умолк.

Тьенцо, корабельная ведьма, шла на корму в сопровождении капитана Джувала. Завидев их, матросы бросались в разные стороны. И не присутствие капитана заставляло их бежать без оглядки, словно от покойника, умершего от заразной болезни.

На некоторых женщин стоит смотреть ради их красоты. Но к Тьенцо привлекали внимание не восхищение или похоть – а ужас, вызванный жестокостью богов. Это была темнокожая, худая женщина, похожая на пугало, одетая в бесформенную, покрытую пятнами накидку из многих слоев тряпок. Ее глаза смотрели сурово и надменно, она держалась горделиво, словно аристократка, готовая казнить любого, кто ей не угодил. Ее свалывшиеся немые волосы цвета грязного песка и выгоревшего на солнце топляка походили на птичье гнездо; ее нос и подбородок были такими длинными и острыми, что их можно было точить на точильном камне. Ее губы казались краями раны, которую кто-то нанес ей бритвой.

Распознать ее талисманы не представлялось возможным – не потому, что их не было видно, а потому, что их было слишком много. Кости, сушеные водоросли, раковины моллюсков и птичьи клювы свисали с ее кривого посоха, сделанного из отмытой океаном сосновой ветки.

Подобный мусор торчал у нее в волосах. Посох трещал, когда она опиралась на него, словно предупреждая людей о том, что от нее нужно держаться подальше.

Умные люди так и делали.

Нет, она не светилась красотой. Ее аурой был страх. Суеверный ужас, который люди испытывают перед ведьмами, стал ее короной. Никто из видевших Тьенцо не мог усомниться в ее ремесле и в том, что она может проклясть – и готова проклясть – любого, кто встанет у нее на пути.

Делон, первый помощник капитана, добивался повиновения команды, угрожая, что заставит провинившегося провести ночь в постели с ведьмой.

Мне Тьенцо нравилась.

Да, именно она призвала суккуба, который создал мой гаэш, но так она поступила только по приказу Джувала. На борту «Страдания» она была моим единственным союзником. Лишь благодаря ее заклинаниям я сумел избежать внимания со стороны Делона. Когда у нее не было других дел, она сидела взаперти, наедине со своими книгами, и создавала множество мелких чар, чтобы уберечь корабль или вовремя обнаружить опасность. Вот почему ее целеустремленность, ее мрачный и внимательный взгляд вызвали во мне такое беспокойство. Она бы не покинула свою каюту – более того, не потащила бы с собой капитана, – если бы ситуация не была очень серьезной.

Заметив меня, она резко остановилась.

– Клянись Тиа! Что ты здесь делаешь?

– Не обращай на них внимания, – сказал капитан Джувал. – Это пассажиры, пусть ходят по палубе, лишь бы не путались под ногами матросов. Эй вы, двое... – Он махнул рукой мне и Тераэту. – Убирайтесь. У нас серьезное дело.

Пропустив мимо ушей слова капитана, Тьенцо продолжала смотреть на меня. Я понял, что она ждет ответа.

Я бросил взгляд на Тераэта и подумал: «Иллюзия на нее не действует. Она меня узнала».

– Я... – Что я мог сказать? Что я мог ответить, когда прямо здесь стоит капитан Джувал?

– Неважно. Поговорим позже. – Тьенцо отмахнулась от меня. Затем она посмотрела на залитую кровью воду и побледнела.

Она подняла свой посох и заговорила на языке, который показался мне смутно знакомым, почти понятным. Второй рукой она провела по воздуху, и я не увидел, но почувствовал след, который остался за ней. Запутанные клубки математических и магических символов на миг вспыхнули у меня в голове, а затем с шумом схлопывающегося воздуха вырвались из задней части корабля. Потоки энергии, изгибаясь, достигли воды; десятки, нет, сотни крошечных импульсов создавали видимые глазу всплески.

Тераэт встал рядом со мной у поручней, и мы оба принялись смотреть на воду. Довольно долго ничего не происходило. Матросы затаили дыхание. Затем вода вокруг китов вскипела, и в ней появились новые тела – небольшие серебристые вспышки. Они двигались к кровавым пятнам, от которых «Страдание» уходило все дальше. Еще одно щупальце высунулось из воды, и вся команда корабля ахнула. Сотни белых следов понеслись по волнам к чудовищной фигуре.

– Дельфины... – прошептал Тераэт.

– Вот ТАК я уничтожу чудовище! – объявила Тьенцо. Ее театральный жест был излишним, он предназначался для зрителей, собравшихся у нее за спиной.

Послышались вздохи облегчения; всем показалось, что опасность миновала. Первый помощник Делон, извергая проклятия, заставил матросов вернуться к своим обязанностям.

Только Тераэт, капитан и я увидели, что выражение лица Тьенцо ничего подобного не обещало. Она опустила руки и бросила взгляд на Джувала.

– Мы просто получили отсрочку, – сказала она. – Ведь это не смертное существо, а дочь Лааки³⁹.

Я похолодел. Я, сын менестреля, знал достаточно песен и историй об огромных бессмертных кракенах, проклятых дочерях морской богини. Они представляли собой большую опасность для любого крупного морского существа, и для кораблей тоже. Мне так хотелось верить, что они живут только в сказках.

– Мы обгоним ее, – сказал Джувал. – Когда она разберется с твоими морскими псами, мы будем уже далеко.

– Боюсь, что это сработало бы только в том случае, если бы она охотилась именно на китов, – сказала Хамезра.

Капитану Джувалу не понравилось, что кто-то вмешался в разговор. Он не заметил, как расширились глаза Тьенцо, когда она увидела мать Тераэта, и как побелели костяшки пальцев ведьмы, когда она стиснула свой посох. Тьенцо перевела взгляд на Тераэта, затем на меня и, наконец, снова на Мать Черного Братства.

Она видит нас в нашем истинном обличье. Никакие иллюзии ее не обманут.

– Кровавые раковины! – рявкнул капитан. – Да что это за пассажиры? Вам троим здесь не место. Валите в свою проклятую каюту, и пусть с этим делом занимаются люди, которые понимают, что к чему.

Остальные переглянулись. Внезапно я посочувствовал капитану. Когда-то я боялся его. Он был так зол на меня и в пылу гнева творил со мной жуткие вещи. Он был грозной, мрачной фигурой и всегда был готов применить насилие. Но теперь... он больше не имел значения. Ему практически приказали убраться, только он еще этого не понял. Тьенцо и Хамезра решат, кто здесь главный. Капитан невольничьего судна не обладал властью, чтобы решать свою судьбу.

– Джувал, это необычные пассажиры. Будет лучше, если ты предоставишь это мне. – Тьенцо говорила тоном, не допускающим возражений, словно королева.

– Ведьма...

– Доверься мне, – прошипела Тьенцо. – Опасность еще не миновала.

Я посмотрел на битву, которая разворачивалась под водой. Хотя корабль обогнал китов и того, кто на них напал, я видел, что кто-то движется в воде и даже выпрыгивает из нее. Длинные и скользкие щупальца вырывались из-под воды и с плеском падали обратно. Существо, которому они принадлежали, наверное, было огромным.

Мне стало жаль дельфинов. Вряд ли Тьенцо вежливо попросила их пожертвовать собой, сражаясь с этим чудовищем, вряд ли они сейчас действуют по своей воле.

Тьенцо повернулась к Хамезре.

– Что ты имела в виду, говоря о своей добыче?

– Эта тварь гонится за кораблем, – объяснила Хамезра. – И только благодаря милости Таджи она наткнулась на свое любимое лакомство и поэтому выдала себя.

– Она гонится за вами. – Лохматая ведьма умолкла и прищурилась, а затем повернулась ко мне. – Нет. Дочь Лааки гонится за тобой.

– За мной? Нет, не за мной. Мага разозлили они. – Я указал на Тераэта и Хамезру. – Ему не понравилось, что кто-то переиграл его на аукционе.

Джувал нахмурился.

– Это все из-за вас? Бросить бы вас за борт, и пусть морское чудовище с вами разбирается.

³⁹ В эпоху своего господства боги-короли создали большое число рас-слуг. Некоторые из них – такие, как кентавры Джората или снежные великаны Йора, – вымерли или почти вымерли. Дочери Лааки, наоборот, процветают – отчасти потому, что Лаака вложила в них огромную устойчивость к магии, но в основном потому, что они предпочитают жить в океанических глубинах, подальше от владений человека.

– Это было бы тупо, – прошипел Тераэт. Он напрягся и стал похож на человека, который проверяет, насколько остры его ножи.

– Хватит! – воскликнула Хамезра. – Не важно, кого преследует кракен и кто ему нужен. Важно то, что ее призвали. Я недооценила решимость волшебника, который замешан в этом деле. Я была уверена, что врата собьют его со следа.

– Мне придется уничтожить эту тварь, – сказала Тьенцо и, к моему удивлению, улыбнулась. Я никогда еще не видел ее улыбки. – Убивать кракенов мне еще не доводилось.

– Разве они не обладают защитой от магии? Вроде об этом гласят все легенды.

Тьенцо мрачно ухмыльнулась.

– Охотники на ведьм тоже защищены от магии, но я давным-давно выяснила, что всем нужно дышать воздухом, или ходить по земле, или плавать в воде. А это мои стихии. Посмотрим, как нашему кракену понравится кислота. – Она засучила рукава.

– Нет. Ты не можешь этого сделать, – возразила Хамезра.

– О, могу, еще как. – Тьенцо подняла руки.

– Значит, ты *не должна* так делать. Это будет страшная ошибка.

Тьенцо фыркнула.

– Если у тебя есть другой план, который поможет разобраться с этой сукой, поделись им с нами.

Хамезра раздраженно вздохнула.

– Волшебник, который это сделал, не знал, на каком корабле мы покинули порт. Он призвал не одну дочь Лааки, а отправил кракенов за каждым кораблем, которые вышли из Кишна-Фарриги. Он знает, что я не могу уничтожить кракена. Именно на это он и рассчитывает. Сейчас он сидит, словно раздувшийся паук, связанный с каждым чудовищем тонкой магической нитью, и ждет, какая из них порвется. Он хочет узнать, какой кракен погибнет на охоте. Он знает, что находится на другом конце нити, и это поможет ему найти жертву. Он найдет нас.

Тьенцо посмотрела на Хамезру.

Джувал нахмурился.

– Я не понимаю. Порт покинуло более дюжины кораблей...

Тьенцо покачала головой.

– Спаси меня Тиа. Это Релос Вар, больше некому...

– Ты его знаешь? – удивился я.

– Ну разумеется. Он заходил к моему покойному мужу, чтобы выпить чашечку чая и принести кого-нибудь в жертву. Мы ведь были ужасно важными людьми. – Тьенцо саркастически махнула рукой, а затем понизила голос до хрипа. – Он ведь всего лишь самый могущественный волшебник в мире, ведь он всего в одном шаге от того, чтобы стать богом. Если для того, чтобы нанести удар, ему всего лишь нужно узнать наше местоположение, то она права – это чудовище трогать нельзя.

Я повернулся к Хамезре.

– Но ему все равно придется иметь дело с тобой. Он, похоже, считает, что не сможет одолеть тебя. Ты заставила его отвести взгляд. Он тебя боится.

Тьенцо остановилась. Да что там, она, кажется, и дыхание затаила. Она смотрела на Хамезру так, словно та – приготовившаяся к броску кобра.

– Ты...

– На это нет времени, – сказал Тераэт. – Кракен снова бросился в погоню.

Ванэ из Манола одним глазом присматривал за капитаном, а другим следил за чудовищем.

– Да у тебя талант, – сказала Тьенцо Хамезре. – Я даже не могла бы сказать, что ты волшебница.

Хамезра улыбнулась ей, словно мать – родному ребенку.

– Я много лет практиковалась, дитя мое.

– Помоги мне, – взмолилась Тьенцо. – Вместе мы справимся.

– Я не могу, – сказала Хамезра. – Есть правила, и есть последствия. Если я, одна из тех, кто придумал эти правила, нарушу их, потому что они неудобны для меня, то одержу победу в битве, но проиграю войну. Я не хочу возвращаться в старые времена, к хаосу, который царил до Соглашения⁴⁰. Ты понимаешь меня, дитя?

– Нет. Нет, не понимаю, – сказал я. – За нашим кораблем гонится морское чудовище. Никто не забыл про морское чудовище? Живучее, гигантское, с огромным множеством щупалец? *Голодное?*

– Проклятье! – со злостью воскликнула Хамезра. – Дитя, я не в силах ничего сделать. Если я убью этого зверя, через несколько минут у нас на хвосте будет Релос Вар. И он приведет армию тьмы и теней – демонов из холодной, ледяной Пустоты. Спасая тебя от нее, мы потеряем все. Если тебя убьет кракен, ты, по крайней мере, сохранишь душу и сможешь вернуться...

Мне стало не по себе. Навсегда оказаться во власти демона...

Нет, что угодно, но только не это.

Лучше смерть.

– Клянусь богами преисподней! Ты же не собираешься допустить, чтобы чудовище разорвало на части корабль?! – воскликнул Джувал.

– Можно отправиться на север, – предложил Тераэт. – Поворачивай корабль.

– Ты спятил? – спросил Джувал. – Вокруг Жериаса все корабли идут по длинному пути, и это неспроста. Если попытаешься срезать путь через проливы, то попадешь в Пасть.

– Через Пасть есть безопасный проход, – ответил Тераэт. – Я знаю, где он.

– Дитя! – рявкнула Хамезра.

– Это все китовья блевотина, – сказал Джувал. – Я из Жериаса, но даже я не могу пройти через Пасть. Ни одному человеку это не под силу.

Не обращая на него внимания, Тераэт повернулся к Тьенцо.

– Безопасный путь через Пасть есть, но управлять кораблем должен я. Ваши люди должны подчиняться мне – мгновенно и беспрекословно. Тебя называют ведьмой, но то, что ты сейчас сделала, наводит на другие мысли. Ты училась в школе, или ты самоучка?

– И то и другое, – признала Тьенцо. – У меня были великолепные частные учителя. – Она посмотрела через плечо на волны. – Я могу повернуть течение против нее и сделать ветра попутными для нас. Тогда мы доберемся до проливов раньше, чем она нас догонит. В Пасть она войти не посмеет. – Она умолкла и посмотрела на Джувала.

– Я вот думаю: когда кто-нибудь вспомнит, чей это корабль? – зарычал капитан. – Вы все спятили, что ли?

– Мы можем остаться здесь, и тогда нас разорвут на части, – с улыбкой заметил я. – Тебе решать, Джувал.

Он посмотрел на меня, и его глаза расширились: он узнал.

– Знакомый голос... Ах ты, щенок. Что ты делаешь на моем корабле?

– Наслаждаюсь твоим гостеприимством, разумеется. – Я ухмыльнулся. – Поверь, тебе повезло, что мы оказались у тебя на борту. Иначе Тьенцо убила бы дочь Лааки, и тогда ты столкнулся бы с Релосом Варом в одиночку. А когда он перешел бы к самым интересным вопросам, ты даже не смог бы отрицать, что знаешь меня.

⁴⁰ Может, она имела в виду Небесное соглашение? О нем известно только то, что это было обязательное для всех соглашение, заключенное между Восемью бессмертными и определенными богами-королями. Все они решили, что лучше играть по правилам и вести себя хорошо, ведь иначе тебя будет выслеживать император со своим любимым инструментом для убийства богов – мечом Уртанриэлем. Предположительно, это соглашение устанавливало правила допустимого поведения. После того как оно было заключено, боги перестали править на земле в физическом воплощении, что было обычным делом в эпоху богов-королей.

- Капитан... – В голосе Тераэта слышалась сильная нота тревоги.
Джувал нахмурился.
– Ладно. Идем на север.

14: Сказки перед сном (Рассказ Коготь)

Когда Ола заглянула сквозь зеленую занавеску из бусин в свою ванную комнату, то увидела, что Кирин уже снял с себя свою рваную, запачканную одежду и теперь расслабляется в ее медной ванне. Свет фонаря заставлял частицы пыли в воздухе и поверхность воды сверкать; мыло, ароматные масла и кровь окрасили воду в розовый цвет. Кирин так усердно тер свою бронзовую кожу губкой, что даже кое-где поцарапался. Его шея была краснее остального тела и контрастировала с синим камнем-цали.

Кирин, ее малыш, разговаривал с новой танцовщицей. К удивлению Олы, девушка все еще была одета и совсем не помогала ему мыться. Это показалось Оле странным – если учесть, как сох по девушке Кирин.

Ола нахмурилась, вспомнив о напрасно потраченной молодости. Затем она стерла гримасу со своего лица, расправила плечи и сделала глубокий вдох. В ванную комнату она вошла весело – словно циркач, обученный Гуляками.

– Да, кстати! Вот и пир для моего милого мальчика.

Ола поставила рядом с ванной складной столик.

Кирин рассмеялся.

– Тебе не кажется, что тут слишком много еды?

Хозяйка борделя улыбнулась.

– Я принесла понемногу всех блюд, которые приготовили сегодня. – Она махнула рукой в сторону подноса, словно официант. – У нас тут перченая козлятина с кусочками свежего вора-кресса, баранина в соусе «леадо», по традиции, завернутая и обжаренная в банановом листе, маринованная в соусе «накари» желтая рыба с манго, жареные коренья безево, кокосовый рис, сердцевина пальмы и кусочки горькой дыни с шоколадом. – Затем, словно только что вспомнив, она добавила: – И немного моего виноградного вина из Кирписа. Оно тебя успокоит.

Заметив удивленный взгляд Мореи, Ола добавила:

– Знаю, знаю. Обычно я приберегаю его для ритуалов⁴¹, но если нужно расслабиться, то я предпочитаю виноградные вина местным рисовым и кокосовым.

Кирин прислонился к бортику ванны. В его глазах заплясал свет, проникавший в комнату из окна.

– Ола, так вкусно я не ем даже в день своего рождения.

Ола усмехнулась.

– А ты почаще натывайся на демонов. Попробуй желтую рыбу. Порошок «накари» из Валаси, а не из Ирандо. – Ола понимающе взглянула на Морею; девушка покраснела и отвернулась. Все знали, что порошок «накари» сделан из афродизиаков⁴². Именно поэтому его и подавали в таких местах, как клуб «Разорванная вуаль».

Ола подшучивала над Мореей, чтобы развеселить Кирина, но при упоминании о Валаси на девушку он даже не взглянул. Ола нахмурилась. Да, Ола знала, что Сурдые расстроен, но сейчас она впервые задумалась о том, насколько тяжело им пришлось.

⁴¹ Жители Кирписа и Казивара настаивают на том, что только виноградные вина можно называть «винами». В Кирписе находится Академия, и поэтому в течение многих лет учившиеся в ней волшебники приобретали привычку пить виноградное вино и использовать его при проведении ритуалов. Ола никогда не училась в Академии, но, наверное, пристрастилась к виноградному вину под влиянием своих знакомых из Верхнего круга.

⁴² И ядов. Порошок сердцебиения в возбужденном состоянии, известный как накари, созданный из ядовитых грибов, аконита и грудной клетки красного жука-дракона. В небольших количествах эти вещества безвредны, но я был бы осторожен и купал бы накари-порошок у надежных продавцов.

Кирин взял с подноса кубок, поднес к губам, затем опустил. Затем потянулся за «пальчиками» из жареного безево, обжаренными кусочками сладкого корня, и снова откинулся на стенку ванны.

– Ола, расскажи о том дне, когда ты меня нашла.

Ола моргнула. Почему он хочет услышать именно *эту* историю? Почему он хочет услышать ее именно *сейчас*? Она щелкнула пальцами и фыркнула.

– Ты ее уже слышал.

Мальчик ухмыльнулся, не отрываясь от еды.

– Морея ее еще не знает.

– Ты хочешь, чтобы я рассказывала истории? В такое время?

Кирин поставил кубок на пол – так, чтобы между ним и Олой была ванна, – и со значением посмотрел в сторону Мореи.

– Ты всегда говорила, что именно в такое время и нужно рассказывать истории. Это приносит удачу, помнишь?

Этот взгляд сообщил Оле все. Она догадывалась, что девушка нравится Кирину, но не знала, что настолько. И все же он, очевидно, очарованный ею, впервые в жизни решил сдержаться. Такая девушка, как Морея, скорее всего, никогда еще не встречала человека, который задумывался о ее желаниях или ухаживал за ней. Кирин пытался произвести впечатление на Морею и поэтому не торопил события. Ола улыбнулась своему приемному сыну – тепло и сентиментально.

– Она ее еще не знает, – насмешливо повторила Ола. – Но ей и не нужно слушать эту историю. – Ола взглянула на Морею; взгляд девушки был неуверенный, затуманенный. – Ну, дитя? Хочешь послушать историю, пока ты купаешь его? Кстати, почему ты до сих пор этого не делаешь?

– Потому что об этом ее попросил я, – ответил Кирин и указал на тарелку с едой. – Морея, мне одному это слишком много. Съешь что-нибудь.

– Ясноглазый...

– Ну же, Ола, расскажи нам историю. Расскажи о моей матери. – Он помолчал. – Наверное, я и сам мог бы ее рассказать.

– Ты ее только испортишь. Тебя же там не было.

– Я там был, – поправил Олу Кирин. – Может, я ничего и не помню, но я точно там был.

– Ты был неуправляемым плутом. Даже не знаю, о чем я думала, когда подобрала тебя в том парке.

– Все равно расскажи, – поддразнил ее Кирин. – Пусть даже я не расчесываю волосы, не слушаюсь...

– И не помогаешь по хозяйству... – возмущенно добавила Ола.

– А когда колокол звонит один раз, я еще не встал и не одет... – согласился он.

– И еще ты вор... – обвинительно добавила она.

– И слишком много пью... – признал он.

– И ты слишком молод, чтобы быть таким неисправимым повесой! – воскликнула она, повышая голос.

– И я ужасное бремя для своего отца!

Последнюю фразу они выкрикнули вместе, после чего расхохотались. Кирин согнулся от кашля. Когда показалось, что сейчас он задохнется, Ола несколько раз стукнула его по спине. Наконец Кирин потянулся за своим кубком и сделал несколько больших глотков, после чего его легкие успокоились.

Морея прижала ладонь ко рту. Казалось, она тоже делает все, чтобы не рассмеяться.

– Ладно, – сказала Ола, скорее Морее, чем Кирину. – Я расскажу тебе эту историю. В Новый год ему исполнится шестнадцать, – обратилась она к Морее, – и тогда же исполнится шестнадцать лет с тех пор, как умер старый император Куура.

– Как его звали? – Кирин подмигнул Морее. Она выглядела ошеломленной, словно ягненок, который сообразил, что тигры не собираются его есть.

– Гендал, – ответила Ола. – Ты хочешь, чтобы я рассказывала, или нет? – Она расправила свой аголе, чтобы подчеркнуть свои слова. – Да, это произошло шестнадцать лет назад, и Гендала убили. Мы знали, что это убийство, потому что, моя милая девочка, другим способом император Куура умереть не может.

– Никаких несчастных случаев? – Кирин, улыбаясь, положил голову на край ванны.

– Даже если он споткнется о камень и упадет с Демонских Водопадов, – важно подтвердила Ола.

– И чумой он не может заболеть? – спросил Кирин.

– Она его не тронет, – ответила Ола.

– А съесть что-нибудь ядовитое он может? – спросила Морей. Она прикусила губу, но все-таки чуть заметно улыбалась.

– Молодчина, девочка. Нет, не может. Даже черный лотос Манола не причинит ему вреда, – твердо ответила Ола.

– А если он постарел? – спросил Кирин, изображая сомнение.

– С той минуты, когда император надевает на голову Великую корону Куура... – Ола ткнула пальцем в небеса, – он становится бессмертным. Он никогда не стареет и не болеет. Нет, император может умереть только насильственным путем – если его убьют.

– Так откуда вы узнали, что он умер? – спросил Кирин и потер себя одной рукой, держа второй кубок.

– Мы поняли это, потому что над Ареной, на которой и проходит состязание, появилось мощное сияние. Это светились корона и скипетр Куура. Они возвращаются на Арену, когда сердце их предыдущего владельца перестает биться, и ждут нового хозяина. Поверь мне, дитя: никто не тратил время, чтобы сообщить всем о смерти старого императора. Настал день выборов нового. И все пришли на это посмотреть.

– Все?

– О да, – кивнула Ола. – Все – богатые, бедные, старые, молодые, толстые, тощие, свободные, рабы, граждане империи и чужеземцы в тот же день пришли в парк. Люди могут всю жизнь прожить и ни разу не увидеть выборов императора. Сам Гендал прожил двести лет. Возможность увидеть Выбор выпадает в лучшем случае один раз в жизни, и никто не хотел ее упускать. И меньше всего ее хотели упустить мужчины, которые надеялись стать императором.

Она улыбнулась своим воспоминаниям.

– О, видели бы вы это, мои ягнятки. В парке Арены почти не осталось места, там и дышать можно было лишь с трудом! В такое время нет ни чинов, ни званий. Простолюдины толкались наравне с аристократами. Мастера гильдий толпились вместе с уличными громилами. «Бархатных» девушек тискали жрецы из Квартала Слоновой кости! Ни до, ни после того дня не было срезано такое количество кошелев. – Ола со значением сделала паузу. – Но в тот день были совершены и более серьезные преступления.

– Какие, например? – Кирин удивленно посмотрел на Морей, словно она знала ответ. Морей улыбнулась и подняла руки вверх.

– Кое-кто считает, что одно из них – само состязание, – объяснила Ола. – Много тысяч лет Великая империя выбирала своего правителя одним и тем же способом – в кровавом поединке. Невидимую стену вокруг Арены опустили, и мужчины бросились туда, чтобы завладеть короной и скипетром и убить всех, кто станет им в этом мешать. Я видела, как в тот день лучшие, самые умные маги своего поколения погибли, превратившись в яркие, цветные облачка дыма.

Поверьте, если правильно подобрать заклинание, то человеческая плоть будет гореть пламенем любого цвета, который только можно представить, и даже тем, который вы и представить себе не можете. Арена стала кухонным котлом: там все плавилось, кипело, текло и превращалось в пар. И в этом горниле родился наш император.

– Так кто победил? – спросила Морея.

Ола на секунду опешила, но потом поняла, что девушка в самом деле этого не знает. Да и зачем рабыне-шлюхе знать имя императора? Скорее всего, читать и писать она тоже не умеет. Не каждый хозяин был настолько либерален, как Терин, бывший хозяин Олы. Хозяйка борделя сглотнула желчь, покачала головой и продолжила свой рассказ.

– К огромному стыду королевского двора, победил простолюдин из Маракора по имени Санд, – сказала Ола. – Он был землепашцем, но это не имело значения, ведь победить на Великом турнире – а значит и стать императором – может любой. Санд правит нами по сей день. Когда он наконец вышел за пределы Арены, толпа вопила так громко, что не было слышно ничего, кроме ее рева. И вот тогда, девочка, я нашла Кирина.

– Ага, точно, – Кирин кивнул, расплескав воду.

– Сначала я заметила в толпе его мать. – В голосе Олы вдруг зазвучала печаль и страсть. – Она обладала невероятной красотой, красотой принцессы. Кожа у нее была золотистая и блестящая, волосы густые, каштановые, а глаза – нежные и добрые, как у лани. Она была одета в аголе из лучшего атласа цвета слоновой кости. В руках она держала небольшой сверток, размером с пару поленьев.

Морея бросила взгляд на Кирина. Юноша нахмурился и посмотрел на мутную воду так, словно она – хрустальный шар гадалки.

Морея повернулась к Оле.

– И что было дальше?

– Какой-то мужчина подкрался к ней и задушил. Она храбро сопротивлялась, хотя в конце концов ей это не помогло, а бежать ей было некуда, понимаешь? А я не могла добраться до нее, потому что меня сдавила толпа.

– И никто не попытался ей помочь? – горько прошептал Кирин.

– Ну что ты – мы же в Кууре. Никто даже пальцем не пошевелил. Она упала в тот миг, когда толпа заревела, радуясь победе нового императора. А когда я протиснулась к ней, убийца уже скрылся. Остался только ее труп и мой мальчик – младенец, которого она держала на руках. Когда я взяла его, то, к своему удивлению, обнаружила, что он жив. Он все еще был покрыт кровью – очевидно, что малыш Кирин появился на свет именно в тот день. Если бы я не взяла его к себе, он бы наверняка умер. – Ола хитроумно ухмыльнулась. – Спасение Кирина – мое первое и единственное доброе дело, а это значит, что люди правду про них говорят.

Кирин подавил зевок.

– А что они про них говорят, мама Ола?

– Что оно никогда не остается безнаказанным! – Ола махнула в его сторону полотенцем и завывала. Кирин плеснул на нее водой. Морея быстро шагнула в сторону.

Морея недоуменно посмотрела на Олу, а затем на Кирина.

– Значит, ты в самом деле огенра?

– Чушь! – фыркнула Ола. – Что ты несешь?

Морея съезжилась, напуганная этой внезапной вспышкой гнева.

– Я не хотела...

– Морея, это просто история, – сказал Кирин. – Сказка о боге-короле. В этой части города тысяча сирот – нет, десять тысяч. И если нас как следует напоить, каждый из нас признается в том, что он – давно пропавший принц, что его жизнь – романтическая сказка о предательстве и горе. Правду я тебе уже рассказал: она состоит в том, что Сурдые нашел меня на помойке. Меня бросила мать, которой я не был нужен. – Он пожал плечами, словно это не имело значения.

Но Ола знала: Морея всегда будет сомневаться в этом. Именно ради этого Кирин все и задумал – и только по этой причине Ола ему подыграла.

– Разве я могла назвать мальчика «Кирин»? – усмехнулась Ола. – Это имя выбрал Сурдые, когда усыновил его.

– Капитан Джарит сказал, что это распространенное имя в Кирписе, – сонно заметил Кирин.

– Вот как? Вы с ним теперь закадычные друзья? – В голосе Олы появилась еле слышная нотка угрозы. Она не испытывала теплых чувств ни к страже, ни к солдатам, но больше всего – больше всего – она не любила юношей, отцы которых помнили, что когда-то она была куртизанкой.

– Он неплохой человек, хоть и солдат. Вряд ли он был бы так добр ко мне, если бы знал, чем я занимаюсь... – Кирин закрыл глаза и начал соскальзывать в ванну. Оставшееся в кубке вино полилось в воду, словно свежая кровь.

– Девочка, скорее бери его под руки. Не дай ему уйти под воду, – скомандовала Ола.

Морея, привыкшая повиноваться, схватила Кирина. Ола бесцеремонно вытащила обнаженного юношу из ванны – она была крупнее большинства куурцев, и даже Кирина.

– Ты... Ты... – потрясенно заморгала Морея.

– Успокойся, дитя. Я не отравила его, просто дала ему немного зелья. – Ола перехватила его так, чтобы ей было удобнее его нести. – Идем. Поможешь уложить его в постель.

Морея уложила юношу на большую кровать с набитой хлопком периной, на которой обычно спала только Ола.

Хозяйка борделя вынесла из ванной комнаты поднос с едой, поставила его на столик и шумно, с аппетитом принялась есть. Жестом она предложила Морее к ней присоединиться.

– Я никогда не называла себя его матерью, – объяснила Ола, – но, в общем, я его мать. Я люблю его так, словно он мой, словно он появился на свет из моей утробы. И я горжусь им так, как любая мать гордилась бы своим сыном. Я не хочу, чтобы с ним произошло несчастье. Я буду защищать его – хотя бы и от самого себя.

– Не понимаю.

– Я на это и не рассчитывала. Скажем так: он упрям. Это у него от меня. О, и еще он может показаться взбалмошным, но на самом деле он не такой. Более того, если ему в голову приходит мысль, он ее уже не отпускает. Он будет думать и думать, возвращаться к ней, пока не сотрет ее в порошок, как ветер – гору. Жаль, что его отцу не хватает рассудительности. Нельзя приказывать такому мальчику, как Кирин, забыть о приглашении верховного главнокомандующего и ждать, что мальчик подчинится. Нет, клянусь демонами! Зря Сурдые ему отказал. Если Кирина что-то запрещают, его желание добиться своего становится практически непреодолимым⁴³. – Ола завернула кусок рыбы в размякшую лепешку и принялась жевать. – М-м... соус сегодня удался.

– Почему встреча с верховным главнокомандующим – это так плохо?

Ола остановилась, не успев проглотить еду, и так взглянула на Морею, что девушка взвизгнула.

– Это плохо, а почему – я объяснять не собираюсь. Просто поверь, что о таких делах мне кое-что известно. – Выражение ее лица смягчилось. – Сегодня ночью он будет крепко спать, и от средства, которое я ему дала, у него будут жуткие сны. А утром он проснется в твоих объятиях и решит, что пропустил встречу с генералом по своей собственной вине. И тогда все будет хорошо.

Морея промолчала, но на лице у нее было написано сомнение.

– Ты ему нравишься, – сказала Ола, – поэтому ты можешь мне помочь. А я щедро награжу тебя за это.

⁴³ Значит, как я и предполагал, все дело было в паранойе?

– Что за награда?

– Мой мальчик скопил немного денег. Не спрашивай, где он их взял. Это не важно. Насколько я понимаю, у него есть кругленькая сумма, которую он хранит в Квартале Слоновой кости, у жрецов Тавриса. Он собирается купить своему папе таверну в Эамитоне, чтобы тот мог уйти на покой. Эамитон – симпатичное место, там живут хорошие люди. Недавно я нашла именно такую таверну, которая ему нужна, и купила ее, но Кирин об этом не знает. Вот я и решила, что завтра я продам Кирину эту таверну по дешевке и отправлю его туда с отцом и парой рабынь, чтобы они прислуживали посетителям и выполняли всю прочую работу. В Эамитоне рабство не одобряют⁴⁴, так что совсем скоро ты станешь свободной, и тебе даже станут платить за потраченное время и труды. И, кроме того, мальчик без ума от тебя.

– Что мне нужно сделать?

– Ничего, что тебе бы не понравилось. Только не думай, что я не вижу, как ты на него смотришь. Просто отвлеки его внимание, не давай ему слишком долго думать об общении с теми, кто выше его по положению. Для таких, как они, мы – ничто. Они нас прожуют и выплюнут.

Морея кивнула.

– Конечно, я тебе помогу.

– Отлично, отлично! Теперь раздевайся и ложись в обнимку с моим мальчиком, чтобы утром все его мысли были заняты тобой.

Ола вытерла жирные пальцы о свой аголе, подошла к кровати, на которой лежал Кирин, и посмотрела на него. В ее глазах была тревога.

– Я совершила ошибку, – прошептала Ола.

– Хозяйка, ты что-то сказала?

Ола едва не улыбнулась.

– Я сказала... А, не важно. Доживешь до моих лет, девочка, посмотришь на прожитые годы и, возможно, тебе не понравится то, что ты увидела. Я совершила много дел, которыми я не горжусь, но у меня всегда были веские причины поступить так, а не иначе. В основном я просто пыталась выжить, сводить концы с концами, защитить себя, как... как и все остальные ублюдки из Нижнего круга. Тут все – шакалы, которые ждут, когда ты оступишься. – Ола невесело и цинично рассмеялась. – Наверное, жизнь в Верхнем круге не так уж и отличается от нашей, да?

Ее черты лица смягчились, и она сказала:

– Я редко действовала из чистой злобы – если не считать одного раза. Был всего один такой случай, и вот сейчас меня настигли его последствия. Я чувствую, как они идут за мной по пятам...

Ола Натера на секунду закрыла глаза и вздрогнула.

– Можно всю жизнь смотреть на человека и ни разу его не увидеть. Но Корен, этот проклятый генерал... Эти проклятые глаза... Миллигресты никогда не были слепыми. Он поймет, что у него перед глазами, а может, уже понял.

После паузы Ола махнула в сторону постели.

– Ну? Залезай туда и как следует позаботься о моем мальчике.

Морея кивнула и развязала свой аголе. Ола бросила на нее взгляд и одобрительно хмыкнула.

⁴⁴ В Эамитоне есть несколько законов, которые сильно отличаются от куурских. Это связано с тем, что из всех провинций империи только Эамитон присоединился к империи добровольно, при полном содействии своей правительницы, богини-королевы Даны. С формальной точки зрения рабство в Эамитоне не запрещено, но поскольку никто из местных жителей, похоже, этого не понимает, то все прибывающие в провинцию рабы обычно «исчезают», а затем появляются в удаленных деревнях – причем местные утверждают, что этот человек живет там с самого рождения. Кроме того, на того, кто переселяется в Эамитон, окружающие оказывают огромное давление, требуя от него освободить своих рабов.

– По крайней мере, у него хороший вкус, – сказала она. – Наверное, это тоже от меня. С этими словами она развернулась и вышла.

Через несколько секунд Морея услышала, как открылась и закрылась входная дверь.

Танцовщица на цыпочках вышла в зал и осторожно огляделась, чтобы убедиться, что Олы действительно там нет.

– Она ушла, – раздался голос Кирина у нее за спиной. – Эта женщина весит почти триста фунтов. У нее много хороших качеств, но скрытность в их число не входит.

Морея повернулась и увидела, что Кирин встал с кровати. В свете свечей он казался золотисто-розовым существом из иного мира, сверхъестественным – прекрасным, но чужим. Для человека он выглядел слишком красивым.

Морея потянулась за своей одеждой.

– Ты подменил кубки? Ты знал, что она подмешает зелье в вино.

– Без твоей помощи мне ничего бы не удалось. Ты идеально отвлекла ее внимание. Да, это было наиболее вероятно. Ей нравится использовать траву рискорию, а виноградное вино лучше всего маскирует ее вкус. Она поит таким вином клиента, если ей нужно, чтобы он проснулся в компрометирующей ситуации и чтобы у него осталось смутное ощущение того, что ночью он занимался чем-то непотребным, – ответил Кирин с нотой разочарования в голосе.

– Останься со мной, – попросила Морея. – Не уходи.

Кирин покачал головой.

– Я должен.

– Ты же слышал, что она сказала. Похоже, этот Эамитон – хорошее местечко.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Я должен предупредить генерала насчет демона. Кроме того, капитан Джарит обещал, что сегодня расскажет мне, что стало с твоей сестрой.

Она почувствовала себя так, словно он дал ей пощечину.

– Ой.

Юноша смягчился. Выражение его лица стало почти ласковым.

– Я встречу с генералом Миллигрестом, получу награду, поговорю с ним про демона, а затем разыщу капитана Джарита и вернусь. Ола ничего не узнает, а завтра мы сделаем вид, что все прошло так, как она запланировала. С ней гораздо приятнее иметь дело, если она уверена, что добилась своего. – Кирин посмотрел по сторонам, пошарил по шкафам и вытащил одежду ярких, праздничных цветов – мешковатые штаны-кеф, жилет и шлепанцы.

– Надеюсь, они все еще мне подходят. На прошлый Новый год они были мне велики, но с тех пор я вырос.

Морея помогла ему одеться и причесала его. Она старалась не прикасаться к нему, но ее пальцы тряслись, и она подозревала, что на нее подействовал порошок «накари». Ей хотелось обнять его и поблагодарить за единственную дорогую вещь, которая у нее осталась, но она этого не сделала. Когда он вылез в окно, она уложила одеяла на постели так, словно в ней спит не один человек, а двое.

15: Пасть Жериаса

(Рассказ Кирина)

Столица Куура – портовый город, и поэтому в репертуаре Сурдые всегда были морские истории. Я прекрасно знал легенды о Мерзости – месте, где рифы, островки, мели и спокойное море поедали корабли, словно йорские ведьмы – детей. В его северной части было спокойное море без ветров и течений, где корабли не могли сдвинуться с места, а на юге – идущие навстречу течения, огромные волны и камни, о которые можно разбиться.

Кое-кто утверждал, что ванэ создали Мерзость, чтобы флоты Куура не приближались к их берегам. Другие говорили, что оно появилось после смерти давным-давно забытого бога. Мерзость осложняла судоходство и вселяла панику даже в сердца опытных моряков.

Дочери Лааки, кракены – это сказочные существа, которых можно ни разу не увидеть за всю жизнь. А вот Мерзость, напротив, была данностью, которая только и ждет, чтобы заманить в ловушку неосторожных. Ходили слухи о том, что какие-то пираты из Жериаса устроили в Мерзости свое логово, однако в них мало кто верил: любой, кому хватило глупости пойти к Мерзости, в конце концов просто станет еще одной его жертвой.

О том, сумеем ли мы вообще дойти до Мерзости, можно было спорить. С северной, куурской стороны она была наиболее опасна, но мы приближались к ней с юга. Прежде чем добраться до туманов, мы столкнулись с Пастью Жериаса – результатом сильного южного течения, которое врезалось в скалы островной гряды. Не находя нигде выхода, течение поворачивало против самого себя, создавая бурлящий водоворот, способный разбить корабль о скрытые рифы. Пасть поджидала задолго до того, как «Страдание» добралось бы до стоячих вод по другую ее сторону. Тераэт надеялся, что кракену проход через Пасть покажется слишком сложным и он повернет назад.

Я думал, что убийца слишком наивен.

Я уже не рычал, когда слышал крики Магока, который командовал гребцами. Он орал на рабов и стегал их бичом, чтобы они действовали быстрее: даже при сильном попутном ветре нам нужна была скорость. Тьенцо манипулировала течениями, чтобы замедлить нашего преследователя, но благодаря второму зрению я видел, что светящийся призрачный силуэт чудовища нас догоняет.

Мы шли уже три дня, но не могли оторваться от кракена. Сердцем и костями я чувствовал, что если оно нас поймает, то убьет всех, кто есть на борту – и свободных, и рабов. А те, кто спасется, либо утонут, либо попадут на обед к акулам, либо их сожрет Пасть. Вода вокруг корабля уже бурлила. Хуже того, корабль начал поворачиваться против ветра, который призывала Тьенцо.

Я бы мог добавить драматизма и сказать, что день выдался ненастным и жутким, однако на самом деле небо было чистым, ярко-голубым, и даже все более беспокойное море было насыщенно синего цвета. Этот день совсем не подходил для смерти. Но, с другой стороны, ни в одной истории Сурдые богиня смерти Таэна не обращала внимания на погоду.

Впервые за много месяцев я всерьез подумал о том, чтобы помолиться.

Я заметил Хамезру – она стояла у поручней и разговаривала с Тьенцо, которую я еще никогда не видел столь бледной и напуганной. Когда нужно было вызвать демона, она не дрогнула, но сейчас... Если нас не убьет кракен, то прикончит Пасть, и Тьенцо, похоже, прекрасно это осознавала. Хамезра, с другой стороны, была столь же спокойна, словно сидела в ресторане и ждала, когда ей принесут вторую чашку чая.

– Дамы, могу я с вами поговорить?

Хамезра улыбнулась, но Тьенцо фыркнула.

– Дамы? Хорошо, что ты еще не потерял чувство юмора.

Я отвесил ей экстравагантный поклон. К счастью, она искала хоть какой-нибудь способ отвлечься от мыслей о положении, в котором мы оказались, и поэтому рассмеялась – вместо того, чтобы превратить меня в рыбу. Хотя, когда появится кракен, подумал я, стать рыбой было бы полезно.

А еще лучше – маленькой рыбой.

Я указал на нашего преследователя.

– Она не отстает даже сейчас, когда мы развили такую скорость. По-моему, она с нами играет. Она нападет еще до того, как мы достигнем Пасти.

Тьенцо скривилась и позеленела.

– Если так, то она уже опоздала.

– Нет, я думаю, что мы... Что?

– Мы вошли в Пасть несколько часов назад, – шепнула Хамезра. – Ее внешние края спокойны, поэтому команда еще ничего не заподозрила. Наш единственный шанс – это осторожно подойти к ее «клыкам», обойти Глотку и с предельной точностью выйти на безопасный путь так, чтобы Старик не проснулся.

– Ты не могла бы повторить эти слова так, чтобы в них появился смысл?

Она раздраженно щелкнула зубами.

– Главный водоворот называется Глотка, но от него по спирали расходятся маленькие течения. Мы называем их «клыки». Они уничтожают большинство кораблей еще до того, как те подошли к Глотке.

– А что за Старик?

– В этих водах живут существа страшнее кракенов, – сказала Хамезра и наклонила голову, глядя на меня своими странными сине-зелеными глазами. Сначала я подумал, что они – цвета неба, но затем решил, что нет, у них цвет моря. Затем у меня появилась странная мысль о том, что глаза колдуньи-ванэ – зеркало, отражающее свет океана и земной тверди, что в доме, под землей или ночью у глаз Хамезры не будет никакого цвета.

Как бы то ни было, глаза у нее были жуткие.

– Что нам делать? – спросил я и вдруг понял, что тоже шепчу. – Если корабль разобьется, рабы утонут.

Тьенцо закатила глаза.

– Подумай о том, как спасти собственную шкуру. В Пасти может утонуть даже жериасец⁴⁵. Если корабль пойдет ко дну, мы все утонем.

Я не отводил взгляда от Хамезры.

– Я так не думаю. Если бы ты не хотела, чтобы Тераэт рассказал о безопасном проходе, ты бы заткнула ему рот. Мы идем туда, куда тебе нужно.

Старуха улыбнулась.

– Умное дитя. Ты думаешь, действительно ли Релос Вар отправил кракена в погоню за нами или его призвала я? Может, это все уловка, чтобы капитан по своей воле изменил курс и доставил нас туда, куда нам нужно? Готова ли я пожертвовать всеми этими людьми ради быстрого, незаметного пути?

Я слотнул. Она угадала все мои мысли.

– Так нельзя! Если мы потеряем корабль... – вскрикнула Тьенцо, но умолкла на полуслове, подчиняясь жесту Хамезры. Я не мог понять, применила ли она магию или просто запу-

⁴⁵ «Так же трудно, как и утопить жериасца» – простонародное выражение, обозначающее невероятно сложное дело. Полагают, что фраза появилась в ходе одной из множества войн, которую Куур вел с пиратами. Многие видели, как жериасцы просто прыгали за борт, не желая сражаться с мощным флотом Куура, а затем появлялись в Жериасе, даже если их корабли затонули в нескольких милях от берега.

гала ее. Хамезра не сводила с меня взгляда, но я обнаружил, что мне сложно посмотреть ей в глаза.

– Это так? – наконец прошептал я. – Ты позволишь всем им погибнуть?

– А ты как думаешь? – спросила она.

Я вспомнил все, что знал о Таэне. Я вспомнил лицо Тераэта, когда он смотрел на рабов, сидевших в трюме. Я вспомнил, как встревожилась Хамезра, когда я едва не умер из-за гаэша. Казалось бы, последователи богини смерти должны быть более черствыми, однако их решения постоянно меня удивляли.

– Я не думаю, что ты позволишь им умереть здесь, – наконец ответил я, – но это не значит, что кракена вызвала не ты. Ты бы сделала это, если бы он помог тебе освободить рабов.

– Значит, кракен теперь – орудие эмансипации? – Хамезра еле заметно улыбнулась. – Такого я еще не слышала. Но нет, я его не призывала, и мне кажется, что это сделал Релос Вар. Можешь мне не верить, но это правда.

– Значит, наша ситуация не изменилась: нас по-прежнему может уничтожить кракен, сожрать Пасть, или мы можем разбиться на мелях Мерзости.

– Ты забыл про Старика, – добавила Тьенцо. – Про него она еще ничего не объяснила.

– Моли богов о том, чтобы мне не пришлось этого делать. – Старуха-ванэ повернулась ко мне. – Помочь хочешь? Тогда прикрывай моего сына. Когда начнутся неприятности, кто-то непременно выкинет какую-нибудь глупость. А моему сыну сейчас нельзя отвлекаться.

– У тебя это лучше получится. У меня ведь даже оружия нет.

– Мы с Тьенцо направим нашу энергию на то, чтобы сохранить корабль в целости, когда на него будут действовать силы, выдержать которые он не в состоянии, – сказала Хамезра. – Может, ты и не овладел всеми навыками, которые принадлежат тебе по праву рождения, но способность оставаться незамеченным – твоя собственная. – Она вложила мне в руку нож. – Теперь ты – человек с ножом. Берегись, империя.

Прежде чем уйти, я посмотрел на воды океана и нахмурился. Хамезра заметила мое выражение лица и тоже повернулась.

– Началось, – сказала она.

Тьенцо взвизгнула и сделала шаг в сторону трапа. Хамезра схватила ее за руку.

– Соберись с силами, дочь, – сказала она Тьенцо. – Сегодня я с тобой. – И добавила, обращаясь ко мне: – Уходи, пока можешь.

Мы шли по участку спокойной воды, похожему на масляное пятно. Идеально гладкая вода, блестящая, словно стекло, протянулась на триста футов. Все вокруг казалось умиротворенным и безопасным.

Затем воздух наполнился грохотом. Из центра «пятна» вырвалась колонна пара и воды. Когда вода полилась обратно, она создала воронку, словно утекая через отверстие в самом дне мира. Через несколько секунд перед нами возник вращающийся, извивающийся трехсотфутовый вихрь, водоворот, утекающий в бездонную тьму.

Мы обходили его, двигались по краю пропасти. Корабль кренился, но его удерживала в равновесии магия... хм... теперь я даже знаю, какая именно. «Страдание» развил чудовищную скорость, которую не могли ему дать ни паруса, ни гребцы.

Команда это заметила. На секунду моряки умолкли, а затем крики, стоны и приказы заглушил рев водоворота.

Я огляделся по сторонам. Безумная паника еще не началась, и Тераэт может постоять за себя. Мне показалось, что у нас есть еще время, прежде чем хаос превратится в безумие, – скорее всего, это произойдет, когда команда увидит, что это был всего лишь небольшой «клык», а не сама Глотка.

А мне хотелось сначала разобраться с одним делом.

16: Генеральская награда (Рассказ Коготь)

Кирин не стал прощаться с Сурдые, но думал о нем, пока шел по извилистым улицам в сторону Верхнего круга. При других обстоятельствах Сурдые выдал бы ему сотню предположительно полезных советов о том, как вести себя в компании благородных людей. При других обстоятельствах Сурдые прочел бы ему несколько бесконечных лекций об этикете – он постоянно стремился к тому, чтобы его сын сделал карьеру музыканта. Такая точка зрения всегда казалась Кирину лицемерной, ведь Сурдые прекрасно понимал, что его успех в гильдии Гуляк зависел от склонности к магии, которую старик запрещал своему сыну развивать⁴⁶.

И Сурдые дал сыну только один совет: «Не ходи».

Кирин ни разу не задумался о том, что у Сурдые и Олы могут быть веские причины удерживать его. Он видел только то, что теперь у него появился шанс произвести впечатление на Морею, шанс получить награду за свои заслуги, а не за талант отца, шанс избавиться от демона, который – он был уверен – все еще выслеживал его. Шанс навсегда выбраться из Бархатного города и Нижнего круга.

Кроме того, Кирина одолевало любопытство.

Ночной воздух охладил огненную жару летнего дня в Кууре. Радужное мерцание Завесы Тиа и мягкий блеск всех трех лун подсвечивали небо. Тени, пошатываясь, брели по покрытой побелкой брусчатке, словно пьяница, которого возвращение домой к жене пугает больше, чем перспектива заснуть в переулке. По ночам на улицах Бархатного города было более оживленно, чем днем; ведь, в конце концов, это был квартал развлечений. Чтобы остаться неузнанными, люди кутались в плащи и закрывали лица капюшонами – грязные призраки, идущие из дома в бордель и обратно.

На большой Лестнице Грез Кирин замедлился. Он никогда еще не бывал здесь. В этом не было необходимости. В те редкие случаи, когда Сурдые брал его с собой в Квартал Слоновой кости (или позднее, когда Кирин приходил сюда сам), они всегда проходили через Ворота Молитв. Извилистая Лестница Грез была единственным путем, по которому обычные горожане могли попасть в лабиринт из аккуратно подстриженных изгородей, особняков, вилл и дворцов, – туда, где жила элита Куура. На полпути Кирин понял, что эту лестницу намеренно сделали столь устрашающе длинной и крутой. Аристократы прибывали сюда в экипажах или на носилках – через частные ворота. По лестнице поднимались только простолюдины – и на место назначения они прибывали, задыхаясь и присмирив.

Он заподозрил неладное, когда стражники, стоявшие на верхней площадке лестницы, узнали его. Они – как и обещал капитан Джарит – поджидали его. Ему выделили эскорт, тем самым лишая его возможности «потеряться» по пути к поместью Миллигрестов. В обычных обстоятельствах он бы разозлился на то, что с ним так нянчатся, но сейчас он был им благодарен. Без стражников он бы опоздал или вообще не нашел нужный дом. Эти стражники, в отличие от тех, с которыми он привык иметь дело, были вежливые, чистые и вели себя сдержанно. И Кирин не знал, как к этому относиться.

Поместье Миллигрестов находилось в Рубиновом квартале: Кирин понял это, поскольку магические фонари (на улицах горели магические фонари) были красного цвета. Он знал, что Красные люди – гильдия кузнецов – хранят верность этому королевскому дому. А вот названия этого дома он не знал⁴⁷.

⁴⁶ Поскольку лицензии у него не было, с формальной точки зрения Кирина можно считать колдуном.

⁴⁷ Дом де Тал.

Кирин знал, что королевские дома Двора Самоцветов несут на себе печать божественной милости, что боги благословили их, и только их. И хотя каждый из двенадцати домов можно было опознать по какому-то бессмысленному гербу, у каждого из них был особый знак – цвет одного из драгоценных камней.

Кирин знал, что знак дома де Джоракс – радуга, что у людей из этого дома глаза цвета опалов и что им подчиняются Гуляки. Раз в год Сурдые платил этой гильдии взнос за членство и разрешение выступать. Кроме того, Кирин знал, что знак дома де Эринва – аметист, потому что де Эринва управляли гильдией Сборщиков, которым платил взносы Мягкобрюх. Практически все, кроме Ночных Танцоров, считали, что главная власть принадлежит Сборщикам.

Кирин знал, что многие, если не почти все, гильдии в той или иной степени подчиняются королевским домам, но кому – какие, он так и не выяснил.

Голубоглазый аристократ, которого Морея приняла за его родственника, почти наверняка принадлежал к одному из королевских домов. Однако Кирин не смог вспомнить, к какому именно дому принадлежал этот негодяй. Означает ли синий цвет то, что он – врачеватель? Кирин понятия не имел, кто управляет синими домами, где люди меняли деньги на лечение.

Он впервые в жизни задумался о том, почему его отец, который всегда попрекал его за то, что он не учится и не репетирует, настолько пренебрег его образованием в данной области.

17: Пробуждение Старика (Рассказ Кирина)

На огромной скорости мы обогнули «клык». Корабль кренился под таким углом, на который его создатели не рассчитывали, шел на скорости, для которой не был предназначен. Может, более изящный военный корабль и справился бы с такой нагрузкой, но «Страдание» был неповоротливым кораблем работарговцев. Он стонал, и я испугался, что он развалится на части еще до того, как мы доберемся до настоящих опасностей, несмотря на магию Тьенцо и Хамезры. Мы дважды обогнули водоворот, прежде чем он нас выплюнул. Обшивка и мачты корабля завизжали, когда по левому борту появился еще один «клык». Он закружил нас в противоположном направлении.

На палубе я столкнулся с Делоном, первым помощником капитана. Идти по кораблю, который раскачивается, словно «бархатная» девушка в постели, было тяжело. Я же не виноват, что приступ неуклюжести застиг меня рядом с ним, верно?

– Будь ты проклят, парень!

– Извини, – ответил я.

– Дурак. Держись за что-нибудь! – Делон вылез на мостик. Я посмотрел ему вслед, ухмыльнулся и подбросил на ладони ключи от трюма, в котором сидели рабы.

Может, мы и не выберемся из этой переделки, но будь я проклят, если позволю этим рабам умереть в крошечных клетках, словно рыбе, попавшей в сети.

Новый «клык» оказался ничуть не более нежным, чем предыдущий, но скорость наша увеличилась еще больше, и «Страдание» был этим недоволен. Палуба выгибалась у меня под ногами. Мачта начала крениться.

– Таджа, не дай кораблю развалиться, – буркнул я. – И сделай так, чтобы Делон не смотрел в мою сторону.

Я встал на колени и замерзшими руками отпер тяжелый железный замок на решетке, закрывавшей вход в трюм.

Все остальное было просто. Команда «Страдания» замороженно следила за водоворотом и думала лишь о неминуемой гибели. Никто не обращал внимания на подростка, который бродил по трюму, открывая клетки с рабами. Некоторые из них тарасились на меня, не веря своим глазам. Большинство, к моему огорчению, забились в угол подальше от двери, заподозрив подвох. Я кричал им, чтобы они выбирались наружу, но вряд ли они понимали мои слова – если вообще могли слышать меня за шумом, который издавал «Страдание».

Настоящее испытание поджидало меня не в трюме, но на палубе для гребцов. Там каждый раб был прикован к своей скамье и на каждом были кандалы. Весла убрали, чтобы не мешать кораблю маневрировать, но гребцов оставили на палубе. Несколько месяцев я гостил на этой восхитительной палубе для гребцов и вставал со своей крошечной скамейки в самом углу, только когда меня допрашивали, когда меня пороли, когда делали мой гаэш.

В маленьком коридоре, который вел к палубе гребцов, было холодно. Тяжелая железная дверь заскрипела, когда я открыл ее. Внутри, в полутьме, рабы сжимали свои весла. Они не знали, какой ужас их ждет, но были уверены в его неизбежности.

Я с удивлением увидел Магока, начальника гребцов, который порол каждого раба, который посмел выбиться из ритма. Сейчас этот великан лежал в углу и плакал.

Я обещал себе, что убью Магока. Я собирался это сделать, но не смог заставить себя убить человека, который лежал, обхватив руками колени, едва не обделавшись от страха. Не обращая на него внимания, я принялся снимать кандалы с гребцов. Снаружи что-то завывало – то ли ветер, то ли сам корабль, который шел с чудовищной скоростью. Люди, прикованные к своим

скамьям, едва могли встать. Мы не сказали друг другу ни слова, но это не имело значения: рев ветра унес бы любые слова раньше, чем их удалось бы разобрать.

Когда я покончил с замками, то понял, что дрожу не от страха и не от холода. Я коснулся Кандального камня: на ощупь он был словно ледяная глыба. Один из рабов жестом предупредил меня об опасности, и сабля Делона разрубила воздух в том месте, где я только что стоял.

Делон заорал на меня. Слов я не расслышал, но было ясно, что он мной недоволен.

Он снова замахнулся, но в этот момент корабль резко дернулся. Что-то заслонило собой иллюминаторы, и в трюме все потемнело. Делон промахнулся, и лезвие его сабли застряло в деревянной скамье. До меня донесся шум, шарканье ног и чьи-то вопли.

Что-то отодвинулось от иллюминатора, и внутрь проник крошечный луч света. Я увидел, что один из гребцов душил Делона своей цепью.

Забавно. Может, мускулы на ногах гребцов и ослабели от долгого бездействия, но выше пояса гребцы были невероятно крепкие. Мало кто на борту «Страдания» любил Делона. Рабы ненавидели его даже больше, чем Магока.

Я не стал смотреть на то, что они с ним сделают. Я понял, что на мгновение заслонило иллюминатор, и пришел к выводу, что у нас большие неприятности.

Это было щупальце.

Выбежав на палубу, я заметил, что у щупалец, которые обернулись вокруг «Страдания», нет ни одной присоски. Вместо них были зубы – жуткие, загнутые кусочки кости, хитина или другого острого, словно бритва, материала, который резал дерево, словно лезвие топора.

Я упоминаю об этом потому, что щупальца никак не улучшали прочность корабля, обматываясь вокруг мачты и корпуса.

В других обстоятельствах, я уверен, матросы набросились бы на эти щупальца с мечами и гарпунами. Но вместо этого они вцепились в поручни и что есть сил визжали. Корабль опасно накренился. Я подумал, что мы, наверное, проходим рядом с особо опасным «клыком».

Но это было не так. Мы попали в Глотку.

Корабль наклонился так, что половина неба превратилась во вращающийся вихрь. Водоворот был шириной в милю, и в его центре находилась бездна – возможно, вход в самую преисподнюю.

– О, Таджа, – прошептал я.

Мы вращались слишком быстро, и казалось, в любую секунду можем потерять равновесие и рухнуть в пропасть. Ветер трепал меня так, словно хотел лично туда отправить.

Цепляясь за канаты, я дополз до главной палубы. Тераэт балансировал на руле: одной ногой он уперся в старнпост, другой ногой правил кораблем. Одна рука находилась у него за спиной, а вторую он выставил вверх, считая на пальцах. Водоворот и ураганный ветер, похоже, беспокоили его не больше, чем вода – рыбу.

Это меня разозлило.

– Не знаю, может, ты не заметил, – завопил я, перекрикивая шум, – но в корабль вцепился кракен!

Тераэт кивнул.

– Она хочет, чтобы мы ее подвезли. Она знает, что водоворот порвет ее на куски, и думает, что ее единственный шанс уцелеть – это поехать вместе с нами.

– Она знает? Она ДУМАЕТ?

– Разумеется, она же дочь богини.

– Зря ты мне об этом напомнил. – Я осмотрелся по сторонам. – Капитан Джувал прижался к лестнице, которая вела к кубрикам, и, возможно, молился. – Мы выберемся?

– Три, – сказал Тераэт и выставил еще один палец.

– Наверняка мы что-то можем сделать. Когда выйдем из водоворота, кракен разорвет нас в клочья!

– Пой.

– ЧТО? – завопил я.

– Аукционист сказал, что ты учился музыке! – крикнул Тераэт. – Так пой. Пой, словно от этого зависит твоя жизнь!

– Как нам это поможет?

– Четыре! – Тераэт выставил еще один палец.

Корабль вращался все быстрее и шел все выше по краю. В какой-то момент нас выбросит обратно. Мысль об этом должна была меня утешить, но я помнил про скалистые отмели Мерзости, которые ждали нас на севере. Если мы не выйдем из водоворота идеально, нас разобьет в щепки.

– ЗАЧЕМ мне петь?

– Так ты разбудишь Старика.

– А я думал, что это ПЛОХО!

– Всегда есть шанс, что тебе удастся его позабавить. Пой уже!

– Меня никто не слышит! Я кричу, но едва слышу сам себя!

– Он тебя услышит. ПОЙ! – Тераэт выставил сжатый кулак. – ПЯТЬ!

В «Разорванной вуали» мне приходилось петь в странных ситуациях, но там я обычно развлекал клиентов, а не боролся со страхом неминуемой смерти. Кроме того, камень на моей шее стал горячим, обжигаяще горячим.

Я выбрал первую песню, которая пришла на ум, потому что именно ее я в последний раз исполнял на публике. Мне показалось странным, что я пою, не аккомпанируя себе на своей арфе «Валатэ».

Я поведаю вам историю
О четырех братьях,
Красном, желтом, фиолетовом и синем,
Которые когда-то
Владели всей землей и морем.
Красный, желтый, фиолетовый и синий...

– Отлично! – крикнул Тераэт. – Пой дальше! Шесть! ДАВАЙ!

Словно подчиняясь приказу Тераэта, Пасть отбросила нас подальше от отверстия. Я никогда в жизни не путешествовал с такой головокружительной, чудовищной скоростью. Мы вылетели из Пасти. Как только водоворот оказался позади, я услышал вопли моряков: кракен задвигался.

Однажды они увидели паруса
Одной и той же прекрасной дамы.
Красный, желтый, фиолетовый и синий.
И каждый из них поклялся,
Что возьмет ее в жены,
Красный, желтый, фиолетовый и синий...

Мы понеслись к скалам Мерзости. Нас чудом не порвало на части, но, к сожалению, мы направлялись к небольшому скалистому островку – достаточно большому и твердому, который с нами разделается.

Остров открыл глаза.

Я увидел его, и воздух застрял у меня в глотке.

– Пой дальше! – яростно шепнул Тераэт.

Я проглотил страх и продолжил петь.

«Откажись от своей клятвы!» –
Кричали они друг на друга.
Красный, желтый, фиолетовый и синий.
И каждый вопил в ответ:
«Она не будет принадлежать кому-то другому!»
Красный, желтый, фиолетовый и синий...

– О боги! – воскликнул Джувал, вылезая на палубу. – Что ты... Это... Мы должны повернуть назад.

– Назад дороги нет, – ответил Тераэт. – Если повернем, Старик погонится за нами. Ему нравится, когда жертва убегает.

Пока я пел, остров развернулся и стряхнул с себя накопленные за много лет грязь и пыль. Голова его оказалась волнистой, извилистой, с огромной массой мышц, сухожилий и тусклых крапчатых чешуй.

– Лично я выбираю кракена! – крикнул Джувал. – С ним хотя бы можно сражаться. Но ты же ведешь нас на проклятого ДРАКОНА!

Так оно и было.

Дракон был черный, словно сажа, цвета густого угольного пепла. Промежутки между чешуями светились и мигали, словно чешуя едва могла сдержать таящийся внутри ад.

В его глазах горел огонь, который не увидишь ни в одной кузнице.

Сколько я слышал историй о драконах – о том, какие они большие, свирепые, опасные и жуткие, – и ни одна из них не соответствовала действительности. Это существо могло бы уничтожить целые армии. Ни у одного идиота с копьем на лошади не было бы шансов в бою с ним.

Подняли они свои флаги
И приготовились к войне.
Красный, желтый, фиолетовый и синий.
Битва была жуткой,
Кровь залила поля.
Красный, желтый, фиолетовый и синий.
А когда все закончилось,
Все матери зарыдали.
Красный, желтый, фиолетовый и синий.

– Отойди, капитан, иначе ты так и не узнаешь, выживем ли мы. – Голос Тераэта был мягкий, спокойный и угрожающий.

Я не стал на них смотреть. А что я мог сделать? Я пел. Я слышал, как они спорят у меня за спиной, как вопят матросы, сражающиеся с кракеном. Это была грандиозная какофония, и я не верил в то, что дракон способен различать источники всего этого шума.

Дракон открыл свою пасть. Поначалу я ничего не услышал, но затем в меня врезалась волна грохочущего рыка. По воде пошли круги, камни раскалывались и отламывались от островов, сама древесина «Страдания» забилась в унисон. Дракон не отводил глаз от корабля, все еще сближаясь с ним на огромной скорости, и я не мог отделаться от ужасного ощущения, что он смотрит прямо на меня. Крики вокруг меня достигли своего крещендо, и кто-то крикнул:

– О боги! Эта тварь уже на корабле!

В том, что я не обернулся, виноват дракон, завладевший моим вниманием. Отвернуться от дракона невозможно: он либо исчезнет, либо уничтожит тебя.

А вот Тераэт, должно быть, отвернулся, и Джувал решил, что у него есть шанс. Если честно, то я не знаю, о чем думал капитан. Возможно, им управляла слепая паника.

Я услышал шум борьбы, чье-то рычание, лязг металла. А затем раздался звук, который невозможно забыть или с чем-то спутать: бульканье крови, вытекающей из перерезанного горла.

– Глупец, – пробурчал Тераэт.

Тогда прекрасная дама подошла
К тому месту резни, устроенной из-за кровавых страхов,
Красный, желтый, фиолетовый и голубой,
Она сказала: «Никого из вас я не возьму в мужья!
Вы предали мою любовь!»
Красный, желтый, фиолетовый и голубой...

Дракон закричал на другой ноте. Я почувствовал, как его песня касается моей кожи, эхом отзывается в моих барабанных перепонках, вибрирует в моих костях. Это был физический шок, осязаемое наслаждение.

Он пел.

Дракон пел вместе со мной.

Затем она взлетела на небо
И остается там до сих пор.
Красный, желтый, фиолетовый и голубой...

За моей спиной кто-то снова завопил. Кракен разбросал людей по палубе, пытаюсь вскрыть трюм. Раздался оглушительный треск, словно какой-то великан ломал деревья на растопку.

И в ясную ночь можно увидеть,
Как раздуваются ее паруса...

– Таэна! – завопил Тераэт и сбил меня с ног. На то место, где я только что стоял, упала мачта.

Я так и не научился петь, когда из меня вышибают дух, и поэтому умолк.

И дракону это совсем не понравилось.

Он взмыл в воздух и издал яростный вопль, от которого раскалывались уши. Его огромные крылья заслонили собой солнце. Это огромное существо добралось до корабля менее чем за три секунды. Я недооценил его размеры. Возможно, он уместился бы на Великой арене в столице Куура, но только если бы свернулся клубочком, словно кошка.

Старик пролетел над нами, и его тень укутала корабль, словно шелковый плащ. От дракона пахло серой и пеплом, горячей вонью печи и плавящегося железа. Пролетая, он лениво вытянул лапу и схватил кракена – вместе с досками палубы, за которые он цеплялся. Дракон подбросил дочь Лааки в воздух, словно клубок шерсти, идохнул на нее раскаленным докрасна пеплом⁴⁸.

⁴⁸ Свидетели, видевшие извержение вулкана на горе Дайнис в самой южной части Хорвеша, утверждают, что основной причиной смерти стали не лава и не огромные камни, вылетавшие из вулкана, а поток из горячих газов и обломков, который

Наверняка вы слышали истории про огнедышащих драконов, но, поверьте, на самом деле все было гораздо хуже. Дракон извергал из себя не тот огонь, который можно увидеть на кухне или в кузнице, и не тот, что появляется при трении двух палочек друг о друга, и это было даже не магическое пламя, которое создают колдуны. Это был пепел тысячи печей, нагретый до такой степени, что он мог бы плавить металл, нагретый до белого каления. И летел он со скоростью тайфуна. Жар плавил, пепел все разъедал, и огненное облако выжигало весь воздух, так что дышать было нечем.

У кракена не было шансов.

Дракон проглотил обугленную, искореженную массу плоти, не дав ей упасть обратно в море.

Затем он развернулся, чтобы разобраться с нами.

Тераэт встал, и я тоже. Корабль начал крениться, и, хуже того, на палубу вышли Хамезра и Тьенцо. Раз две волшебницы здесь, значит положение дел совсем уж безнадежное и разобраться с драконом сейчас важнее, чем поддерживать корабль на плаву.

– О боги, Релос Вар... – прошептал я. – Сейчас сюда явится Релос Вар.

– Остров уже близко. Там мы будем в безопасности. Он посвящен Таэне, Релос Вар не посмеет показаться в одном из центров ее силы.

– А если я спою, это поможет?

– Скорее всего, нет. Будем надеяться, что ты уже привел Старика в хорошее настроение.

– А что будет, если он в хорошем настроении?

– Он улетит.

– А если он в плохом настроении?

– Тогда он испепелит всех нас за то, что мы посмели его разбудить.

Я посмотрел по сторонам.

– Если он собирается нас уничтожить, пусть поторапливается. Корабль ведь тонет. – Когда дракон оторвал кракена от корабля, в корпусе появились пробоины и в трюм хлынула вода.

Тераэт отвел взгляд от приближающегося дракона и посмотрел на тонущее судно.

– Проклятье.

– **Он мне нужен.**

Голос дракона был громкий и гулкий, не похожий на те звуки, которые издают животные. Я ожидал, что он будет шипеть, словно рептилия, но у него был скрежещущий шум стихий, подражающий речи.

– **Отдай его мне, и я спасу твой корабль.**

– Да, но обещаешь ли ты кормить меня каждый день и заботиться обо мне? – пробурчал я.

– Ты ему нравишься. Это хорошо, – сказал Тераэт.

– Да, я чувствую эту мощную любовь. – Я посмотрел в сторону кормы. – Клянусь Таджей, надеюсь, что эти люди умеют плавать. – Я отклонился назад, чтобы сохранить равновесие.

Тело Джувала медленно скользило по палубе. Тьенцо тоже начала соскальзывать, но Тераэт схватил ее за руку. Она странно на него посмотрела, но возражать не стала.

– Ты его не получишь. Он важен для меня, – ответила Хамезра. Я перевел взгляд с нее на дракона. Ее голос...

– **Я не причиню ему вреда, матушка.**

– Я сказала «нет».

– «Матушка»? – одними губами спросил я, глядя на Тераэта.

Уголок рта убийцы дернулся.

– Ее все так называют, – ответил Тераэт.

Я покачал головой. Нет, это было не просто вежливое обращение. Я никогда не слышал такого голоса, как у Хамезры, – ровно до тех пор, пока не заговорил дракон.

– **Отдай его мне, или я...**

Но их торговля слишком затянулась. «Страдание» потерпел слишком большой урон во время нашего бегства; снова раздался треск, гораздо громче первого, и корабль разломился пополам. Нижняя часть ушла на дно, а верхняя шлепнулась о воду. Палуба ушла у меня из-под ног, и на секунду я почувствовал себя в невесомости.

Вода накрыла меня с головой. Звук исчез, потом вернулся в виде приглушенного рева. Пока корабль тонул, мощное течение потянуло меня вниз, и я оказался в ловушке, из которой не мог выбраться. Я пытался плыть вверх, но свет над моей головой тускнел и удалялся все больше.

Вода показалась мне более теплой, чем я ожидал, но, возможно, все дело было в пышущем жаром камне, который висел у меня на шее.

Огромная лапа взрезала океан и выхватила меня из воды. Я оказался в клетке из гигантских когтей. Последнее, что я запомнил, – это острые запахи молнии и морской воды и глядящий на меня глаз огромного черного дракона. С чешуи дракона свисали водоросли. Наиболее четко я помню, что глаз был не желтый и не сверкающий, как у Старика, а синий. А может, зеленый.

А может, у него вообще не было цвета и он просто отражал то, что находилось вокруг.

18: Что узнал Джарит (Рассказ Коготь)

Прочные кованые ворота поместья Миллигрестов украшал вычурный меч из красного металла. За оградой раскинулась широкая, идеально подстриженная лужайка, к которой примыкали площадки для фехтования и верховой езды, а также конюшня. Цветы здесь росли на невысоких грядках, о которые не споткнутся стражники и за которыми не спрячется чужак. По обеим сторонам главной дорожки, словно солдаты, стоящие по стойке «смирно», росли пальмы. Сам особняк оказался на удивление скромным: невзрачное трехэтажное здание, покрытое оранжевой штукатуркой, с зубчатым верхом и четырьмя башнями по углам. Он больше напоминал крепость, чем дворец: ни одного окна и только одна тяжелая входная дверь. В стенах даже были бойницы.

Эскорт передал Кирина на попечение другой группе солдат, которая привела его к главным воротам и отдала третьей. Солдаты провели его через дом во внутренний дворик, где били фонтаны и цвели апельсиновые деревья.

Солдаты приказали Кирину подождать и ушли.

Дворик был сердцем дома: на него выходили балконы на втором и третьем этажах, а на первом виднелись широкие арки. В центре дворика стояли плетенные из тростника стулья и стол, создавая место для дружеских встреч. Стена, располагавшаяся ближе всего к входной двери, была плоской и глухой, но кто-то давным-давно нарисовал на ней большую фреску со множеством деталей.

Кирин вытер потные ладони о разноцветные штаны и взглянул на фреску. На этой эпической картине были изображены куурские солдаты в доспехах; они сражались с ванэ из Манола, которые стреляли в них из луков и применяли против них магию. Кирин удивленно заморгал, вдруг сообразив, что куурцы на картине терпят поражение, – и это еще мягко сказано.

Скорее, ванэ устроили куурцам резню.

– «Погибель Кандора»⁴⁹, – сказал молодой женский голос. – Шедевр великой художницы Фелиции Насинте, созданный по заказу Лариса Миллигреста Четвертого. Прекрасная картина, не правда ли?

Кирин оглянулся, затем посмотрел вверх. На балконе второго этажа стояла девочка его возраста.

Она была одета в костюм конюха: грязные желто-коричневые штаны-«кеф» и короткий, туго зашнурованный жилет, который, возможно, когда-то был из белой парусины – пока она не повалялась в нем в грязи. Свои длинные черные волосы она заплела в две косы и увила их темно-золотыми лентами, которые были чуть светлее, чем ее карие глаза. Даже грязные разводы на лице и расцветающий на щеке синяк не умаляли ее очарования. Кирин, начинающий знаток женской красоты, предполагал, что она станет еще красивее, когда повзрослеет. Пройдет еще несколько лет, и любой мужчина будет счастлив носить ей поноску или переворачиваться брюхом кверху, а она будет командовать им так же легко, как сейчас достает из ножен висевший у нее на поясе меч с кривым лезвием.

– Впечатляет, – согласился Кирин, – если, конечно, тебе нравятся сцены сражений.

– Они лучше всего. Кроме того, это не просто битва, а самое важное событие в истории моей семьи. Ты знал, что мы приходим от императора Атрина Кандора?

⁴⁹ Шедевр Фелиции Насинте «Похищение Торис», к сожалению, уничтожен, однако другие ее работы – в частности, «Разгром моргаджей», «Сватовство к дочери герцога» и «Роза для Таэны» выставлены в герцогском дворце Хорвеша. Крайне рекомендую взглянуть на них, если у вас появится такая возможность.

Кирин снова посмотрел на картину. Кандор на ней в самом деле присутствовал – по крайней мере, там был человек в доспехах и с короной на голове. Кто-то всадил ему прямо в грудь черную стрелу, и из его руки падал большой сияющий меч. Уртанриэль, Погибель королей.

– Нет, не знал. – Кирин повернулся к ней. – Это ведь он уничтожил почти всех жителей Хорвеша?

– Это было давно. – Девочка перегнулась через перила. – А твой отец знает, что ты одет, словно уличный музыкант?

– Да, знает. А твоя мать знает, что не надо так заплетать косы? Люди подумают, что ты девочка.

Девочка рассмеялась.

– Ты смелее, чем я ожидала. Я думала, что ты больше похож на девицу, которая вечно готова упасть в обморок. Приходи на площадку для фехтования, тогда узнаешь, какая я девочка. Вышлю тебе как следует. Если будем биться об заклад, то ты без штанов останешься.

Кирин не был настроен флиртовать, но такую возможность он упустить не мог.

– Не шути с такими вещами. Кто знает, вдруг мне понравится?

Девочка покраснела – но это был не настоящий стыд, и из ее прекрасных глаз не исчезла смешинка.

– Если тебе не понравится, значит, мы делали все не так, – наконец ответила она – немного смущенно, словно она еще только учится флирту и еще не совсем твердо знает свои реплики. Затем она вздохнула: – Отцу бы мои слова не понравились. Он бы сказал, что я веду себя неприлично.

– Почему-то я сомневаюсь, что ты занимаешься только тем, что прилично – в таком-то костюме.

– Эледора, разве ты не должна тренироваться? – спросил капитан Джарит, выходя на двор через боковую дверь.

Девочка скорчила гримасу и тихо, жалобно вздохнула, словно прирожденная великомученица.

– Я просто...

– Живо, Дори.

– Да, Джарит, – пробурчала она и скрылась в одном из боковых коридоров, но перед этим успела подмигнуть Кирину.

Джарит покачал головой.

– Хорошо, что я тебя спас. Задержись я минут на пятнадцать, она утащила бы тебя на одну из площадок и стала бы фехтовать с тобой на раздевание.

– Большинство мужчин поддались бы ей, – ухмыльнулся Кирин.

– Да, но вряд ли главнокомандующий обрадуется, узнав о том, что его гордость и отрада играет в подобные игры с сыном музыканта из Нижнего круга. Это было бы более опасно для твоего здоровья, чем встреча с принцем демонов.

Во рту у Кирина пересохло.

– Она – дочь главнокомандующего?

– Да, так что выбрось из головы все недостойные мысли. Лично мне еще не приходится отбиваться от невест, но я уже вижу, что скоро этот день настанет. Пожалуй, женюсь на простолюдинке – хотя бы для того, чтобы послушать яростные вопли матерей из королевских домов, которые пытаются поймать меня в свои сети.

Внезапно Кирин почувствовал себя полным тупицей.

– Ты – тоже Миллигрест?

– А как, по-твоему, я так быстро дослужился до капитана? В великой столице нашего государства все построено на протекции, – с неожиданной горечью сказал Джарит.

– Проклятье. – Кирин поморщился. – Я сильно увяз, да?

– Так глубоко, что пора лопату нести. – Джарит улыбнулся. – Но да, она действительно одета, словно мальчик с конюшни. Пожалуй, это комплимент ей – то, что ты разглядел ее красоту за слоем грязи на лице. Обычно мужчины ухаживают за Эледорой, рассчитывая воспользоваться связями ее отца. – Капитан Джарит обвел рукой особняк. – Моя семья находится в странной ситуации. Мы – не королевский дом, но столько моих родственников занимали высокие должности – были Голосами Совета, генералами и так далее, – что мы практически равны монархам. Те, кто мечтает о власти, угождают нам, хотя мы – хорвешцы и обычаи у нас жуткие.

Кирин неловко переступил с ноги на ногу.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

Джарит минуту подумал, прикусив губу.

– Ты смело действовал в бою с демоном и снова показал себя храбрецом, попросив меня найти ту рабыню. Наверное, я не хочу, чтобы у тебя сложилось дурное мнение о нас.

– С чего бы это? – Кирин умолк. – Сестра Мореи? Ты что-то выяснил про Талею?

– Мне очень жаль, – ответил Джарит.

Кирин заскрежетал зубами и отвернулся.

– Она умерла?

– Можно считать, что да. Ее продали человеку, который считает пытки одним из своих любимых развлечений. Судьба его рабов незавидна.

– Я мог бы ее выкупить.

– У тебя не хватит денег.

– Откуда ты знаешь?

Джарит вздохнул.

– Я знаю. Неважно, сколько у тебя денег. Их все равно слишком мало. Будь ты даже принцем, это все равно ничего не изменило бы. Дарзин де Мон пригласит тебя к себе в гости и предложит отдать девушку, а затем запытает ее до смерти, просто чтобы увидеть твое лицо. Он обожает ломать людей. Мне стыдно думать о том, что мы с ним одной крови.

– Ты о чем?

– Он – мой двоюродный брат. – Джарит Миллигрест покачал головой. – Мы – гордый род, и наша история... – Он указал на фреску. – Мы жили и умирали, служа Империи. Он – пятно на репутации нашей семьи, но, по крайней мере, он носит другое имя. К сожалению, рабыню он приобрел по закону. И если он захочет ее убить, мы никак не сможем ему помешать.

– Это неправильно. Он может просто убить ее, а ты будешь сидеть сложа руки?

– По закону она – не человек, и поэтому это не будет считаться убийством. – Джарит покачал головой. – Прости. Если бы ее купил кто-то другой, я бы мог надавить на него, использовать влияние своего отца. Но если за нее попрошу я, то тем самым подпишу ей смертный приговор. Мой двоюродный брат любит меня не больше, чем я его, и он убьет эту девушку хотя бы для того, чтобы досадить мне.

Кирин закрыл глаза и стиснул кулаки. Во рту у него был вкус желчи и ненависти. Он посмотрел на фреску – на мертвых, искалеченных солдат Куура. Воины умирали. Они были пешками в игре, которую они не понимали. Скорее всего, они не хотели в ней участвовать, но это их не спасло.

Джарит хлопнул его по плечу.

– Идем. У нас хорошая библиотека и крепкий имбирный бренди, который после такого дня пойдет тебе на пользу. Подождешь там, пока отец не будет готов поговорить с тобой.

Кирин кивнул и пошел в дом вслед за Джаритом.

19: Сон о богине (Рассказ Кирина)

Я очнулся в одиночестве, лежа на циновке из тростника. Пещеру, в которой я находился, наполнял сырой звук воды, капающей с камня...

Нет, подожди.

Я забегая вперед. Сначала нужно рассказать тебе про сон. Хотя, наверное, это был не сон. С формальной точки зрения, я больше не вижу снов – с тех пор, как сделали мой газли. Мои ночи – черные, в них нет ничего – с той секунды, как я закрываю глаза, и до тех пор, когда я открываю их утром.

Поэтому это не мог быть сон.

Однако в промежутке между утоплением и новым пробуждением я испытал нечто, похожее на сон.

И это точно была не галлюцинация.

В моих ушах раздавался рев, ритмичный звук, который наступал и отступал под натиском моего пульса. На мгновение мне показалось, что этот шум и есть биение моего сердца. Я улыбнулся – ведь этот звук доказывал, что мое сердце бьется. Я еще жив.

Поверь, осознание того, что ты еще жив, когда должен быть мертв, – наслаждение, которое никогда не надоедает.

Затем я вспомнил про дракона. Я открыл глаза, выплюнул песок изо рта и огляделся. Я лежал ничком на песке, и волны с грохотом ударялись о скалы и берег вокруг меня.

Песок под пальцами был странный – мелкий, черный и блестящий, словно измельченный оникс. Я увидел скалы и плотный белый туман вдаль, в море, и яркую зелень джунглей чуть дальше от берега. Джунгли возвышались вдаль, ползли по бокам горы, вершину которой закрывали густые облака.

Сначала мне показалось, что берег пуст, но затем я изменил свое мнение: сквозь белую пену прибоя, нагибаясь и разглядывая камни, брела девочка.

Ей было лет шесть, не больше. Ее плотные и густые ярко-серебристые локоны поблескивали на солнце. За девочкой по воде тянулся подол маракорской рубашки.

– Привет? – Я попытался встать и с удовольствием выяснил, что могу это сделать.

На корабле никого, похожего на нее, я не видел. Она была похожа на человека – ну, то есть в общих чертах. Металлический цвет волос намекал на ее принадлежность к другому народу.

Пока я шел к ней, то кое-что заметил. Волны бежали назад, но там, где вода должна была остановиться и снова хлынуть на берег, она продолжала отступление. Весь океан решил, что он хочет оказаться как можно дальше от острова. Увидев лежащие на песке раковины моллюсков и подпрыгивающую, сбиту с толку рыбу, девочка заверещала.

– Нет, тут что-то не так, – пробурчал я. *Что здесь не так?*

Истории об океане. Истории, которые Сурдые рассказывал, когда я был еще маленьким, истории о смертельно опасных волнах...

– Уходи оттуда!

– Рыбки! – девочка указала вниз.

– НЕТ! Отойти от воды! – Я побежал к ней. Мы были близко, слишком близко к океану.

Когда я подхватил ее на руки, вода начала строить стену. Эта стена росла все выше и выше, а я мог лишь смотреть на нее, понимая, что опоздал. Я не успею добежать до безопасного места до того, как на нас обрушится волна.

Волна была огромная, черная. Она состояла из самых темных глубинных вод океанической бездны. Волна поднялась так высоко, что закрыла собой свет. Я закрыл глаза и отвернулся.

Я стоял у берега – и, что примечательно, меня не смыло волной и я не умер.

Только не думай, что я не был благодарен. Нет, просто меня это удивило.

Я оглянулся и посмотрел на волну. Вода застыла в воздухе, она стала абсолютно неподвижной. Она не росла и не уменьшалась; она нависла над землей, словно рок, который в последнюю минуту передумал и еще не вполне решил, кого он хочет уничтожить.

Девочка показала волне язык и издала неприличный звук.

– Ты не ранена? – Я посмотрел на девочку, затем снова на волну. – Почему она не падает?

Девочка обхватила меня руками и слюняво поцеловала в щеку. От нее пахло сладкими ванильными кексами, которые плавают во взбитых сливках.

– Глупыш, она падает. Но слишком медленно, вот ты и не замечаешь. Она уже давно-о-о падает. – Девочка извивалась у меня в руках, словно кошка, которая хочет, чтобы ее отпустили. Я поставил ее на землю, и она ускакала обратно к мокрому песку и принялась ахать над морскими звездами.

– Я не... – Я покачал головой. – Я не понимаю.

– Это ничего. Для тебя прошло уже много времени, и поэтому ты уже не помнишь. Сложно увидеть что-то настолько большое или старое. Большинство людей вообще ее не видят, и не увидят, пока она не обрушится. А это произойдет быстро. Очень быстро. И тогда... – Она разбросала вокруг себя песок. – Тогда она смоем все.

– Когда это произойдет?

– Ждать осталось недолго. – Девочка наклонилась и подобрала раковину. – Морская спираль. Красивая. На свете нет двух одинаковых. Их форма зависит от случая. От волн, песка, солнца, ветра.

– Напомни, кто ты?

Девочка ухмыльнулась.

– Ты уже знаешь.

Я сглотнул и огляделся по сторонам. День был прекрасный, солнечный, и слой тумана у берега смягчал жару. Воздух обладал свежей соленой сладостью, которая всегда исчезает в таких крупных портах, как Столица или Кишна-Фаррига. Над головой кричали чайки, сходя с ума от радости от внезапно обнаружившейся рыбы. Все вокруг казалось настоящим, если забыть о нависшей над головой волне.

Я стиснул зубы и перевел взгляд на девочку.

– Почему? – Если она – та, о ком я думаю, уточнять вопрос мне не придется. Моя богиня все поймет и так.

– Разве не смешно, что у коротких вопросов длинные ответы?

– Все равно, дай мне короткий ответ.

– Идет война. Она очень старая и очень плохая, и мы должны любой ценой одержать победу.

– Война? С кем? – Если бы Куур давно с кем-то воевал, я бы об этом знал. – Ты про ванэ, да?

– Нет, я про демонов.

– Про демонов? Но... – Я заморгал. – Ведь боги победили в той войне. *Мы* победили в той войне. Именно поэтому демоны должны нам подчиняться, когда мы их призываем. – Было так странно говорить об этом так, словно это произошло всего несколько лет назад, не больше пары десятков лет назад. Если когда-то и была война с демонами, то она закончилась так давно, что уже превратилась в легенду.

Но я вспомнил Ксалтората. Я подумал про императора – он ведь в основном был нужен именно для того, чтобы изгонять демонов или появляться там, где какому-то демону удавалось

собрать вместе достаточно себе подобных и устроить Адский марш. Жители Маракора и Джората, скорее всего, искренне верили в то, что мы все еще воюем с демонами.

Девочка сочувственно взглянула на меня.

– Нет, мы не победили. В этой войне проиграли все. Она не закончилась, просто возникло затишье, перемирие. Противники отступили в свои убежища залечивать раны – столь жуткие, что на выздоровление у нас ушли тысячи лет. – Она вздохнула. – А теперь мы готовы начать все это снова, только на этот раз отступать нам некуда.

Я скрестил руки на груди и уставился на море.

– И какая роль во всем этом уготована мне?

– Большие волны начинаются с маленькой ряби. Лавины начинаются с одного камешка.

У меня сдавило горло.

– Я... Я – твой камешек?

– Да. Кроме того, ты сам вызвался.

Я застыл. Неужели я действительно вызвался добровольцем?

– Ничего такого не помню, – сказал я наконец.

– Ну разумеется. Ведь ты тогда еще не родился.

– Не родился... – Я взял в себя в руки, чтобы не закричать. – А если я не хочу быть твоим камешком? Ты – богиня удачи. Разве у тебя нет слуг, которые приносят тебе обед или убивают твоих врагов? Я не хочу быть героем. Подобные истории плохо заканчиваются. Славный мальчик из деревни убивает чудовище, получает в жены принцессу и лишь тогда обнаруживает, что ему досталась высокомерная, капризная девица, которая считает себя во всем лучше него. Или он так упивается собственным величием, что начинает повышать налоги и возводить золотые статуи в свою честь, пока его народ умирает от голода. А избранные – такие, как император Кандор, в конце концов остаются гнить в джунглях Манола, утыканные стрелами ванэ. Нет уж, спасибо.

Девочка бросила ракушку через плечо, и та разбилась о камни.

– Тогда уходи. – Ее голос был не особенно похож на детский, но, с другой стороны, он уже давно изменился.

Я повернулся вокруг своей оси и раскинул руки, обводя берег, остров, море.

– А у меня есть выбор?

– Есть. Они приведут корабль, и ты сможешь отсюда выскользнуть. – Девочка улыбнулась, но глаза ее были печальны. – Неужели тебе кажется, что я не оставлю тебе выбора?

– Пока что ты мне его не давала.

– Значит, твоими решениями управляю я? Я заставила тебя освободить рабов на борту «Страдания»? Любопытно. Кто бы мог подумать, что у меня такая власть над тобой. – Она наклонилась, чтобы подобрать еще одну раковину. – Можешь не верить мне, если хочешь, но у тебя есть возможность уйти. Купи ту таверну, пей эль, заигрывай со служанками, а всех этих людей оставь в прошлом. Может, сумеешь спрятаться среди врагов, раз уж ты бросил друзей.

– Проклятье, ты ведешь нечестную игру! – воскликнул я, в ярости пиная камни.

– Правду часто неприятно слушать. – Девочка подошла ко мне. Ее большие фиалковые глаза пристально глядели на меня. – Я выбрала тебя из-за сентиментальности, из-за ностальгии, но не потому, что ты незаменим. Я могла выбрать другого. Уходи, если хочешь. То, что я даю тебе, истории Сурдые называют даром, а ты – проклятьем. Я открою тебе тайну, которую не знают тысячи людей, мечтающих стать героями: это и дар, и проклятье. Так было, и так будет всегда. Это удача и неудача, радость и боль. Они всегда будут вместе. Если ты пойдешь за мной, тебе не станет лучше. Герой, с которым не случается ничего плохого, – не герой, а просто избалованный неженка.

– Значит, испытание на стойкость?

– А что тогда, по-твоему, жизнь? Каждому достается своя боль, и не важно, почитает он меня или нет.

– Да неужели? Ведь именно после того, как я отвернулся от тебя, в моей жизни стало так много дерьма.

– Нет. – Она покачала головой. – Это в твоём характере стало много дерьма. Посмотри по сторонам. Ты раб-наложник с гаэшем какого-то слюнтяя торговца? Музыкант-кастрат какого-нибудь аристократа из Кишна-Фарриги? Может, ты принадлежал, хотя бы недолго, старому доброму Релосу Вару? То, что ты стал рабом, спасло тебе жизнь. Ты был убежден, что на тебе лежит проклятие, и поэтому, кроме него, ты ничего не видел. Ты отказался от удачи, от всех счастливых случаев, которые тебе подворачивались.

– А как же Мия?

– Её спасать не надо. – Девочка взяла меня за руку. Её ладонь была маленькая и теплая. – Что бы ни случилось, какие бы цепи ты ни носил, свободен ли ты, решаешь ты сам, и больше никто.

– Прости, но мой гаэш свидетельствует об обратном.

Девочка закатила глаза.

– Твой гаэш – ничто. Ты всегда будешь свободен, всегда сможешь решать, как отвечать на то, что с тобой происходит. Если ты всегда обладаешь свободой воли, пусть даже она состоит в том, чтобы не подчиниться гаэшу и умереть, тогда ты свободен. У тебя может быть мало возможностей для выбора, но выбор по-прежнему остается за тобой.

– Что ты хочешь сказать? Что я должен перестать ныть?

Она ухмыльнулась.

– Да.

– А, ну тогда ладно. – Я наклонился, посмотрел на ракушки и на темную волну. – Я в самом деле могу обо всем этом забыть и начать жизнь сначала?

Она стиснула мои пальцы.

– Нет.

– Но ты только что сказала...

– Ты можешь уйти. Я не солгала – этот выбор у тебя есть, но он почти всегда связан с разными ловушками и хитросплетениями. Даже если ты перестанешь бежать, не думай, что твои враги прекратят погоню или поверят, что ты не опасен.

– А откуда у меня вообще враги? Мне же всего шестнадцать! Я нажил себе только одного врага – Хариса. По какому праву другие люди хотят меня убить?

Она почти улыбнулась. Почти.

– Еще немного, и ты заявишь о том, что это несправедливо.

– **НО ВЕДЬ ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО!**

– Ладно. Я передам Релосу Вару и всем остальным, чтобы они перестали к тебе приставать. Наверняка он меня послушает, мы ведь такие хорошие друзья.

– Ты же богиня.

– А он – верховный жрец единственного существа во вселенной, которое является мне в самых страшных моих кошмарах. Так что тут мы с ним на равных.

Мне хотелось, чтобы все это оказалось шуткой. Мне хотелось, чтобы она наклонила голову и с улыбкой посмотрела на меня; чтобы в ее фиалковых глазах блеснула веселая искра. Но она этого не сделала. Ее глаза стали пустыми, из них пропало все озорство, и осталась только тревога. Это было не то выражение, которое я хотел видеть на лице женщины, которая мне дорога. Когда я увидел ужас в глазах богини, я почувствовал себя так, словно мне ударили дубиной в живот.

Моя богиня.

Проклятье.

Наверное, она меня простила. Наверное, я простил ее.

Я подобрал несколько раковин и стал крутить их в руке. Мы оба молчали.

– Я не хочу быть пешкой, – сказал я.

– Отлично. Это война, а не шахматы.

– Что тебе нужно от меня?

Она выдохнула – медленно, почти содрогаясь.

– Кирин, мир умирает.

– Умирает? Что ты...

– Солнце должно быть желтым, но сейчас оно другого цвета. Небо должно быть голубым, но и это не так. Я достаточно стара и помню время, когда наше солнце не было оранжевым и раздувшимся. Я помню время, когда мы не нуждались в Завесе Тиа, которая защищает нас от излучения⁵⁰. Мир умирает. Мы делаем все, чтобы его спасти, но у нас почти не осталось того, чем можно пожертвовать. Скоро настанет день, когда у нас совсем ничего не останется, и тогда конец уже будет близок, и это будет не пожар, а отупляющий холод и вечная тьма. – Она встала и посмотрела на нависшую над нами волну. – Если мы выберем этот путь, если будем и дальше делать то, что делали раньше, то проиграем. Сейчас мы лишь отдаляем неизбежное поражение. В этой войне проиграют все. Все.

– И ты хочешь, чтобы я это исправил? – На этот раз у меня в самом деле сорвался голос.

– Кирин, ты – мой козырь, мой туз в рукаве. Сделай то, что получается у тебя лучше всего – найди тропу, про которую никто не думал, дверь, которую никто и не подумал запереть на засов. Найди другой путь.

Я сел на мокрый песок.

– Я не знаю, как это сделать.

Она обняла меня.

– Ты сообразишь. Я в тебя верю.

Я горько рассмеялся.

– Это нечестно, Таджа. Как я могу отказать тебе после таких слов?

– Я играю не по правилам, – согласилась она и намотала на палец серебристый локон. –

Но, с другой стороны, ты тоже.

– Если я в форме, то да. – Я указал на волну. – А что будем делать с этим?

– Здесь? Ничего. Это просто сон, а она – просто метафора. – Она подняла взгляд. – Рано или поздно все обрушивается: волны, империи, народы и даже боги.

Волна шевельнулась, сдвинулась с места.

– Таджа! – взвизгнул я.

Девочка прижала меня к себе.

– Не бойся, Кирин. Я тебя не брошу.

Темная волна упала и принесла с собой ночь.

⁵⁰ Излучение чего? Я бы многое отдал за возможность задать Тадже несколько вопросов на эту тему – если, конечно, мы исходим из того, что в этой встрече Кирин на самом деле встретился с самой богиней (и да, я предполагаю именно это). Должен заметить, что в документах, созданных до появления богов-королей, мне не удалось найти ни одного упоминания о небесных феноменах, похожих на Завесу Тиа. До эпохи богов-королей поэты чаще всего описывали солнце словами «желтый» и «голубой».

20: Валатэя (Рассказ Коготь)

В камине библиотеки Миллигрестов бушевал огонь. Вечер не был прохладным, и поэтому воздух в комнате мало подходил для дыхания; жар там стоял такой, как в пекарне. Джарит оставил Кирина в библиотеке, пообещав найти главнокомандующего и прислать слугу, чтобы тот притушил огонь.

Стены и потолок большой библиотеки были обшиты деревянными панелями различного цвета, которые складывались в сложные узоры. Ни одна из книг не совпадала с ними по цвету, однако потрепанные корешки и загнутые страницы свидетельствовали о том, что книги часто читают. Кирин невольно почувствовал уважение к хозяевам: он слишком часто проникал в дома, «библиотеки» которых существовали только с одной целью – увеличить количество пыли, которую служанки должны сметать. Прежде чем налить себе выпивку или проверить, не увлекается ли главнокомандующий непристойными любовными романчиками о моргаджах, Кирин решил что-то сделать с огнем. Даже ему было слишком жарко, а ведь он обладал почти сверхъестественной устойчивостью к жару.

Он обошел вокруг набитого кожаного кресла, стоявшего напротив камина, и уже взял в руки кочергу, как вдруг за спиной у него кто-то откашлялся. Кирин покраснел от стыда: он понял, что в библиотеке уже кто-то есть.

– Простите, господин, я не заметил... – Кирин обернулся и умолк. Перед ним был не генерал и не кто-то из семьи Миллигрестов.

В углу библиотеки стояло кресло. В нем сидел Красавчик с книгой в руках.

– Проклятье! – Кочерга выпала из рук Кирина, и он бросился бежать.

Когда он оказался у двери, она распахнулась. Единственный путь к спасению заслонила огромная фигура главнокомандующего.

– Прошу вас, я... – начал Кирин, пытаясь обогнуть его.

– Что происходит? – решительным тоном спросил главнокомандующий.

– Понятия не имею, – донесся слишком знакомый голос из противоположного конца комнаты. – Обычно проходит не менее пяти минут, прежде чем люди убегают от меня с воплями. Кажется, я установил новый рекорд.

Главнокомандующий нахмурился.

– Успокойся, мальчик. Никто тебя здесь не тронет. Джарит сказал, что ты меня ждешь. А что ты здесь делаешь, принц-наследник? – Этот вопрос он адресовал Красавчику.

Кирин подавил дрожь и постарался взять себя в руки.

– Простите, господин. Он меня напугал. Я думал, что в комнате никого нет. Мне очень жаль. Я просто... пойду.

Генерал усмехнулся.

– Я понимаю, что сейчас, после встречи с демоном, ты всего боишься, но, уверяю тебя, принц-наследник де Мон – человек, как бы ни звучала его фамилия.

– Что такое? – спросил Красавчик.

Кирин сглотнул и осторожно бросил взгляд на Красавчика, который поднялся со своего места и пошел к нему. Его темно-каштановые волосы идеальными волнами падали ему на плечи. Как и раньше в доме казиварца, Красавчик был одет, словно особа королевской крови – в покрытую вышивкой синюю шелковую рубашку-«миша» поверх штанов «кеф» из синего бархата. Штаны были заправлены в высокие черные кожаные сапоги для верховой езды. На плаще поблескивали сапфиры и лазоревые бусины, сложенные в фигуру летящего ястреба на фоне золотого солнечного диска.

«Нет, – поправил сам себя Кирин. – Красавчик не одет, как принц. Красавчик и есть принц. Из дома де Мон».

У Кирина сердце екнуло от потрясения.

Генерал Миллигрест разочарованно надул губы.

– Я пригласил на ужин Верховного лорда Терина, а не тебя, Дарзин.

Красавчик поклонился.

– Приношу вам свои искренние извинения, главнокомандующий. Мой отец просил передать, что не сможет к вам приехать. Кажется, у него встреча с человеком, которому удалось раздобыть камень цали, а вы же знаете, что мой отец без ума от своей коллекции. – Говоря это, Красавчик скользнул взглядом по Кирину.

Кирин сжал кулаки и попытался унять бешено бьющееся сердце. Проклятье. Покупатель, о котором упоминал Мягкобрюх. Мягкобрюх сказал, что у него есть клиент, который собирает драгоценные камни. Если они хоть что-нибудь узнали от Мягкобрюха, они поймут, кто залез на ту виллу. Они будут знать, где его искать. *Я должен уйти, я должен уйти немедленно. Ох... Мне крышка...* Кирин заставил себя успокоиться.

– Хм... Да, я помню.

– А что это за история с демоном? – как ни в чем не бывало спросил Красавчик.

– Наверное, ты уже слышал об этом, – прорычал главнокомандующий.

– О нет. К несчастью, я почти ничего не знаю о важных событиях, происходящих в империи.

Кирин вдруг ощутил страстное желание срезать ножом довольную ухмылку с лица Красавчика.

Генерал Миллигрест прищурился.

– Сегодня на этого юношу, Кирина, напал принц демонов Ксалторат. Император изгнал его, но до того, как он прибыл на место, демон успел убить одного из моих людей. Волшебника, который призвал Ксалтората, мы все еще разыскиваем.

– Что? Зачем кому-то понадобилось натравливать принца демонов на какого-то мальчишку? – Дарзин с нескрываемым удивлением посмотрел на Кирина.

Кирин был поражен: Дарзин не пытался обмануть генерала – напротив, изумление Дарзина де Мона казалось неподдельным.

Дарзин призвал демона не для того, чтобы напасть на него?

– Мы все еще расследуем это дело. Возможно, это был каприз самого Ксалтората. Он любит мучить людей без всякой причины. Мы все еще пытаемся найти того, кто его призвал.

– Полагаю, этого волшебника уже сожрали. Разве подобные ритуалы не отличаются ужасной сложностью?

– Не могу знать. – Генерал Миллигрест бросил на аристократа взгляд, в котором читалось плохо скрываемое отвращение.

Кирин попятился к двери. Если ему удастся тихо уйти, то, возможно, про него забудут. Такого он не ожидал. Ему хотелось рассказать генералу, что Дарзин де Мон и Мертвец убили того ванэ и призвали демона. Но генерал знает Дарзина – знает настолько хорошо, что пригласил его на ужин. Миллигрест не поверит обвинениям Кирина.

Ничего не поделаешь. Кирин уйдет, купит арфу – любую арфу – и вручит ее Сурдые, сделав вид, что это подарок от генерала. Ола права. Когда-нибудь потом он отправит Джариту записку, в которой объяснит, что произошло. Он мысленно начал произносить свое заклинание: «Ни тела, ни звука, ничего... Меня здесь нет...»

– Как же хорошо, что появился император. Ведь иначе демон устроил бы настоящую бойню, верно?

– Дарзин, долг Санда – защищать империю. Он никогда бы не закрыл глаза на то, что здесь на свободе разгуливает принц демонов.

– Я это запомню. Мой сын испытает такое облегчение, когда узнает об этом.
Генерал раздраженно обвел взглядом библиотеку.

– Клянусь кузницей Аргаса! Да здесь настоящая печка!

Дарзин пожал плечами.

– Мне нравится. Так зачем вы привели сюда мальчишку? Джарит наконец-то вас разочаровал, и вы решили взять приемыша?

– Нет, конечно! Он... – Генерал посмотрел по сторонам, а затем вышел в коридор. – Кирин, ты куда?

Кирин, который уже размеренно и спокойно шагал прочь от библиотеки, остановился и подавил вздох.

– Ой. Прошу прощения, ваша светлость. Я подумал, что вы хотите побеседовать с принцем наедине.

– Что за глупости. Иди сюда. Чем быстрее мы с этим разберемся, тем скорее ты сможешь отправиться домой.

– Слушаюсь, господин. – Кирин подошел к генералу.

– Удивительно! – воскликнул Красавчик. – Я даже не заметил, как ты ушел.

– Да, господин, – ответил Кирин, глядя в пол.

– Мальчик, умеющий действовать так скрытно, мог бы сделать карьеру.

– Я понятия не имею, о чем вы, господин.

– Ну да... разумеется. Значит, тебя зовут Кирин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.